

ЖАК МАДОЛЬ АЛЬБИГОЙСКАЯ ДРАМА И СУДЬБЫ ФРАНЦИИ

ЖАК МАДОЛЬ

АЛЬБИГОЙСКАЯ
ДРАМА И СУДЬБЫ
ФРАНЦИИ

Jacques Madaule

LE DRAME
ALBIGEOIS
ET LE DESTIN
FRANÇAIS

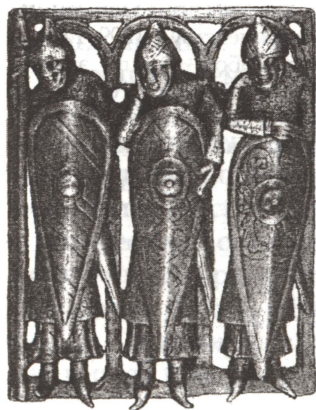

Paris
Bernard Grasset
1961

Жан Мадоль

АЛЬБИГОЙСКАЯ
ДРАМА
И СУДЬБЫ
ФРАНЦИИ

ЕВРАЗИЯ

2000

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит

*Кипрушкина
Вадима Альбертовича*

Жак Мадоль

Альбигойская драма и судьбы Франции. Перевод с французского к.и.н. Цибулько Г. Ф.; научный редактор к.и.н. Милютенко Н. И. — СПб.: Евразия 2000. — 320 с.

ISBN 5-8071-0037-9

Книга Ж. Мадоля посвящена одному из интереснейших периодов мировой истории — альбигойскому крестовому походу и присоединению Лангедока к Французскому королевству (1209–1249), событиям, которые знаменуют собой начало эпохи консолидации французского национального государства.

Книга написана живым, образным языком и рассчитана не только на историков профессионалов, но и на широкий круг читателей.

- © Цибулько Г. Ф., к.и.н.,
пер. с фр., 2000
- © Милютенко Н. И., к.и.н.,
комментарии и приложения, 2000
- © Лосев П. П., обложка, 2000
- © «Евразия», 2000

ISBN 5-8071-0037-9

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга Ж. Мадоля посвящена одному из периодов истории Франции, и, без сомнения, она будет полезна и интересна не только тем, кто интересуется европейской историей, но и позволит многое понять в развитии Руси XIII в. Казалось бы, ее предмет — еретическое движение, охватившее всю южную Европу, — бесконечно далек от Руси, но это не так. Действительно, именно в XIII в. возникает пропасть, отделившая православную Русь от католической Европы. Немалую роль в этом действительно сыграл Александр Невский (ум. 1262 г.), но объяснение его позиции кроется именно в событиях первой половины XIII в.

Раскол мировой христианской церкви на православную и католическую окончательно оформился в 1054 г., но в умы и сердца осознание этого факта проникло гораздо позже. Игумен Даниил, путешествовавший в Палестину в начале XII в., ничего плохого не пишет о иерусалимском короле Бодуэне Бульонском или о крестоносцах. Южно-русская летопись искренне скорбит о взятии турками Иерусалима, а погибшие в 1190 г. крестоносцы прямо названы «святыми мучениками» (ПСРЛ. Т. 2. Ст. 667–668). Автор «Слова о полку Игореве» (до 1205 г.) прекрасно осведомлен, что Ярослав Галицкий (1152–1187) посылал своих воинов в крестоносное ополчение.

Настоящий удар по романтическому отношению к отвоеванию Святой земли нанес IV крестовый поход, закончившийся захватом Контантинополя. Свидетелями этого были русские купцы и паломники, первые известия об этом событии пришли на Русь еще в конце 1204 г., а вскоре появляется подробное описание взятия города. Характерно, что обе эти записи относятся к Новгороду (Новгородская летопись старшего и младшего извода), теснее всего связанному с Западом, в частности, с Германией. Захват произошел вопреки воле папы Иннокентия III. Рядовые люди могли этого не знать, но князья должны были вскоре получить исчерпывающую информацию, и это не могло не повредить престижу Святого престола.

И это было еще не все. В 1199 г. тем же Иннокентием III был образован Тевтонский орден, а в 1202 г. возник орден Меченосцев. И тот и другой ставили своей целью защиту католических Германии и Польши от славянских и прибалтийских язычников. Но очень скоро польские князья, собственно и пригласившие Тевтонский орден, столкнулись с его крайней агрессивностью. Распространение христианства отошло на второй план, а во главу угла стал захват территорий. На страницах книги Мадоль читатель найдет волнующие описания аналогичных событий в Окситании. Все же южане были ближе северянам-французам, чем славяне-поляки немцам; стоит ли удивляться тому, что цели ордена так скоро были забыты на Балтийском побережье. Результат не замедлил явиться: в 1236 г. соединенные силы литовских язычников и русских христиан наголову разбили меченосцев под Шяуляем. В следующем году орден был слит с Тевтонским.

В 1241 г. орден попытался захватить Псков под набившим оскомину предложением защиты прав законного князя Владимира; чем кончалась подобная защита, можно было легко представить — в 1204 г. крестоносцы тоже поначалу защищали права законного императора из дома Комнинов.

Следующая фаза отношений Руси и папства начинается с татаро-монгольским нашествием 1239–1243 гг. Для Европы гибель «русских королевств» была символом грядущего конца света. Монахи и епископы из разгромленной Южной Руси бродили по миру вплоть до Англии, сея ужас рассказами о грядущем Апокалипсисе. На фоне все ухудшающегося положения в Палестине нашествие восточных орд на христианские страны вплоть до Польши и Венгрии включительно казалось предвестником грядущего конца.

В 1246 г. папа Иннокентий IV, тоже один из героев публикуемой книги, посылает посольство в столицу империи монголов, в далекий Каракорум, где сидит хан Гуюк, внук Чингис-хана. Папой движет желание больше узнать об этом грозном язычнике. Возникает идея, нельзя ли попытаться обратить его в христианскую веру.

На пути посольство стало невольным свидетелем борьбы между русскими князьями, теперь вассалами хана улуса Джучи Бату. Бату номинально подчинился своему младшему двоюродному брату Гуюку, но на самом деле трения между кузенами возникли еще во время осады Киева в 1241 г. Тогда в Каракоруме умер отец Гуюка, и тот спешно выехал во Внутреннюю Монголию.

В 1246 г. папский посол Плано Карпини стал свидетелем гибели черниговского князя Михаила, казненного по наговору Ярослава Всеволодовича,

князя Владимирского, только что утвержденного ханским ярлыком на вожденном великом киевском столе. Однако и сам Ярослав пал жертвой династической борьбы в доме Чингиса. Он должен был отправиться в Каракорум, где мать Гуюка отравила его на пиру. Стоит обратить внимание на то, что в открытую расправиться с самым мощным вассалом Бату в ставке Гуюка не посмели.

Иннокентий IV старается завязать отношения с литовскими князьями, а особенно с галицким князем Даниилом и его родным братом Владимиром Вольнским. Оба князя получают от папы пышные титулы королей, что должно было защитить их от посягательств западных соседей и сосредоточить всецело на борьбе с татарами. В 1251 г. крестится и тоже получает королевскую корону князь Миндаугас Литовский.

По сути дела речь идет о том, признавать себя русским князьям, все равно уже потерявшим самостоятельность, вассалами Орды или вассалами папы. С точки зрения интересов христианства следовало сделать второе, но действия западных «христианских» сеньоров сводили на нет все усилия папы.

В 1252 г. Александр Невский, утвержденный Бату и Гуюком на великокняжеском престоле в Киеве, продолжал жить в Новгороде. Во Владимире сидел его младший брат Андрей. К этому моменту явственно складывается пропапская партия, в которую входят Даниил с братом и Андрей, который женился на дочери Даниила. Судя по всему, резко против этого союза выступал тогдашний печатник (канцлер) Даниила и митрополит Кирилл. Едва ли можно оправдать то, что Александр инспирировал поход татар на своих младших братьев,

Андрея Владимирского и Ярослава Тверского. Но несомненно одно: союз с папой не мог принести ничего, кроме неприятностей. В 1215 г. Иннокентий III не смог защитить Раймона Тулузского, в 1216 г. вопреки его запрещению принц Людовик вторгается в Англию; если такое творилось посреди Европы, на что могла надеяться дальняя окраина?

Андрей был изгнан, Александр стал еще и князем Владимирским. Кирилл не возвращался в Киев вплоть до смерти Даниила, но сам князь вскоре охладел к Святому престолу, убедившись в несостоятельности своих надежд. Новый папа Александр III (1254–1261) постоянно пытался завязать отношения с Александром. Об этом говорят не только документы папского архива, но и упоминания русских летописей. На фоне непрерывных атак ордена на западные границы Руси это выглядело довольно жалко.

Самый тяжелый удар получил Миндаугас — в 1263 г. орденские войска вторглись на его земли, несмотря на запрещение папы Урбана IV (1261–1264). Результатом этого было отодвинутое на столетия крещение Литвы. Да и тогда католичество с большим трудом состязалось на этих землях с православием.

Как пишет Мадоль, не стоит пытаться представить, каким бы могло быть положение, если бы папский престол вел себя иначе. Иное поведение было невозможно в эпоху, когда все решала реальная военная сила, а этой силой двигали распри и желание приобрести новые территории. Духовный авторитет пап, пытавшихся на равных участвовать в этой борьбе, был полностью уничтожен, что и выразилось в знаменитом Авиньонском пленении. Впрочем, выбор Александра тоже не был

лучшим: после его смерти его сыновья погрязли в собственных и внутриордынских распрях, разоряя страну постоянной междоусобицей.

Прочитав эту книгу, читатель лучше представит себе XIII век во всем многообразии его трагедий, сотрясавших Европу от края до края.

*Кандидат исторических наук
Н. И. Милютенко*

ВВЕДЕНИЕ

Об альбигойском крестовом походе и катаризме написано много; об инквизиции, победившей катаров, также. Сколько-нибудь значительная библиография по одному из этих трех вопросов заняла бы бессчетное количество страниц. Однако, если основные факты достаточно хорошо известны, то многие детали пока покрыты мраком, который все еще не рассеялся, а к исследованиям примешиваются страсти. В качестве доказательства приведу лишь работу Пьера Бельперрона 1942 г. «Крестовый поход против альбигойцев и присоединение Лангедока к Франции (1209–1249)»¹. Прежде всего нужно воздать должное объему и достоверности информации. Бельперрон был не только издателем, он был историком, который умел работать. Он с полным основанием полагал, что надо наконец отреагировать на романтический рассказ Наполеона Пейра², доставлявший наслаждение нашим дедам. Протестантский пастор, ученик Мишле³, тот взял многое от пламенной природы

¹ См. Список литературы.

² *Peyrat Napoléon. Histoire des Albigeois. Les Albigeois et l'Inquisition. Paris. 1870–1872. 3 vol. Peyrat Napoléon. Histoire des Albigeois. La Civilisation Romane. Paris. 1880–1882. 2 vol. Пейра, Наполеон* (р. в 1809) — французский писатель и историк, протестант, пастор реформатской церкви в Сен-Жермен-ан-Ле. Автор многих исторических трудов.

³ *Мишле, Жюль* (1798–1874) — французский историк романтичес-

своего учителя. Он страдал с гонимыми катарами, как если бы они были его отцами по вере. Он видел в римской церкви Зверя Апокалипсиса, бесстыдно восседающего на водах и попирающего правосудие и истину. Он давал аргументы антиклерикалам Юга, полагавшим, что они должны отомстить церкви за давнее оскорбление. Жорес и Комб¹, лангедокцы, тоже были знакомы с книгой Наполеона Пейра.

Однако когда слишком страстно борются за правду, случается, что ее искажают. Пейра наивно верил во все, что включил в свой труд, и с тем же простодушием отбрасывал остальное. Он стоял у истоков долгой традиции, вскормившей много душ, но большей частью постным мясом. Беллетрист вроде Мориса Магра² волен принимать всерьез легенду об Эсclarмонде де Фуа; но серьезный историк обязан вернуть этой личности ее истинное значение. На самом деле мы немного знаем об этой знаменитой женщине. Возможно, легенда о ней содержит некоторые достоверные факты, но никаких доказательств этого нет. Мы должны смириться с тем, что плохо представляем себе человеческий облик глав катарского движения. В большой степени в этом вина инквизиторов, которые мало интересовались человеческой сущностью своих жертв, иначе у них не хватило бы духу

кого направления, республиканец и антиклерикал. Крупнейшие его труды — многотомная «История Франции» и «История французской революции».

¹ См. прим. на с. 270–271.

² *Магр, Морис* (р. в 1877) — французский литератор, поэт, писатель и драматург. В частности, автор романов «Кровь Тулузы. Альбигойская история XIII века» (Париж, 1931) и «Сокровище альбигойцев» (Париж, 1938).

послать их на костер. Но это и благородная вина самих катаров, не придававших никакого значения своей смертной оболочке.

Можно было бы заполнить эти белые пятна при помощи воображения, но тогда незачем писать исторические труды. Историю после Наполеона Пейра следовало переписать, что и сделал Пьер Бельперрон. Но если историк не должен быть легковерным, то он все же должен испытывать хоть немного сочувствия к тем, о ком он рассказывает, иначе он рискует совсем их не понять. У Бельперрона же не было ни малейшей симпатии ни к катарам, ни к южанам, о несчастьях которых он повествует. Он писал в то время, когда Франция была растоптана нацистами, а правительство Виши¹ утверждало, что поражение было для доверившегося ему народа справедливой и необходимой карой. Так думает и Бельперрон об Окситании² начала XIII в. Победы де Монфора и французских королей просто свидетельствовали о моральном превосходстве северных французов над южными. В конце концов победили наилучшие. Кроме того, поскольку в этих жестоких событиях рождалось французское единство, цель, казалось, оправдывала средства, и в конечном счете следовало радоваться

¹ Правительство Виши стояло во главе Франции во время второй мировой войны. Подписало капитуляцию перед Германией. На Юге Франции была создана зона марионеточного правительства маршала Петена со столицей в Виши.

² Окситания — страна языка «ок», область, где говорили на диалектах старопровансальского языка: Аквитания (Гиень), Гасконь, Наварра, Лимузен, Прованс, Альбижуа и др. Родственным был старокаталонский язык. Северная Франция — это страна языка «ойль» (различались по произношению слова «да»).

уничтожению культуры, приносившей прекрасные плоды.

Столь пристрастная история требовала ответа. Его взяла на себя Зоя Ольденбург. В 1959 г. в «Костре Монсегюра»¹ Бельперрон получил отповедь, которой заслуживал; к красивому названию обязывал характер серии, начало которой положила книга². Зоя Ольденбург по сути дела заново рассказала об этих трагических событиях. Она вложила в книгу все сочувствие, недостающее ее предшественнику, одновременно избежав фантазий Наполеона Пейра. Ее история точна, но она также и правдива той особой правдой, куда более глубокой, нежели формальная точность, которая дорожит именно сочувственным пониманием предмета. Думаю, г-же Ольденбург долго нечего было противопоставить, даже когда некоторые мелочные критики и находили в ее книге кое-какие неточности. Их допускают все, и было бы странно, если бы их не оказалось в такой важной работе.

Годом позднее в Барселоне на каталонском языке появилась еще одна серьезная книга, и можно только пожелать, чтобы ее перевели на наш язык: Жорди Вентура «Педро Католик и Симон де Монфор»³. Для Юга роль короля Педро Арагонского⁴, убитого под стенами Мюре в 1213 г., известна. Видный каталонский историк задался вопросом: почему человек, ортодоксальность которого всегда была бесспорной, человек, считавший самого себя вассалом Святого престола, мог вступить в откры-

¹ См. Список литературы.

² «Folio/Histoire».

³ См. Список литературы.

⁴ См. прим. на с. 37.

тую борьбу с Симоном де Монфором и северными крестоносцами? Совершенно очевидно, что это произошло не по религиозным мотивам. Разве не упрекал Педро Арагонский своего вассала Пьера-Роже Транкавельского¹, виконта Безье и Каркассона, что тот оказался в подобном затруднении «из-за безрассудных людей и их безумной веры»?

Итак, мотивы Педро Арагонского были политическими. Его род правил в Провансе, он держал Монпелье и множество сеньорий на север от Пиренеев, его вассалами были Транкавели, для Педро речь шла о создании окситано-каталонского государства по обе стороны Пиренеев, от Эбро до Ниццы. Два препятствия стояли на пути: прежде всего французский король, суверенитет которого теоретически простирался вплоть до Пиренеев на все страны языка «ок»; затем — граф Тулузский, также желавший править суверенным государством. Сложность ситуации заключалась не только в соперничестве Тулузы и Парижа, но также Тулузы и Барселонны². Жорди Вентура, не испытывающий никакой особой симпатии к катарам, но сожалеющий, что окситано-каталонское государство не было создано, написал книгу живую и хо-

¹ См. прим. на с. 111.

² Графство Барселонское входило в Испанскую марку Карла Великого. После смерти императора Людовика Благочестивого (814–840) вошло в королевство его младшего сына Карла Лысого (823–877, король западных франков с 840, император с 875 г.). В 1109 г. граф Раймон Беренгьер женился на Дуче Прованской, дочери последней графини Герберги. В 1134 г. его сын Раймон Беренгьер женился на Петронилле, дочери короля Арагона Рамиро Монаха, и Прованс оказался соединен с Арагонским королевством. Формально Каталония (графство Барселонское) находилось в вассальной зависимости от Франции вплоть до XVIII в.

рошо документированную, и она была мне хорошим подспорьем.

На следующих страницах не будет ни новой истории крестового похода против альбигойцев, ни истории сопровождавшей его инквизиции. В работе Жана Гиро¹, к сожалению, незаконченной, и в совсем недавнем труде каноника Анри Мезоннева² о последней сказано самое главное. Приверженцы катаров, называющие себя неокатарами и пишущие в «Ученых записках о катарах» («*Cahiers d'Etudes Cathares*»), Деодат Роше и некоторые другие писатели, среди которых в первую очередь следует назвать Рене Нелли, с определенной резкостью упрекают Жана Гиро в том, что он описал катаризм главным образом по протоколам инквизиции. Это правда; но протоколы — ценный источник и часто единственный, имеющийся в нашем распоряжении. Во всяком случае, можно утверждать, что Жану Гиро, тоже уроженцу Лангедока, хотя и пламенному католику (разве не был он главным редактором «Круа»³?), достало и понимания, и сочувствия к жертвам инквизиции. Я считаю, что историю инквизиции со времени Гиро и Мезоннева переделывать нечего.

Что же касается самого катаризма, то это предмет более тонкий. Книги катаров, за небольшим исключением, исчезли. Однако открытия еще возможны. Недавние находки пролили свет на проблему природы и происхождения катаризма. Прежде всего это манихейские тексты⁴, прекрасно про-

¹ См. Список литературы.

² См. Список литературы.

³ «Круа» («Крест») — католическая газета, основанная в Париже в 1880 г.

⁴ *Манихейство* — еретическое течение в зороастризме, государственной религии Ирана. Возникло в III в. Основателем его был

комментированные и интерпретированные Эме Пюэшем¹; затем «Книга о двух началах», открытая отцом Донденом²; наконец, недавно обнаруженная в Верхнем Египте гностическая библиотека³, откомментированная Жаном Дорессом⁴. Появились многочисленные работы, посвященные болгарским богомилам⁵, несомненным предшественникам

пророк Мани, которому покровительствовал персидский царь Шапур I (240–272). Мани родился в парфянской семье, но вырос в Палестине, где его отец вступил в какую-то иудео-христианскую секту. В его учении догматы зороастризма (о двух началах мира, злом и добром, Ормазде и Аримане) сочетались с верованиями христиан-гностиков (см. ниже). Мани полагал, что этот мир сотворен злым духом, проповедовал аскетизм, целомудрие и отказ от собственности; тем не менее его последователей, живших в монастырях, обвиняли в разврате. Манихеи преследовались и христианами, и зороастрийцами как еретики. Мани был казнен при сыне Шапура Вахраме I в 273 г.

¹ Puech, Aimé. Histoire de la littérature grecque chrétienne depuis les origines jusqu'à la fin du IVe siècle. Paris: Société d'édition des Belles-Lettres. 1928–1930. 3 vol. *Пюэш, Эме* (р. в 1860) — французский историк-эллинист, специалист по раннему христианству.

² См. Список литературы.

³ *Гностики* — христианская секта, заимствовавшая многое как из зороастризма, так и из древнеязыческих культов, например, Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего). Они полагали, что земля и телесный мир — это воплощение злого начала и созданы не Богом, а Демиургом (творцом). Логос (разум), Демиург и человек происходят от Бога. Душа из космических сфер облекается телом и теряет свое совершенство, приходя в мир тьмы. С помощью знания (гносиса) человек должен пробудить в себе свет и воссоединиться с божеством. Библиотека гностиков была случайно обнаружена во время земляных работ близ древнего города Хенобоскиона в Египте в 1946 г. Среди книг были апокрифические (не включенные в канон христианской церкви) Евангелие Истины, Евангелие от Фомы и Евангелие от Филиппа.

⁴ Dorese, Jean. Les livres secrets des gnostiques d'Égypte. T. I. Introduction aux écrits gnostiques coptes découverts à Khénoboskion. T. II. L'Évangile selon Thomas, ou les paroles secrètes de Jésus. Paris: Plon. 1958–1959.

⁵ *Богомилы* — христианское еретическое течение в Болгарии X в., входившей тогда в состав Византийской империи. Его возник-

наших катаров. Наконец, работы, в течение десяти лет публикуемые «Обществом по изучению катаров» («Société des Etudes Cathares»), хотя порой и отличаются некоторой предвзятостью, заслуживают самого пристального внимания. Но, к сожалению, они чаще ставят проблемы, чем разрешают их. В самом деле, выдвигаются два положения, доказательства которых трудно привести: 1) катары принадлежат к гностическому и манихейскому течению первых веков церкви; 2) через розенкрейцеров¹, наследников уничтоженных тамплиеров, и философию Рудольфа Штейнера² их влияние дошло до наших дней. Это возможно, но не бесспорно.

новение связывают с переселением манихеев во Фракию Константином V (741–775) и с переселением павликиан в окрестности Филиппополя при Иоанне Цимисхии (969–978). И те, и другие были обязаны военной службой на границах империи в обмен на религиозную свободу. Расцвета достигли в XI в., когда предводитель богомилов Василий проповедовал при дворе самого императора Алексея Комнина, где был схвачен и казнен. Как и многие поздние катарские проповедники, он был врачом. Богомильские обряды явно прослеживаются у катаров. В частности, богомилы сами совершали исповедь; не только мужчины, но и женщины участвовали в посвящении неофитов. Их обвиняли в безнравственности, так как мужчины ходили на проповедь вместе с женщинами. Некоторые воззрения богомилов — например, что лучшие люди не умирают, а становятся единотелесными с Христом — присутствуют у современных иеговистов.

¹ *Розенкрейцеры* — мистическое религиозное братство, возникшее в XVII в. Символами его были Роза и Крест, откуда, судя по всему, и название. Основателем считался мифический Христиан Розенкрейц, живший якобы в конце XIV — начале XV вв. Считались хранителями тайного знания рыцарского ордена тамплиеров, разгромленного королем Филиппом Красивым.

² *Штейнер, Рудольф* (1861–1925) — немецкий философ-мистик, основатель антропософии — учения, включившего элементы гностицизма, манихейства, каббалы в сочетании с идеями Гете и Гегеля.

Немецкий ученый Арно Борст¹ несколько лет назад посвятил катарам значительную работу, учитывая всю опубликованную до него. «Ученые записки о катарах» справедливо упрекали его в полном отсутствии сочувствия и, как следствие, понимания тех, кого он так тщательно изучал. И все же его книга — неисчерпаемый источник впервые собранных ценных сведений, и все, изучающие катаров после Борста, многим обязаны ему. Я сам хочу выразить здесь ему признательность.

Это лишь краткий обзор всего имеющегося на этом чудовищно загроможденном поле деятельности. Бросаясь в свой черед в битву, что же хотел сделать я? Рассмотреть эту трагедию в аспекте всеобщей истории, ее роль не только для нашей страны, но и для истории западноевропейской цивилизации в целом. Сразу же встают деликатные вопросы: каким именно было положение Юга Франции, когда над этим краем разразилась гроза? Действительно ли там расцвела подлинная культура? Каков был ее характер? Существовало ли на Юге что-то похожее на то, что мы, современные люди, называем национальным чувством? Каковы были действительные связи между Южной и Северной Францией до их жестокого противостояния?

Это, возможно, прояснит причины, по которым катаризм обрел на Юге оптимальные условия для существования. Затем мы могли бы спросить себя, чем же был сам катаризм, но при этом стараясь изучать его конкретно-исторически. Я полагаю, что историк — это тот, кто расставляет реалии по

¹ См. Список литературы.

местам, которые они занимали в свою эпоху. Доктрина катаров интересна сама по себе и, разумеется, занимает свое место в истории мысли. Но историка занимает прежде всего то, как она жила, влияя на людей определенной эпохи и круга. И, как всегда в истории, именно так все было только один раз. Богомилы Болгарии и Константинополя вовсе не были катарами Окситании, даже если установлен факт тесных связей между ними. То же относится к позднейшим розенкрейцерам. И катаризм, такой, как мы его изучаем, расцвел только один раз.

Реакция церкви на катарскую угрозу, реакция Франции на южный сепаратизм назывались крестовым походом и инквизицией. Это тоже институты эпохи, которые должно оценить с ее точки зрения, а не с нашей. Пристрастные суждения о крестовом походе и инквизиции не учитывают феномена христианства, глубоко определяющего особенности средневековья в его апогее. Быть может, необходимость бороться средствами инквизиторов против катарского раскола обрекла на смерть само христианство и подготовило рождение наций. Все это мы собираемся рассмотреть.

Наконец, то, как побежденная и униженная земля, превращенная во французскую провинцию Лангедок, реагировала на свалившееся на нее несчастье, станет последним вопросом, который мы поставим. Это касается характера нашего национального единства. С этой точки зрения история каждой нации совершенно уникальна. Нигде нет ничего похожего на наш Лангедок ни по способу, которым он был объединен с Францией, ни по роли, которую он играл впоследствии во французском единстве.

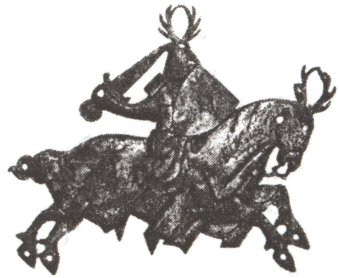
Мы видим, что здесь речь не идет о собственно истории, если понимать под ней более или менее детальное изложение серии событий. Большая часть тех, что будут упомянуты, достаточно хорошо известны. Мы их кратко напомним, если сочтем необходимым, и сопроводим этот очерк хронологической таблицей, позволяющей, полагаю, без особого труда ориентироваться в нем. Общая библиография даст необходимые указания желающим продолжить изучение.

Я только что назвал эту работу очерком, потому что ее цель — ответить на ряд спорных вопросов. Эти вопросы, как я уже показал, — исторические, потому что они точно зафиксированы во времени и в пространстве. Но они актуальны и в другом смысле. Лангедок не только всегда являлся одной из важных составляющих французского единства, что постоянно оборачивалось другой стороной, порой опасной, когда речь шла об определенных исторических понятиях — таких, например, как христианство. Крестовый поход против альбигойцев и учреждение инквизиции как его следствие — существенные явления христианства, однако действия французской королевской власти определенно не исчерпываются этим. Сначала бессознательно, а с царствования Филиппа Красивого¹ все более и более целеустремленно она готовит появление совершенно новой реалии. Через потрясения XIII в. средние века из детства вступают в современный мир. Это уже материал для размышлений, намного превосходящий сам предмет этого исследования.

¹ Филипп IV Красивый (1268–1314) — король с 1285, внук Людовика Святого.

Глава I

МЕЖДУ РОНОЙ И ГАРОННОЙ

МЕЖДУ РОНОЙ И ГАРОННОЙ

Между реками Гаронной, Роной и самыми южными склонами Центрального массива с одной стороны и Средиземным морем, Корбьерами и Арьежскими Пиренеями — с другой простирается обширная равнина, сложенная из аллювиальных отложений. По ней с глубокой древности то и дело шли купцы и солдаты. В доказательство этого упомяну лишь, что цитадель Ансерюн близ Ниссана, между Безье и Нарбонном, видела у своего подножия войска Ганнибала¹ еще до появления римских легионов. Затем появились вестготы и

¹ Ганнибал (ок. 247–183 до н. э.) — карфагенский полководец. Во время Пунических войн с Римом в 218 г. до н. э. совершил переход через Испанию, Пиренеи и Альпы в Италию.

сарацины¹. Край долго назывался Готской маркой, а многие местные географические названия хранят память о мусульманских набегах. Подобно Стране Басков на западе, это врата Франции, за которыми лежит Испания. По-другому край назывался Септимания, поскольку в Безье стояли ветераны седьмого легиона. Эта область, вместе с Нимом и Нарбонном, — самая романизованная в Галлии. Нарбоннский край называли *Gallia togata* — «Галлия в тоге», в противоположность остальной части, «Галлии косматой». Древняя Толоза, начало которой теряется во мраке времени, уже тогда была известным центром риториков и поэтов. Но много ранее, когда она являлась столицей вольков-тектосагов², не в ее ли землю закопали похищенное в Дельфах золото, знаменитое золото Тулузы?

Эта земля располагалась прямо в центре Юга. Достаточно переплыть реку, и оказываешься в Гаскони, очаровательной, пересеченной ложбинами и холмами стране, где высится старинный город Ош, столица Новемпопулании, то есть Края девяти народов. Стоит лишь дойти по течению до низовьев, и мы на великолепной, покрытой фруктовыми деревьями средней долине Гаронны, у подножия известняковых обрывов Керси. Мимоходом

¹ *Вестготы* — западная ветвь германского племени готов, в IV в. вторгшихся на территорию Восточной Римской империи. В V в. они двинулись в Италию, а в 419 г. основали Тулузское королевство, куда вскоре вошла и Испания. *Сарацины* — арабы, вторгшиеся в Испанию в 711 г. К 718 г. захватили большую часть Пиренейского полуострова и вторглись в Австризию, но были разбиты Карлом Мартеллом при Пуатье в 732 г. Его внук Карл Великий отвоевал у арабов территории вплоть до р. Эбро и основал Испанскую марку.

² *Вольки* — кельтское племя, жившее в Иллирии (Северная Африка).

поприветствуем красную цитадель Монтобана в нижнем течении Тарна и потом через Муассак и Кастель-Саразен подойдем к Ажену и Марманду — западной оконечности этой обширной территории. По другую сторону находится Борделе с совсем иной историей. К юго-востоку и юго-западу от Тулузы каждая пиренейская долина имеет собственный облик: Бигор, Комменж, Кусеран, край Фуа совершенно различны, но сходятся у Тулузы. На северо-востоке, севере и северо-западе притоки Гаронны открывают путь на Керси — от Кагора, еще испытывающего тулузское влияние, до Альбжуа и даже Руэрга.

Хотя эта земля гораздо более рассечена и раздроблена, чем Парижский бассейн, она тем не менее представляет собой целостность, естественной столицей которой является Тулуза. Характер этого края двойствен: есть равнины и горы — первые богаче, приветливее, населеннее, цивилизованнее, последние грубее, но более стойкие, убежище для побежденных, хранители традиций, родители отважных и стойких. Эти ловкие пиренейские и корбьерские пастухи, могучие и неотесанные люди Монтань-Нуар, гор Лакона и Руэрга в будущем составят силу южных войск. С другой стороны, есть средиземноморские и атлантические склоны, климат и растительность которых совершенно иные. Граница между ними пролегает в Лораге, между целиком средиземноморским Каркассоном, с его оливковыми деревьями, и Тулузой, часто туманной, щедро орошаемой океаническими дождями. От Лораге через проход Сен-Феликс мы напрямиком, огибая Монтань-Нуар, попадаем в Альбжуа, а направляясь от Каркассона в долину реки Од — углубимся в горы Корбьера. Испания совсем

рядом, графство Барселонское соприкасается с Тулузским, и обе столицы оспаривают друг у друга главенство; одна, опирающаяся на Монпелье, лучше расположена для того, чтобы доминировать в Средиземноморье; другая распространяет свое влияние к западу.

Что ж удивительного, что в этой точке слияния, пересечения многочисленных дорог смог возникнуть и укрепиться такой центр культуры, как Тулуза? При всем различии между горцами и жителями равнин, людьми Средиземноморья и людьми, тяготеющими к Атлантике, по меньшей мере их связывает один язык. Это романский язык «ок», и край мог бы за неимением лучшего называться Окситанией (Occitanie)¹ или Романией. Следует только заметить, что диалект «ок» выходит далеко за границы, которые мы попытались очертить. Землями языка «ок» являются Лимузен и даже Пуату. Самым первым трубадуром был Гильом IX Аквитанский², правивший в Пуатье, а некоторые из самых знаменитых трубадуров, в частности, Бертран де Борн³, были лимузенцами в широком смысле слова. Наконец, не забудем о расположенном по другую сторону от Роны Провансе⁴, имперской земле, судьбы которого совсем

¹ См. прим. на с. 13.

² Гильом IX — гр. Пуатье и герц. Аквитанский (1071–1126). Женат на сестре Гильома IV (1061–1093) и Раймона IV Тулузских Филиппе. Неоднократно был отлучен от церкви за развратное поведение. Участник первого крестового похода. Первый трубадур.

³ Бертран де Борн (ок. 1182/1195–1215) — лимузенский рыцарь, один из известнейших поэтов на языке «ок» своего времени, участник всех интриг и распри при дворе Генриха II Английского (1154–1189) и его сыновей.

⁴ Прованс по Верденскому разделу отошел к императору Лотарю I (795–855) вместе с землями по Рейну и Роне и Италией. После

иные, но где также говорят на диалекте «ок», и большинство современных французов даже называет этот диалект провансальским. Что же до каталанского языка, то он в средние века мало отличался от окситанского.

Несмотря на широкую распространенность, с XI века этот язык отличается примечательным единством. От Борделе до Прованса, от Лимузена до Руссильона все трубадуры пишут на одном и том же диалекте, словно бы бесчисленные наречия, на которые он потом раздробился, слились тогда в общий язык. Общий язык предполагает общую культуру, и мы видим, что этот необычный феномен довольно внезапно возникает на заре XI века, ставшего почти для всей Европы временем обновления.

Но край, облик которого мы попытались обрисовать широкими мазками, — лишь среда развития этой культуры. Ее взлет — это завершение другой долгой истории, порой темной и запутанной. Известно, что меровингская Франция¹ в конечном счете разделилась на четыре больших области: на северо-западе, от Ла-Манша и Северного моря до

его смерти Прованс и королевство Бургундия достались его сыну Карлу (ум. 863). Впоследствии составили Арелатское королевство, вошедшее в Германию в 1032 г. Таким образом, графства Прованское и Бургундское (Франш-Конте) были ленами империи, а герцогство Бургундское входило с X в. во владения Капетингов. Прованс присоединил к графству Барселонскому гр. Раймон Беренгьер I, женившийся на Дуче Прованской в 1109 г., после чего графство наследовалось младшими сыновьями рода. Часть Прованса еще раньше отошла к графам Тулузским после брака Гильома Талайфера (950–1037) с Эммой Прованской.

¹ Меровинги (V в. – 751 г.) — династия германских франкских королей, захвативших земли галлов, но принявших их язык и культуру.

Мааса — Нейстрия; на северо-востоке — Австразия, от Мааса до сердца бывшей земли германцев, постепенно завоеванной войсками Меровингов и Карла Великого¹. Он сам был родом из Австразии, и ему удалось собрать под своим скипетром почти всю христианскую Европу, за исключением англосаксонских королевств. Юг Франции был поделен между Аквитанией² и Бургундией. Но Меровингам и Каролингам всегда было крайне трудно утвердить свою власть именно в Аквитании, где жили народности разного происхождения, но объединенные одной общей чертой: они намного меньше, чем все прочие, испытали германское влияние. Через Пиренеи они имели постоянную связь с соседней Испанией. Любопытная вещь: Пиренеи в средние века, по крайней мере на восточной и западной оконечностях, были вовсе не препятствием, а скорее мостом. По обеим склонам жили одни и те же народы.

Итак, Аквитания оставалась относительно независимой от Северной Франции почти все раннее средневековье. Когда в 843 году в Вердене великая империя была разделена между тремя сыновьями Людовика Благочестивого, Карл Лысый³ получил Францию, то есть в основном бывшую Нейстрию

¹ *Карл Великий* (742–814) — король франков (с 768 г.), император (с 800 г.). Умер 25 января 814 г.

² *Аквитания* — «страна вод». При Карле Великом — королевство его сына Людовика Благочестивого (впоследствии императора), затем отошло Карлу Лысому, было попеременно то королевством, то герцогством, пока не установилась герцогская династия.

³ *Людовик Благочестивый* (778–840) — король франков, император с 814 г. *Карл Лысый* (823–877) — младший сын Людовика, которого он одно время прочил в императоры в обход прав старших сыновей, король западных франков с 840 г., император с 875 г. Доставшиеся ему земли составили основу будущей Франции.

и бывшую Аквитанию от устья Шельды до устья Эбро. Более вытянутая с севера на юг, чем современная Франция, эта каролингская Франция включала Антверпен и Барселону, но доходила лишь до Мааса, Соны и Роны. Две больших области, ее составляющих, сыграли неравную роль в ее истории. На Севере, между Парижем и Ланом, лежал центр ее тяжести и решалась ее судьба, в то время как края к югу от Луары были по сути дела предоставлены сами себе. Последний каролингский акт, касающийся Юга, датируется 955 годом, первый капетингский акт¹ — 1134 годом. В этот временной промежуток Юг был еще в большей степени, чем Север, оставлен на произвол феодальной анархии.

При этой анархии церковь долго являлась единственным элементом порядка и относительной стабильности. Земли объединяются вокруг больших архиепископств или епископств Нарбонна, Оша и Тулузы и особенно — вокруг крупных аббатств, среди которых аббатство Аньян, основанное при Людовике Благочестивом святым Бенедиктом Аньянским², сыном графа Магелонского. Именно он ввел на Юге бенедиктинский устав. Позднее южные аббатства присоединились или к Ключни, или к Сито³. Фонфруад близ Нарбонна, Грансельв, Лаг-

¹ *Капетинги* — династия французских королей, сменивших Каролингов в 987 г. и правившая до 1328 г., хотя и Бурбоны, и Валуа — младшие ветви той же династии.

² *Бенедикт Аньянский* (ок. 750–821) — вестгот, воспитывался при дворе Карла Великого, советник императора Людовика Благочестивого. Восстановил монастырский устав Бенедикта Нурсийского (480–543) в первоначальной строгости.

³ *Ключни* — французский бенедиктинский монастырь, начавший в X в. борьбу за реформу католической церкви, откуда и название — ключнийское движение. Их особо поддерживал папа Григ-

рас, Сен-Папуль, Сен-Пон-де-Томьер сияли тогда несравненным блеском; одновременно множилось и епископства — Каркассон, Альби, Магелон и т. д. Но в отсутствие королевской власти, которая всегда поддерживала церковь на Севере, церковь на Юге намного сильнее срослась с феодальной системой. Знатные семьи оспаривают друг у друга аббатства и епископства, и Григорию VII¹ труднее всего будет провести свою реформу на французском Юге, где симония и порочные нравы остаются незаживающими ранами и мешают подлинной евангелизации края.

В самом деле, было бы немалым заблуждением полагать, что христианство очень быстро и легко преодолело бесчисленные препятствия, которые встречало на пути. Их было на Юге не меньше и даже больше, чем где-либо, по двум внешне противоположным причинам: с одной стороны, через этот край прошло множество завоевателей, среди которых были и ариане² — вестготы, и мусульмане — сарацины; с другой стороны, похоже, что население, особенно горское в Арьежских Пиренеях, но не только оно, прочно хранило память и более, чем просто память, о древних верованиях. Горы традиционно были хранителями прошлого, и весьма вероятно, что культ Митры и даже дру-

горий VII. Расцвета достиг в XI–XII вв. *Cito* (Cistercium) — французский монастырь, положивший начало целой конгрегации монастырей и ордену цистерцианцев.

¹ Григорий VII (Гильдебранд) — папа римский (1073–1085). Боролся за инвестицию с императором Генрихом IV. Проводил церковную реформу, названную также клонийской.

² Ариане — последователи Ария (256–336), епископа, отрицавшего божественную сущность Иисуса Христа и догмат о троичности божества. В 325 г. был осужден вселенским собором; тем не менее арианство было очень распространено среди готов.

идский культ¹ имели более или менее осведомленных приверженцев еще долго и в средние века. Добавьте к этому постоянные приезды купцов из-за моря или мусульманских стран, великое множество евреев, высоко уважаемых, имевших в Люнеле одну из своих самых процветающих школ. Большого и не нужно, чтобы объяснить религиозную пестроту Юга, столь отличного и в этом отношении от Севера, и всегда существовавшую там терпимость, возможно, окрашенную некоторым скептицизмом.

¹ *Митра* — зороастрийское солнечное божество, победитель злого духа Аримана. Его культ был очень популярен в Риме I–II вв. н. э., особенно среди легионеров. Лег в основу манихейства (см. прим. на с. 16–17). *Друиды* — жрецы древних кельтов, т. е. вольфов и галлов.

ТУЛУЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В момент, когда трагедия уже готова обрушиться на Юг, он почти достигает того, чего ему недоставало, — некоего политического единства. Графы Тулузские из рода Раймондинов, или Сен-Жилей, вели происхождение от некоего Фульгуальда, каролингского чиновника, имя которого упоминается в середине IX века, в эпоху Карла Лысого. Вторым сыном Фульгуальда был Раймон I. Домены Раймондинов с течением времени были разделены между различными ветвями этого дома до той поры, покуда на трон не взошел знаменитый Раймон IV¹ де Сен-Жиль, ставший настоящим предводителем первого крестового похода². Он сосредоточил в своих руках все земли своих предков и присоединил к ним Прованский маркиза³, полученный от жены. Трудно определить точную протяженность этого большого фьефа в конце XI века, впрочем, как и в какую-либо другую эпоху. Он и впрямь был составлен из отдельных земель, рассеянных между Ажене и Конта-Венессен. Эти

¹ Раймон IV (ок. 1041–1105) — гр. Тулузский с 1093 г. Скончался близ Триполи.

² Первый крестовый поход состоялся в 1096–1099 гг. Среди предводителей похода были также Готфрид и Бодуэн (Балдуин) Бульонские, Боэмунд Тарентский, сын герц. Апулии и Калабрии Робера Гискара, Гуго, гр. Вермандуа, брат короля Франции Филиппа I, Роберт, герц. Нормандский, брат короля Англии Вильгельма Рыжего, и др.

³ Прованский маркиза — часть территории графства Прованского, отошедшая к Тулузе по браку Гильома Талайфера с Эммой Прованской.

земли то присоединяются к Тулузе, то ускользают от графа, чтобы в конечном счете вернуться к нему благодаря войне или браку.

Первоначальный характер этого Тулузского государства был до крайности нестабилен. Тем не менее здесь есть центр тяжести, подобный герцогству Франция в Иль-де-Франсе, которое простиралось от Орлеана до Суассона и было колыбелью династии Капетингов. Собственно графство Тулузское порой путают с епископством Тулузским — последнее является исключением среди южных диоцезов, так как почти лишено земли. Графы владели большим городом — это было их силой и слабостью одновременно. Он приносит им существенные доходы; он — истинная столица, могуществом и блеском превосходящая Париж. Но город населен богатыми бюргерами, учредившими свои собственные институты, и сам граф является хозяином Тулузы фактически в той мере, в какой это угодно горожанам. Таким образом, Тулуза предстает настоящей свободной республикой, во всем походящей на итальянские республики этой эпохи, но живет в относительном мире с графом, в чем заключается самое большое своеобразие ситуации.

Земля подле Тулузы богата, на ней хорошо родят хлеба. Тулузская округа занимает часть Лоранге, и граница между диоцезами Тулузы и Каркассона в точности соответствует границе зон климата и растительности, разделяя атлантический Юг и Юг средиземноморский. Тулузское государство протягивает щупальца до Руэрга — все Альбижуа в северном течении Тарна находится в ленной зависимости от Тулузы. К западу и северо-западу графство, кое-где прерываясь, простира-

ется до Марманда и Кагора. Там оно граничит с фьефами Плантагенетов. Жанна Английская, дочь Генриха II Плантагенета и Альеноры Аквитанской, сестра Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного¹, стала одной из жен Раймона VI². Именно она родила Раймона VII, последнего в роду. Это английское соседство порой опасно. Плантагенеты возобновили прежние притязания герцогов Аквитанских на Тулузу. Гильом IX Аквитанский дважды овладевал Тулузой: первый раз, воспользовавшись отсутствием Раймона IV, отбывшего в крестовый поход без надежды на возвращение, он занимал столицу Раймонидов с 1098 по 1110 годы; второй раз это случилось в 1114–1119 годах. Еще один раз Тулузе угрожал Генрих Плантагенет, осадив ее в 1159 году. На Раймона V³ в это время напирали со всех сторон. Его враги были не только на западе, но и на востоке, где он столкнулся с враждебностью Транкавелей, виконтов Безье и

¹ *Альенора Аквитанская* (1124–1204) — внучка Гильома IX, единственная дочь Гильома X, в 1137–1152 гг. была женой короля Франции Людовика VII, от которого имела двух дочерей. Развелась, в 1153 г. вышла замуж за Генриха Плантагенета, графа Анжу и герцога Нормандского, с 1154 г. короля Англии (ум. 1189). Ричард Львиное Сердце (1159–1199), граф Пуатье, король Англии с 1189 г., второй сын от этого брака, известен как поэт-трубадур. Иоанн Безземельный (1167–1216), король Англии с 1199 г. — четвертый сын от этого брака. По дочери Элеоноре она бабка Бланки Кастильской. Герцогство Аквитанское оставалось во владении короля Англии до 1453 г.

² *Раймон VI* (1156–1222) — граф с 1194. Был женат 5 раз, в том числе на Жанне Английской, матери Раймона VII, и на Элеоноре Арагонской, дочери Альфонса II.

³ *Раймон V* (1134–1194) — граф с 1148 г. Был женат на Констанции, дочери короля Франции Людовика VI Толстого, от которой родился Раймон VI, потом — на Ришильде, вдове графа Раймона II Беренгера Прованского.

Каркассона, а также с королем Арагона, графом Барселонским¹. Тогда граф Тулузский призвал на помощь своего далекого суверена, Людовика VII², на сестре которого Констанции он был женат. Французский король почти без войска бросился к Тулузе, и город спасла только храбрость его собственного ополчения. 1159 год — очень важная дата, потому что именно тогда в первый раз французские короли третьей династии³ вторглись на юг Центрального массива. Владычество английских королей в герцогстве Аквитанском действительно порой представляло угрозу, но помощь парижского двора поставила тулузский фьеф в прямую зависимость от него. Поэтому в 1173 году, воспользовавшись междоусобной войной между Генрихом Плантагенетом и его сыновьями, Раймон V перенес свой оммаж от Капетингов к Плантагенетам. Таким образом, он отделился от Северной Франции не только территорией герцогства Аквитанского, но также и графствами Жеводан, Веле и Виваре; последнее к тому же было землей Империи.

Но государство Раймондинов, как мы видели, граничит не только с этими приморскими владениями. Есть второе ядро, оно расположено далеко к востоку и отделено доменом Транкавелей, виконтством Нарбоннским и сеньорией Монпелье. Транкавели со столицей в Каркассоне владеют на

¹ *Виконт Безье и Каркассона* — Рожер II, муж Аделаиды, дочери Раймона V. *Король Арагона* — Альфонс II, сын графа Барселоны и Прованса Раймона I Беренгера и королевы Петрониллы Арагонской, дед Раймона IV Беренгера, графа Прованского.

² *Людовик VII* (ум. 1180) — король Франции с 1137. Организатор II крестового похода.

³ Во французской истории первой династией называются Меровинги, второй — Каролинги, третьей — Капетинги.

севере альбигойскими землями до Тарна; на юге им принадлежит Разес с Лиму, на востоке их владения простираются до Агда. После государства Раймондинов транкавельский домен является самым большим владением Юга и в основном ориентируется на Арагонское королевство, которому принадлежат не только Каталония и Русильон, но и часть Прованса и даже Монпелье. Между двумя домами в течение XII века бывали длительные войны и периоды примирения. Эти дома соединяли частые браки, которым не удавалось их помирить, потому что Раймондины, естественно, стремились достичь единства своего государства за счет Транкавелей. Титул герцогов Нарбоннских был почти бесполезен, но зато у ворот Монпелье Раймондины владели графством Мельгей (нынешним Могио), виконтствами Нимским и Арльским и графством Сен-Жиль, делавшим их хозяевами Роны. Наконец, за рекой Раймондины являются маркизами Прованса, что возвышает их, по крайней мере формально, над всем краем между Дюрансом и Дромом. Там они снова сталкиваются с враждебностью арагонских королей и графов Прованских, владеющих территорией южнее Дюранса. Однако маркизат — это земля Империи, и в силу этого можно обращаться к императору, даже с просьбой о помощи против французского короля. Не лишне повторить: нет ничего более сложного, чем этот раздробленный на куски феодалный комплекс от Гаскони и нижней Гаронны до подножья Альп. Чего больше всего не хватает государству Раймондинов, так это широкого доступа к морю. Оно отрезано с одной стороны Палантагенетами, а с другой — Транкавелями, Арагоном и Провансом.

Если превосходство графов Тулузских между Мармандом и Авиньоном бесспорно, то от транкавельского фьефа, над которым Раймондины не обладают даже настоящей феодальной властью, исходит угроза, а на все их средиземноморские территории притязают арагонские короли. Следует признать, что в этой трудной ситуации графы Тулузские вели достаточно последовательную политику. Они пытались придать своему государству сколь возможно прочную структуру, и если их институты и не обладали устойчивостью капетингских, то по крайней мере к концу XII в. мы видим в Тулузе зачатки государственной организации, которую никак нельзя считать слаборазвитой. Если бы не катастрофа, которая уничтожила их, графам Тулузским, вероятно, удалось бы создать государство на юге Центрального массива. В самом деле, ни Англия, ни Арагон в силу различных причин не представляют для них чересчур серьезной угрозы. Иоанну Безземельному приходится защищать свои северофранцузские владения от Филиппа Августа¹, в то время как Педро II Арагонский² сражается с Альмохадами, а сами его победы уводят его все дальше от Пиренеев.

Настоящая опасность, но пока относительно далекая, находится на Севере. Никогда Филипп Август не уступит свои сюзеренные права на французский Юг. Можно было предвидеть, что рано

¹ *Филипп II Август* (1165–1223) — сын Людовика VII от второго брака с Аделью Шампанской, король с 1180 г.

² *Педро II Арагонский* (1174–1213) — сын Альфонса II, брат Альфонса, графа Прованского, король Арагона с 1196 г. Женат на Марии, наследнице Монпелье (1204). Коронован лично Иннокентием III. На его сестрах были женаты Раймон VI и Раймон VII.

или поздно, после того как ослабнет английская угроза, французские короли обратят внимание на другую сторону Центрального массива. Но должно было пройти много времени, чтобы появилась возможность создать прочное Тулузское государство, способное успешно защищать свою независимость. Конечно, нет ничего неблагодарнее попытки восстанавливать после краха историю того, что никогда не существовало. Во всяком случае, мы можем представить себе мысли и расчеты Раймона VI Тулузского в тот момент, когда он в 1194 году наследует своему отцу и оказывается во главе государства обширного и мощного более, чем когда бы то ни было.

Трудно беспристрастно судить об этом умном, блестящем, добром, здравомыслящем, но непостоянном и слабом государе. Он сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы избежать трагической ситуации. Он умел ловко маневрировать между арагонским королем и королем английским, между императором и королем Франции. Несмотря на обвинения, позднее выдвинутые против него Иннокентием III, Раймон VI не мог быть плохим администратором, поскольку всегда пользовался большой популярностью у своих подданных, а его несчастья только укрепили ее. Но он совершенно не привык к иным сражениям, нежели те, которые сталкивали его с графом Прованским. Это были мелкие феодальные войны, которые велись незначительными контингентами, по большей части иноземными, и уж никак не ставили под вопрос существование государства. Когда он увидит выступившее против него огромное войско Севера, то будет искать спасения лишь в унижениях и хитрости. Он очень быстро устанет от напряжения

затянувшейся войны и будет готов платить самую высокую цену за малейшую отсрочку.

Но мог ли он думать, что опасность, грозившая ему, была настолько серьезной? Ведь он — один из наиболее могущественных христианских государей и принадлежит к одному из самых знаменитых родов, какие только существуют в Европе. Если он и не носит титула короля, то не перестает быть сыном французской принцессы, мужем принцессы английской. Он происходит от того Раймона IV, который победно руководил первым крестовым походом; его дед¹ принимал участие во втором крестовом походе, а для южной знати помощь испанским христианам против мавров является прочно установившейся традицией. Как можно серьезно сомневаться в его ортодоксальности, даже если он и выказывал катарам подозрительное благоволение? Правда, иногда он грабит епископства и аббатства, но кто среди государей, равных ему, не делал того же? Случается, при других обстоятельствах он покровительствует церкви и обогащает ее. Какой римский папа осмелился бы лишить земель законного властелина?

Когда Раймон VI не скачет к Провансу, где ведет вечный спор с Раймоном Беренгьером², он наслаждается прелестями своей прекрасной и богатой столицы. Он дружит с литературой и ис-

¹ Альфонс Иордан (Журден) (1103–1148) — сын Раймона IV и Эльвиры Кастильской, родился в Палестине, крещен в Иордане, откуда прозвище. В 1112 г. наследовал отцу, когда его старший незаконный брат Бертран отправился в Палестину. Дважды был отлучен от церкви. Участник второго крестового похода.

² Графом Прованским в 1193–1209 гг. был сын короля Альфонса Арагонского, Альфонс, а в 1209–1246 гг. — сын последнего Раймон IV Беренгьер.

кусствами. При своем дворе он содержит самых известных трубадуров своего времени. Он заключает брак за браком, повинуюсь своей фантазии и интересам. Он развлекается, сталкивая католических монахов и катарских священников, отмечая с элегантным скептицизмом удары и в конечном счете признавая, что катары много добродетельнее и образованнее. Этот сластолюбец действительно смыслит в добродетели.

Полагаю, ни один правитель никогда не подходил своему народу больше, чем Раймон VI, и, несомненно, именно здесь следует искать секрет его долгой популярности, но нельзя сказать, что он был государем-демократом. Благодаря тулузским капитулам он знал чаянья и желания населения и ничего не предпринимал, не посоветовавшись со своими глашатаями истины. Это богатые горожане, а ниже их и даже порой против них — простой люд. Графу приходится поддерживать последних против первых к вящей пользе своего личного авторитета. Но эти конфликты никогда не оборачиваются трагедией, и Раймон VI может безбоязненно прогуливаться чуть ли не в одиночку по улицам своего доброго города. В ту пору на тулузском Юге воцарились радость и легкость жизни, почти уникальные для всей Европы той эпохи.

ВЕСЕЛАЯ УЧЕНОСТЬ

Это уже изысканный плод некоей культуры, развивавшейся почти два века. Около тысячного года во всем христианском мире произошел как бы резкий подъем. В это время Герберт Ориийякский сделался папой под именем Сильвестра II¹, а Оттон III² стал императором. Впервые христианская идея отрянула обломки каролингской империи. Казалось, наступает новый период мировой истории. Мечта Сильвестра II и Оттона III о гармоническом единстве обеих властей не осуществилась, но оставила по себе долгую и неистребимую тоску. Однако пути, которые внезапно открылись, не закрылись вновь. Города начинают выходить из своих тесных каменных поясов. Возобновляется торговля. По тому, что осталось от римских дорог, движется все больше и больше купцов и паломников. И сразу же расцветают искусства и литература.

Нигде это не происходило столь блестящим образом, как на Юге, который мы исследуем. Последние нашествия сравнительно пощадили его. Если мавры малость и потоптали Юг, то норманнских вторжений и венгерских набегов он избежал. Здесь, несомненно, сохранились некоторые рим-

¹ Сильвестр II (Герберт Ориийякский) (ок.945–1003) — папа римский с 999 г.

² Оттон III (980–1002) — император с 983. Сын Оттона II и Феофано, племянницы византийского императора Иоанна Цимисхия.

ские традиции. Во всяком случае, разрушенных и покинутых памятников древности здесь можно было увидеть больше, чем где-либо. Но главное — через Средиземное море и Испанию Юг поддерживал постоянный контакт с мусульманской цивилизацией, находившейся тогда на вершине своей славы. Я не собираюсь здесь обсуждать здесь своеобразие этой культуры. Несомненно то, что арабская империя, даже расколота на испанских Омейядов и багдадских Аббасидов, сохраняла прочное единство и объединяла испанский Запад с сирийским Востоком. Потоки товаров, мыслей и людей беспрестанно текут через Внутреннее море и вдоль его берегов, и Запад оказывается связанным с весьма отдаленными странами вроде Персии и даже Индии. Тулуза — это, естественно, одни из «ворот», куда стекаются все эти экзотические продукты, идеи, сопровождавшие их, и люди, их везущие. Левантийские торговцы или евреи привозят сюда толедские клинки, кордовские кожи, мосульские шелка. Евреи пользуются особым уважением и чувствуют себя на нашем Юге почти как дома, в мусульманской Испании. Они завозят в Тулузу, Нарбонн, Монпелье и прочие города идеи, которые бродят в арабском мире, и прежде всего, конечно же, философию Авиценны¹, столь отличную от философии Аверроэса²; первый — последователь Платона, тогда как второй — Аристотеля. Безус-

¹ Авиценна — латинизированное имя Ибн Сины (980–1037), восточного ученого, философа и врача, продолжателя традиций восточного аристотелизма и платонизма.

² Аверроэс — латинизированное имя Ибн Рушида (1126–1198), арабского философа, прозванного Комментатором, т. к. большинство его сочинений — комментарии к трудам Аристотеля.

ловно, именно это расчищает путь для стремительного вторжения катарских доктрин.

Следует ли приводить еще и доводы экономического и социального порядка? Действительно, в городах Юга, особенно в Тулузе, сословие купцов развивалось очень быстро. Эти купцы, в отличие от старого патрициата городов, не очень богаты землей на манер знати. Это одновременно предприниматели и денежные воротилы, доходы которых состоят главным образом в движимости. Они сталкиваются с резким противодействием церкви, запрещающей заем под проценты. Поэтому мы наблюдаем в Тулузе расстановку сил, хорошо известную по итальянским городским республикам: государь и знать опираются на старый патрициат против новых богачей и даже восстанавливают против них простой люд. На стороне первых и церковь — не только потому, что запрещает ростовщичество, но еще и оттого, что получает доходы в основном от земельных владений. Отсюда противостояние в Тулузе Ситэ, которая зависит от епископа и где живет старое бюргерство, и Бурга, населенного нуворишами. Аналогичная ситуация была и в Нарбонне, самом богатом торговом городе Юга после Тулузы. Однако конфликты между городом Тулузой и графами никогда не были очень ожесточенными, и это связано по большей части с мягкостью нравов и той утонченной атмосферой, в которой развилась куртуазная поэзия.

Ведь я не думаю, что поразительная оригинальность поэзии на языке «ок» была обусловлена только тем или иным влиянием или даже сочетанием влияний. Одни хотели видеть в ней возрождение римской любовной поэзии, нечто вроде продолжения Овидия, поскольку память о Риме

была на Юге более живой, чем в любом другом месте. По мнению других, куртуазная поэзия уходит корнями в доисламскую арабскую лирику. Весьма возможно и даже, если угодно, несомненно, что эти и еще другие влияния сыграли свою роль. Но, в сущности, они ничего не объясняют. Для того, чтобы эта изощренная лирика внезапно появилась в странах языка «ок» в XI веке, ей надо было долго вызревать, а главное, должны были произойти социальные изменения, основным доказательством которых является сама эта поэзия. Но этого доказательства вполне достаточно.

Первая черта этих перемен — возвышение женщины, обязанное, быть может, своим появлением отдаленным германским влияниям, но скорее всего — безопасности и новому изобилию, которые начинают царить в этом крае. Если трубадуры и их куртуазная метафизика так быстро распространились по всему христианскому миру — это потому, что условия везде были аналогичны; но положил начало этому и задал тон Юг. Высшие слои общества зажили здесь в достатке и праздности. Замки — уже не просто уединенные крепости на скалистых вершинах; между их обитателями устанавливаются связи, объединяющие их в общество. В замки наносят визиты, там собираются ассамблеи, где женщинам отведено видное место. Кроме того, на французском Юге многие сеньоры покидают, хотя бы временно, свои замки и устраиваются в городских особняках. Здесь они встречаются не только с равными себе, но и с состоятельными бюргерами, как старыми, так и недавно разбогатевшими, а те все больше и больше по утонченности манер сближаются со знатью.

Так складывается изысканное общество с определенным набором общих ценностей. Они называются на диалекте «ок» *pretz* и *paratge*. Анонимный автор второй части «Песни о крестовом походе» неустанно повторяет, что *pretz* и *paratge* утрачены из-за французского вторжения. О чем же идет речь? Слова эти почти непереводимы. *Pretz* — буквально «цена», то, что придает цену не вещи, не предмету, а человеку. Это его оценка. То есть: человек одухотворен неким высоким идеалом, а внешне этот идеал воплощается в его поведении и манерах. Стоящий человек — это совершенный рыцарь. Как и на Севере, его отличают подвиги в защиту всех преследуемых и слабых. И если, к примеру, вы прочитаете южный роман «Джауфре», то увидите, что его дух не очень отличается от духа романов Кретьена де Труа¹. Артуровский цикл не менее был распространен на Юге, чем на Севере Франции. Между Джауфре и Персевалем, однако, есть одно важное различие: первый много изыщнее. Это не грубый галл, постепенно поднимающийся до совершенного усвоения законов рыцарства, но рыцарь с первой минуты.

Сей рыцарь столь же храбр, сколь и учтив (*courtois*), а в конечном счете если в человеке и ценилось что-то больше храбрости, то это, несомненно, учтивость, или куртуазность. Думаю, именно она обозначается вторым термином *paratge*, который переводился буквально как «род», что соотносится с семьей, где человек родился. В общем, это благородство происхождения. Но как

¹ Кретьен де Труа (XII в.) — северофранцузский поэт. Писал по мотивам цикла легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. «Персеваль» — один из его романов.

же проявиться этой родовитости, если не в учтивости и изысканности манер? Простолюдин способен быть храбрым, примеры того существуют. Однако он не умеет быть учтивым. На основе подобных рассуждений можно было бы заключить, что южное общество отличалось более строгой иерархией, чем общество Севера. Однако, похоже, дело обстоит как раз наоборот. Южная знать более урбанизирована, чем северная, или, если угодно, менее воинственна и имеет более «штатский» характер. В результате силой вещей она удаляется от жесткой феодальной иерархии. Здесь ум ценится наравне с отвагой. Ум редко достается по наследству, и рожденный в самых низах может высоко вознестись в силу своих личных заслуг. Пример тому — кое-кто из самых знаменитых трубадуров. Они стали первыми писателями, которые почитались их покровителями и жили возле знатнейших лиц.

Если песни Гильома Аквитанского, самого первого из трубадуров, порой еще отличаются довольно грубыми шутками, то поэзия его преемников очень быстро меняет тон и наконец они становятся служителями чего-то вроде тонкого и изысканного культа, объект которого — женщина. Она прекрасна и слаба. Ее красота, которая, впрочем, является лишь внешним выражением умственного и духовного совершенства, вызывает почтительное преклонение; ее слабость нуждается в защите и должна быть компенсирована властью, которую великодушно признают за ней. Когда говорят, что она — идеальный образ, это значит, что она олицетворяет идеал. Ее красота — лишь видимый признак этого идеала. Если подобная красота будет принадлежать тому, кто ее лицезрит, это будет настоящим свя-

тотатством. Дама — это любовница (*maîtresse*), но не в том грубом значении, которое обрело это слово в наше время, а в абсолютном смысле. Избравший ее становится ее «человеком» в феодальном смысле слова, ее вассалом. Она — сюзерен, имеющий право требовать все и от которого не ждут ничего взамен, находящийся в этом смысле в лучшем положении, чем настоящие сюзерены. Высочайшей наградой является улыбка, нежное пожатие руки, очень редко — поцелуй. Случается, что поклонник не получает ничего и красавица остается равнодушна к знакам почтения. Наши песни полны неизлечимых любовных страданий.

Разумеется, не может быть и речи об утолении любви в форме брака. Как правило, Дама замужем, и именно это делает ее совершенно недостижимой, потому что у девушки можно было бы попытаться просить руки. Здесь же это невозможно, и когда Джауфре Рюдель¹ влюбляется в далекую Даму лишь потому, что слышал о ее красоте и добродетели, то он просто доводит до логического конца теорию куртуазной любви. Конечно, дела не всегда идут в такой идеальной форме. Порой у мужей вызывает опасение подобная любовь, испытываемая к их женам, и они прогоняют вон дерзкого трубадура. Тогда трубадур поносит презренного ревнивца, прячется от него, скрывает имя любимой под вымышленным прозвищем. Нет ничего невероятного и в том, что в некоторых случаях любовь не оставалась платонической².

¹ *Джауфре Рюдель* (1124–1148) — знаменитый трубадур. Сеньор Блайи, участник второго крестового похода, погиб в Палестине.

² И даже наверняка. В доказательство приведу лишь знаменитый роман «Фламенка» (*прим. авт.*).

Но сколь бы многочисленны они ни были, это только исключения и пренебрежение правилами. Куртуазная любовь по природе целомудренна, и одно из ее самых бесспорных достоинств — она возбуждает желание лишь для того, чтобы его тут же подавить. Владение собой, своими поступками, словами — один из признаков куртуазности. Дама должна возвышать своего поклонника над ним самим. Ее взгляд способен преобразовать то, на что он падает. Достаточно увидеть ее, чтобы почувствовать себя лучше. «Слуги любви» в конце концов создали почти тайное братство, и, возможно, их любовные стихи, порой крайне утонченные, выражают совершенно не то, что, как нам кажется, в них сказано.

Действительно, в искусстве *trobar*, то есть «находить, слагать стихи», есть много стилей, и один из них — *trobar clus*, «темная», «замкнутая» или «закрытая» поэзия, чрезвычайно утонченная и изысканная как по содержанию, так и по форме. Одним из мастеров «закрытой поэзии» был Арнаут Даниэль из Риберака в Перигоре, имя которого гремело с 1180 по 1210 годы, как раз перед великой бурей, которая опустошит Юг. Он был одним из украшений двора Раймона VI, а Данте испытывал к нему такое глубокое уважение, что в «Божественной Комедии», в двадцать шестой песне «Чистилища» вложил в его уста восемь стихов на языке «ок». Наши современники относятся к великому трубадуру с меньшим восторгом. Конечно, потому, что мы не в состоянии вновь оценить то, что было ценностями в средние века. На первое место, бесспорно, надо поместить виртуозность. Арнаут Даниэль поражал редкими и трудными рифмами, и некоторые из его поэм были хитроумными загад-

ками. Думается, что Петрарка, не менее, чем Данте, ценивший Арнаута Даниэля и уделивший ему место в своих «Триумфах», возродил приемы трубадуров старины.

Итак, куртуазная поэзия заключала в себе целую этику, составляя также и науку; в ней нет никакой наивности или произвольности. В биографиях большей части трубадуров рассказывается, как они обучались своему искусству у мастеров. Однако какими бы просчитанными ни были их песни, лучшие из них воодушевлены особым опьянением или, скорее, энтузиазмом, свойственным молодости, только что наконец нашедшей предмет, достойный себя, и охваченной восхищением. Будто распахиваются двери, и мы можем бесконечно восторгаться открывшимися нам богатствами, как в рыцарских романах, где выбившийся из сил рыцарь после долгого скитания в ужасных пустынях без питья и еды внезапно оказывается во фруктовом саду Монбрена, подле прекрасной Брюнниссанды. Трубадуры открыли красоту, искусство и бескорыстие, и они беспрестанно испытывают и совершенствуют инструмент, позволивший им это сделать. Это жонглеры в средневековом и современном смысле слова, сами приходящие в восторг от собственных фокусов.

РОМАНСКОЕ ИСКУССТВО ЮГА

На Юге воскресла и мечтательная душа, которой наделяют древних кельтов. Его искусство нам кажется одновременно наивным и утонченным. Оно привлекает изящными чертами и сложными оборотами, но все это для того, чтобы выразить мечту, ставшую позднее мечтой всего западного рыцарства вплоть до безрассудств Дон-Кихота. Можно было бы сказать, что при всех красотах их края им его недостаточно и они думают о иной земле, то ли заморской, как Раймон IV, так никогда и не возвратившийся из Святой земли и не желавший отсюда возвращаться, как и многие другие, то ли о той, что находится по ту сторону видимого и реального. Прекрасная Дама сулит то, чем она не является, предвещает некую бóльшую красоту, толкает на приключения, которые приводят в иной мир. Многие трубадуры станут монахами, и не только Фолькет Марсельский, так ценимый Данте и не им одним. Другие, несомненно, придут к религии иным образом, как Пейре Карденаль, весьма смахивавший на катара¹. Когда-то они научились у святого Бернара воспевать Деву Марию, Госпожу Владычицу, высшую Госпожу. Главное же и самое оригинальное достижение поэтов земли языка «ок»: они показали, что за пределами земли существует иной мир, преисполненный очарова-

¹ Уверенности в этом нет, но религиозный характер многих песен Пейре Карденалья не вызывает сомнений (*прим. авт.*)

ния и чудес, мир, на который она с трудом силится походить.

Конечно, было бы ошибочным полагать, что окситанская лирика в точности передает истинное состояние нравов. Но она точно выражает стремление, порыв к неземному, воплощенный и в другом материале и форме, бесспорно, более приемлемых для нас — в романской архитектуре и скульптуре Юга. Трудно сказать, где именно родилось романское искусство и как оно постепенно освободилось от каролингских традиций. Одно, во всяком случае, не подлежит сомнению — наивысшего развития оно достигло в южной части Франции, в соприкосновении с Испанией эпохи Реконкисты, на пути к монастырю Сантьяго. На Юге нет города, который бы не был этапом этого грандиозного паломничества, в которое отправляются со всех концов христианского мира.

В любом случае, идут ли люди из Северной Франции, Англии, Германии, Италии или еще более отдаленных мест, паломники направляются к Компостелле по дорогам земли языка «ок». Здесь они останавливаются в клюнийских монастырях, прежде всего в Сент-Фуа (монастыре святой Веры) в Конке в глубине Руэрга — это не только перевалочный пункт по дороге из северных земель в Компостеллу, но и старейший центр паломничества; далее — тулузский Сен-Сернен и, наконец, Сантьяго. Не будем касаться монастыря Сантьяго, который столько раз переделывали, портили, улучшали. Но Сент-Фуа и Сен-Сернен — два брата-близнеца. Трудно, да и бессмысленно задаваться вопросом, какой из них был возведен первым. Они рождены одним и тем же замыслом, сдержанным и великолепным. Здесь мы воистину — не скажу,

что у колыбели романского искусства (у него множество иных бесспорных истоков) — но почти сразу же на одной из его вершин.

Не менее удивительным феноменом Юга было и то, что религиозное искусство расцвело в крае, который несколько десятилетий спустя станет угрозой для единства христианского мира. Хотя, возможно, в этом и заключается определенная диалектика. Как катары смирились с пластическим искусством — они, страшившиеся телесного и видимых форм? Ведь и раньше, и даже во времена распространения по стране катаризма там еще работали скульпторы Муассака, Сен-Жермена в Тулузе, Сен-Жиля и Сен-Трофима. Все было так же, как позднее при Савонароле¹, свирепствовавшем в языческой Флоренции эпохи Кватроченто, как при Лютере и Кальвине в Европе эпохи Ренессанса. Впрочем, речь здесь идет вовсе не о Ренессансе, и нет ничего ошибочнее, чем искать в скульптурных или поэтических творениях Юга античные истоки. Конечно, там было много, гораздо больше, чем сегодня, памятников, напоминавших о минувшем расцвете галло-римских городов; но, видимо, их совсем не замечали — не больше, чем Данте, который двумя столетиями позднее не замечал античных монументов Рима, слава которого тем не менее увлекала его ум и воображение. Великие созидательные эпохи слепы ко всему, что не совпадает с их собственными устремлениями.

¹ *Савонарола* (1452–1498) — монах-доминиканец, настоятель монастыря св. Марка во Флоренции. Выступил за реформу католической церкви, руководил восстанием против Медичи в 1494 г. Был обвинен в ереси и казнен.

Представления романских скульпторов Юга были совершенно иными, нежели представления вырождающегося классицизма, холодного и бездушного академизма, характерного для собственно галло-римских произведений. Их задачей не было сколь возможно верное воспроизведение действительности, идеализированной в соответствии с определенными эстетическими канонами. Ведь под поверхностным глянцем римского классицизма уцелела другая традиция — традиция галльских скульпторов. Она укрепилась в период, называемый обычно упадком. Скульпторы этой эпохи при кажущейся неумелости вновь обретают вдохновение великих мастеров Кейяве и Нина близ Лектура. Христианство взяло на себя нечто вроде покровительства этому вдохновению, пришедшему извне, а начавшиеся позднее варварские вторжения лишь утвердили и закрепили эту тенденцию, вернув ей плетеные и геометрические узоры, которые всегда были свойственны искусству континентальной Европы в противоположность искусству Средиземноморья.

Здесь при создании форм стремятся не к красоте как таковой и не к более или менее точному воспроизведению идеализированной действительности, а к экспрессии, осмысленности и декоративности. Обратимся, например, к статуе святой Веры на престоле в сокровищнице Конка, датированной 985 годом, то есть периодом, когда новое художественное сознание вот-вот пробудится. Это еще не романское искусство, и ничто не демонстрирует лучше широту и глубину пропасти, отделяющей нас от него, чем сопоставление этой святой Веры, еще целиком каролингской, с Христом-судией на тимпане 1130 года. Идет ли речь о деко-

ративных складках его платья, его вознесенной правой руке, согнутой под прямым углом, или его лице — перед нами нечто очень древнее и одновременно полностью новое. Черты этого лица отнюдь не скрывают внутреннюю пустоту, напротив, они выразительны, и это выражение возникло на лице только что. Итак, об этом искусстве, декоративном и экспрессивном одновременно, можно сказать, что оно пользуется формой лишь для того, чтобы выйти за ее пределы, извлечь из нее смысл. И противоречие с катарским ригоризмом здесь, может быть, скорее кажущееся, нежели реальное.

Муассак немного старше Конка. Скульптура датируется 1110–1120 гг., тем же временем, что и собранные в музее Августинцев в Тулузе изваяния из ныне не существующих построек. Посмотрите, к примеру, на святого Петра и Исайю с портала церкви в Муассаке. Разве не очевидно, что действительность здесь пронизана чем-то иным, единственно важным? Эти статуи должны играть прежде всего архитектурную роль. Они подобны затейливым и точным волютам, поднимающимся вдоль опорных столбов, заменяя геометрический или растительный орнамент. Но их причудливые и патетические позы преисполнены также и смысла, заключенного именно в том, какое место они занимают в архитектурном ансамбле. Ведь сама архитектура — и это относится также к Сен-Серену и к Конку — вся исполнена церковной символики. Но нет ничего более волнующего, чем вид распускающегося в качестве ее вершины цветка человеческого лица. Вот что значат, в частности, старцы Апокалипсиса на тимпане Муассака. Задача в том, чтобы при помощи материи выразить в лицах еще от мира сего действительность, ему

более не присущую. Разве нельзя сказать о подобной скульптуре, что она выражает невыразимое, то есть реальность преобразования?

Здесь мы далеки от эстетического материализма греко-римского искусства. Можно сказать, что для этих художников действительность, доступная нашим чувствам, являлась лишь тонкой пленкой, которую следовало сделать прозрачной. Через низменные тела проступают тела во славе, те сонмы блаженных, которые займут такое важное место в катарской доктрине. Мне кажется, что все это — с одной стороны, пластическое искусство, а с другой стороны, искусство лирическое, о котором я уже говорил, и рыцарские романы, особенно циклы Круглого стола, Грааля¹, — свидетельствует об одном и том же. В то самое время, когда внешнее принуждение слабеет и можно бы, наконец, начать жить, в то самое время, когда оживают дороги и формируется бюргерство, когда урожаи становятся обильнее, душами овладела какая-то тоска.

Личность, подобная Раймону IV, который отбыл в Святую землю со столькими рыцарями и решил оттуда никогда не возвращаться, великолепно воплощает это всеобщее стремление. Он был самым

¹ Грааль (от лат. *gradalis, gradalus* — чаша) — по преданию, чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа во время распятия, либо чаша, из которой Христос причащал апостолов на Тайной вечере. В средневековой Европе несколько потиров называлось «граалями». Существовало также поверье, что Грааль хранится где-то в Азии и охраняется рыцарями ордена Храма, организованного по типу рыцарско-монашеских орденов. Был и роман из цикла Круглого стола под таким названием, не сохранившийся полностью, но дошедший до нас в отрывках. Большой популярностью пользовалось написанное на ту же тему произведение Готье Мапа, капеллана Генриха II Французского, и другие обработки сюжета, в частности, вариант Кретьена де Труа.

богатым, самым могущественным из сеньоров, принявших крест, и однако же ничто в мире не смогло его удержать. Было ли это религиозным пылом или жаждой приключений, восточным миражем? Как знать? Весьма вероятно, что граф Тулузский и сам не знал этого и в нем брало верх то одно чувство, то другое. Впрочем, они не противоречили друг другу и не были взаимоисключающими. Но, несомненно, он не пожелал больше вернуться в Тулузу, слишком, на его взгляд, безыскусную. Он шел открывать диковины, начиная со Святого копья, чудесным образом найденного одним из его людей и спасшего Антиохию и крестовый поход¹. Его расчетливый политический ум часто противопоставляют чистосердечной вере Готфрида Бульонского. На самом же деле оба они по отношению друг к другу — это Франция Северная и Франция Южная.

¹ Копье, которым якобы был убит Иисус Христос, было чудесно обретоено провансальским клириком Петром в церкви св. Петра во время осады турками захваченной крестоносцами Антиохии. Это так воодушевило рыцарей, что они успешно отбили все атаки, разгромили врага и вскоре выступили на Иерусалим. Хранение святыни было поручено Раймону IV.

ФРАНЦИЯ СЕВЕРНАЯ И ФРАНЦИЯ ЮЖНАЯ

Конечно, язык был не один и тот же; бесспорно, и культурный уровень был также неодинаков. И тем не менее нельзя сказать, что это были две полностью противоположных культуры. Говоря, например, о шедеврах романского искусства, мы тут же вспоминаем Юг Франции; но с тем же успехом рядом со святой Верой из Конка мы бы смогли представить покрытую золотом статую Мадонны из Эссенского музея в Вестфалии, датированную началом XI века, а рядом с тимпаном Муассака — голову базельского архангела, находящуюся в музее Клоньи, или же Деву Марию епископа Имада из епархиального музея Падерборна, или Успение из Везле. И тогда нам стало бы ясно, что при всех местных различиях романское искусство было единым во всех концах христианского мира. Так же труверы походили на трубадуров, и романы Кретьена де Труа на шампанском диалекте напоминали роман «Джауфре» на диалекте окситанском.

Конечно, есть различия; но порыв, дыхание, оживляющие эти произведения, в сущности, одинаковы. Скорее напрашивался следующий вопрос: где быть центру христианской культуры — на Севере, между Сеной и Рейном, или все-таки на Юге, между Гаронной и Роной? Какой город, Тулуза или Париж, станет городом учености, куртуазности и могущества? Французский «ойль» или французский «ок» будет первым разговорным язы-

ком? За этим скрытым соперничеством, толком и не осознаваемым людьми XII века, кроется другое — зародыш раздробления христианского мира на нации, возможность победы мирян над клириками.

Вплоть до конца XII века Север и Юг Франции соприкасаются относительно мало. Они ориентированы в разные и даже прямо противоположные стороны. Париж смотрит на север, на Фландрию, которой французским королям так никогда и не удастся завладеть, хотя она — королевский фьеф, с тем же статусом, что и графство Тулузское. Именно на Ла-Манше Капетинги впервые выходят к морю, хотя их и отделяет от него принадлежащая англичанам Нормандия. Нормандия, вместе с Шампанью, — ближайшая соседняя провинция. Горизонт Капетингов ограничен как раз Центральным массивом. Филипп Август (1180–1223) еще всецело поглощен соперничеством с Плантагенетом, которое порой осложняется, как во времена Бувина (1214 г.), предательством северных сеньоров и вмешательством императора¹. Но вплоть до Альбигойских войн французский Юг интересуется эту политику не более, чем Германия, Италия или Испания. Самое большее, чем он привлекает, — выходом к морю через государства Луары и Пуату, но для начала их надо вырвать у Плантагенетов. Что же касается пути по верховьям Сены, Соне и Роне, то его преграждала масса препятствий и, в первую очередь, графство Шампанское. Время,

¹ В битве при Бувине (27 июля 1214 г.) Филипп II Август разбил коалицию во главе с императором Оттоном IV (Иоанн Безземельный, граф Фландрский и др.), чем закрепил за собой Нормандию и Анжу, раньше принадлежавшие Плантагенетам.

когда политика Капетингов станет перекраивать христианский мир, еще не наступило.

Но Капетинги — превосходные администраторы и в своих трудах будут получать мощную поддержку со стороны церкви, в конечном счете являющейся наследницей римской администрации. В середине XI века именно аббат Сен-Дени, знаменитый Сугерий¹, в течение многих лет станет выполнять функции первого министра, причем безо всякого антагонизма между обеими властями. Еще намного раньше, в 987 году, архиепископ Реймский Адальберон и его секретарь Герберт, будущий папа Сильвестр II, окончательно закрепили победу Капетингов над последними Каролингами. Какие бы отклонения ни возникали в поведении их отдельных представителей, Капетинги принадлежат церкви, и именно коронация в Реймсе сообщает их власти сакральный, почти церковный характер. Вот почему по сравнению со своими анжуйскими соперниками, Плантагенетами, они кажутся настоящими королями правосудия и мира.

Совсем другое дело — южная квазимонархия Раймондинов. Единственное, что роднит их с Капетингами, — это непосредственное соседство с Плантагенетами. Но оно еще больше отдаляет обе державы, поскольку соперничество двух корон на руку графу Тулузскому, укрепляющему свою независимость и распространяющему притязания на другие земли. Ему не нужны ни Бордо, ни Пуатье, однако он тоже не прочь выйти к морю, только

¹ Сугерий (1081–1151) — с 1122 г. канцлер Людовика VI и Людовика VII, регент во время второго крестового похода. Автор ряда исторических сочинений.

не к Бискайскому заливу. Он стремится к Средиземному морю, а для этого ему нужны фьеф Транкавель и арагонские владения. С кем он постоянно не ладит, так это с графом Прованским. Арагон, Прованс, виконтство Каркассонское и Безье для него то же, что для его далекого суверена Шампань, Нормандия и Фландрия. Но при этом по организации управления Тулузское государство сильно отстает от государства Капетингов. Причин тому довольно много, но одна из основных заключается в совершенно ином, нежели на Севере, положении южной церкви.

Теоретически различий нет. Север и Юг — христианские земли, такие же, как и вся христианская Европа, и церковь пользуется там массой иммунитетов и привилегий, являясь самым крупным земельным собственником. Но ее духовное и интеллектуальное влияние на Юге намного слабее. Как в Германии и Италии, здесь она гораздо сильнее интегрирована в феодальную систему. Не то чтобы эта система была на Юге прочнее, скорее наоборот. Но Северная Франция надолго станет для Европы непревзойденной моделью согласия между двумя властями, одинаково поглощенными общими интересами и действующими сообща против царившей анархии. Всякая победа церкви здесь становится победой короля и наоборот. Напротив, в странах Юга разделение обеих властей намного сильнее, что, впрочем, не делает церковь более независимой.

К примеру, церковные советники никогда и близко не занимали подле графов Тулузских места, подобного тому, которое им принадлежало у Капетингов. Грегорианская реформа имела на Юге весьма ограниченный эффект. Иными словами, в

этой части христианского мира церковь если и не беднее, чем где-либо еще, то все-таки не так могущественна. В то время как к северу от Луары XII век становится временем глубоких теологических умопостроений, когда блистают имена святого Бернара и Гуго Сен-Викторского¹, ничего подобного не происходит на Юге, не давшем церкви ни одного теолога. Епископы и аббаты довольствуются тем, что управляют, скорее дурно, нежели хорошо, своими огромными владениями. Они ведут мирской образ жизни, проводя время в празднествах и удовольствиях. Если их бенефиции формально и остаются выборными и монахи избирают своих аббатов, а каноники — епископов, то на деле светские сеньоры беспардонно вмешиваются, навязывая силой или подкупом своих кандидатов. Симония, с которой так ожесточенно сражался Григорий VII, царит здесь повсюду. Разные сословия смешиваются. Мы видим, что феодальные престолы и церковные кафедры занимают представители одной и той же семьи. И сеньоры, и прелаты живут одинаково легко, не заботясь о простейших нормах морали. Но то, что простиительно мирянину, возмутительно для церковника. Блага, которыми они пользуются, — это доля Бога, достояние мертвых, помощь бедным. Прелаты же цинично нарушают взятые на себя перед Богом и людьми обязательства. Какие же из них советники? Их повсеместно презирают и в конечном счете

¹ *Бернар Клервоский* (1091–1153) родился в Дижоне, постригся в Сито, впоследствии аббат в Клерво. Проповедовал второй крестовый поход, был миссионером среди альбигойцев. *Гуго* (1097–1114) — настоятель аббатства Сен-Виктор в Париже, знаменитый богослов.

вместе с ними начинают презирать и то, что они столь недостойно представляют.

Так получается, что идеал, предлагаемый южному обществу трубадурами, мастерами веселой учености (*gai saber*), — идеал целиком мирской, в отличие от того, что существует на Севере. Так возникает тонкое различие, которое не стало бы явным, не подчеркни его альбигойская драма. Правда, народные движения против церкви происходили не только на Юге. Даже на Севере мы видим, как с XI века восставшие крестьяне обвиняют все церковное сословие и утверждают, что спастись можно и без церковных таинств, что человек не нуждается ни в каком посреднике, дабы прямо договориться с Богом. Они изобличают заинтересованность священников в обмане, противопоставляя богатство прелатов евангельской бедности.

Именно на эту настоятельную потребность в очищении, распространившуюся во всем христианском мире, должна была стать ответом грегорианская реформа. Столь незаурядный папа, как Григорий VII (1073–1085), хочет вырвать церковь из феодальной системы; с отчаянной энергией он повсюду борется с симонией и дурными нравами духовенства; он опирается даже на народные движения, которые были скорей антиклерикальными, чем антихристианскими. Так он выковывает духовную основу христианства, что сделает его позже способным организовать против ислама такую коллективную акцию, как крестовый поход. Из долгой борьбы за инвеституру папство вышло усилившимся, а церковь — очищенной, но сама эта победа таила в себе опасность, которой не избежит Иннокентий III (1198–1216).

Стало возможным, правда, не без труда, ужесточить процедуру выборов епископов и аббатов; тем самым удалось сделать их, с одной стороны, более независимыми от светских суверенов и более зависимыми — от Святого престола. Но с тех пор, как церковь обладает собственной властью, которую может использовать по своей воле, она только приумножает свою мирскую ответственность. Отныне именно она возлагает на себя ответственность за судьбы христианства. И если теперь прелаты более строго соблюдают дисциплину, зато попадают в западню жажды власти, отнюдь не менее разлагающей, чем даже симония, грандиозным выражением чего явился крестовый поход. Менее, чем когда-либо, церковь являет собой чисто духовное сообщество, ибо стремится отправлять функции обеих властей и равно разить обоими мечами.

ХРИСТИАНСКИЙ МИР И НАРОДЫ

Однако, прежде чем ее осуждать, важно вникнуть в эту полуреализованную мечту — средневековый христианский мир. О нем говорили как о мирском отражении церкви. Теоретически заботу о его наставлении разделяют папа и император: папа — как старший брат, берущий на себя самые высокие функции и смещаемый одним Богом; император — брат младший, получающий миропомазание от старшего и обязанный ему глубоким почтением, но формально независимый в делах мирских, хотя и почитающий религиозные и нравственные нормы, судьей которых в последней инстанции является папа. Но, даже если бы положение императора не было приниженым, игра между ним и папой все равно бы велась не на равных. В самом деле, императорскую власть признают далеко не повсюду. Французский король считает себя императором в своем королевстве, его титул — король милостью Божьей, равно как и у прочих королей. Практически император во всей полноте своего могущества властвует лишь над Центральной Европой от Северного моря до Сицилии.

Потому если христианский мир и является мирским воплощением церкви, то у него, как и у самой церкви, только один глава — папа. Единственная слабость этого главы в том, что он сам полностью безоружен, и самым трудным для него является поддержание порядка в собственном государстве. Римские сеньоры оказывают ему прямое

сопротивление и возводят в Вечном городе гордые феодальные башни. Это не относится к римскому народу, которого папа не боится, как бы слабо ни был от него защищен. Но в то же время в силу своей духовной власти он правит всем христианским миром. Папа возводит и низлагает королей, он смещает императоров, и никто не может воспротивиться ему без смертельного риска, ибо в его руках ключи, открывающие и закрывающие врата рая.

И впрямь, христианский мир — это мир, в котором все люди разделяют одну и ту же веру. Она естественна для них, как солнечный свет или носящая их земля. Подвергать ее сомнению было безумием, и не только потому, что это могло стоить очень дорого, но и потому, что это совершенно нелепо, убедительных доказательств чего более чем достаточно. Религиозные чудеса поражают христианина не больше, чем нас сейчас чудеса науки. Некоторые даже не задерживаются, чтобы удостоверить в чуде. Они верят, не видя, потому что авторитет, убеждающий их в реальности чуда, является единственным интеллектуальным авторитетом, перед которым склоняются все. В христианском мире нет иной науки, кроме церковной. Конечно, евреи в своих гетто владеют другой наукой, но она слишком подозрительна и из-за непонятных канонов сродни проклятым наукам колдунов и некромантов. Могуществу Бога, которому почти равно могущество церкви, противостоит могущество демона, которым, разумеется, пренебрегать нельзя, но которое в конечном счете уступает высшей власти.

Неудивительно, что могущество церкви крепло вдвойне, но на Юге ей не удалось восторжествовать

окончательно. Конечно, Юг, как и все прочие земли, является составной частью христианского мира; но христианство здесь в особом положении, поскольку у местной церкви меньше престижа, чем где бы то ни было. Несомненно, Раймон IV и даже Раймон V были государями благочестивыми, заботившимися о поддержании в своей земле ортодоксальной веры; однако их подданные — люди свободомыслящие, вникающие буквально во все до конца. Они ищут нечто вроде мирового совершенства и одержимы собственными идеями; им нравится оспаривать все истины, даже самые незыблемые. Их более тесное знакомство с исламом, который организован приблизительно так же, как христианство, наводит их на мысль, что другие люди, такие же ученые и цивилизованные, как и они, верят в иную истину. Ибо одна из самых замечательных реалий средневековья состоит в том, что нет ничего более похожего на христианство, чем его смертельный враг, дер-эль-ислам — такая же община, подвижная и разноликая, объединяющая людей лишь по их принадлежности к одной и той же вере.

Следует ли отсюда, что Юг не был христианским? Конечно, был; но он был им несколько по-иному. В доказательство сошлемся на то, что мы совершенно не видим там народных религиозных движений, в то время как Север дает нам массу подобного рода примеров. И крестовый поход бедноты с Петром Пустынником и Готье Неимушшим во главе, и детский крестовый поход, и проповедь знаменитого Фулька из Нейи рождаются не на Юге¹. Именно в своей вере с ее наивностью

¹ Детский крестовый поход состоялся в 1212 г. Во главе движения

и глубиной черпали северные крестьяне силу и отвагу для восстания против церкви, нарушающей свои обязанности. Когда подобные движения начнутся на Юге, станет ясно, что они — следствие движений на Севере, но их характер несколько иной. В целом южная церковь имела тот же облик, что и народ. Бесстыдные архиепископы Нарбонна и прочих городов относились к религии, пастырями которой были, без особого усердия, как и их паства. Они мало требовали от людей и многое им позволяли, больше заботясь о яростной защите своих прав и привилегий, чем о проповеди Евангелия. Они активнее занимались каноническим правом, чем теологией. Разумеется, в некоторых монастырях жизнь текла по церковным правилам, особенно в тех, которые, подобно Фонфруаду, входили в цистерцианский орден. Возможно, там даже были свои великие неизвестные мистики, во всяком случае, мы знаем, что именно из Лораге, из Мас-Сент-Пюэль вышел святой Петр Ноласко¹, родившийся в начале XIII в. и посвятивший свою жизнь освобождению христианских пленников на исламской земле.

Если требуется доказательство религиозности Юга, то разве мало столь яркого свидетельства, как восхитительная романская скульптура, о которой мы уже говорили? Однако сама эта религиозность имела тут особые оттенки. Здесь, как и

стояли монах Николай и пастух Стефан. Дети, добравшиеся до Венеции, были проданы в рабство в Египет.

¹ *Петр Ноласко*, св. (1189–1256), участвовал в походе Симона де Монфора против альбигойцев, потом был воспитателем Хайме Арагонского. В 1218 г. создал в Барселоне орден Милосердия, задачей которого было освобождение христиан из мусульманского плена. Канонизирован в 1655 г.

повсюду, но раньше и активнее, чем где бы то ни было, зарождается нечто вроде самобытной культуры в недрах культуры общей. Это выражается в использовании во всех классах общества мирского диалекта, который оспаривает у церковной латыни некую универсальность, но на ином уровне. Уже само рождение и распространение разговорных языков становится одним из явлений, пока еще смутно угрожающих христианству. И впрямь, обширное христианское сообщество объединено не только общностью веры, но и ученым языком клира, понятным всем образованным людям разных концов Европы. Но это сообщество существует и в разнообразии языков, в целом положивших начало будущим нациям, еще не осознавших себя таковыми. В Франции два языка: язык «ойль» и язык «ок», и это — препятствие для будущего единства, препятствие, которое следует разрушить, сначала силой, потом длительной привычкой.

Нельзя сказать, как это зачастую и с легкостью делается, будто на Юге и в самом деле существовала уникальная культура, черты которой радикально отличались от культуры прочих областей христианского мира. Если, например, романское искусство достигло на Юге особого расцвета, то южный роман существенно не отличался от романа Бургундии или Оверни, двух краев, принявших активное участие в Альбигойском крестовом походе. Если лирическая поэзия на языке «ок» развилась первой, прославившись повсюду своими достоинствами, то это не значит, что подобные достоинства были неизвестны или недооценивались привилегированными классами других частей христианского мира. Кретьен де Труа и Вольфрам

фон Эшенбах¹, уже не говоря о многих других, воплощают в облике совершенного рыцаря приблизительно ту же идею, что и наши трубадуры. Поскольку в средние века нет еще наций, то не может быть и настоящего многообразия культур. В 1209 г., уже в разгар крестового похода, Север и Юг, какими бы ни были губительные противоречия, противопоставившие их в эту эпоху друг другу, еще не являются двумя соперничающими культурами, подобно Франции и Германии в 1914 г., какие бы опасные иллюзии они ни питали в то время. В некоей всеобщей культуре акценты все же расставлены иначе. Своеобразие Юга бесспорно, и оно блестяще выразится в катаризме, занявшем здесь особое место.

Южная культура — культура главным образом светская, в то время как культура Севера — еще почти полностью церковная. Городская жизнь с ее новым торговым и ремесленным бюргерством гораздо более развита на Юге, чем на феодальном и землевладельческом Севере. Если северный клир в общем намного выше южного, то население Севера Франции много ближе к варварскому состоянию. В глазах среднего южанина крестовый поход был настоящим варварским нашествием. Именно поэтому современные историки часто видели в конфликте, противопоставившем обе части Франции, столкновение между цивилизацией и варварством. На самом же деле в недрах общей культуры мир церковный и феодальный проти-

¹ *Вольфрам фон Эшенбах* (ок. 1170–1220) — рыцарь, миннезингер, писал на немецком языке. Сохранились три рыцарских романа, в т. ч. «Персеваль», и три стихотворения в провансальском жанре альбы, утренней песни, которой оруженосец будит рыцаря, ночующего у своей возлюбленной.

востоял другому — миру городской среды с преобладанием светских и народных ценностей. То, что мы наблюдаем на тулузском Юге — это не столько своеобразная культура, сколько рождение народа.

Такова среда, в которой зародился катаризм.

Глава II

КАТАРЫ

АНТИКЛЕРИКАЛЬНОСТЬ И КАТАРИЗМ

Мы уже говорили, хотя и не слишком акцентировали это, что вся история средних веков, особенно с XI в., полна народными движениями, носившими сначала религиозный характер. Крестьяне и беднота следуют за Таншельмом, Эоном Летуальским или Генрихом Лозаннским¹ во имя чистой евангельской доктрины, которую бедные проповедают бедным. Она не имеет ничего общего

¹ Таншельм Фландрский (ум. 1115) возглавлял широкое еретическое движение, прекратившееся, однако, с его смертью. Эон Летуальский (ум. 1148) — бретонский фанатик, называвший себя предтечей того, кто «идет судить живых и мертвых», т. е. второго пришествия Иисуса Христа. Генрих Лозаннский (ум. 1149) отрицал таинство крещения, мессу и причастие.

с богатством и могуществом прелатов, выставленными напоказ. Повсюду официальная церковь поддерживает сложившийся порядок — даже тогда, когда он в высшей степени несправедлив. Требование низов всегда одно и то же — посредники между Богом и человеком не нужны. Церковная иерархия с ее ритуалами и таинствами — не что иное, как грандиозный обман с целью отобрать исключительно в свою пользу то, что должно принадлежать всем. Форма может быть более или менее радикальной, но суть всегда одна и та же. Тщетно пыгается церковь самореформироваться. В ее структуре присутствует нечто, что делает ее неспособной в полной мере отвечать этим чаяниям. Она не только власть среди властей, она — сама Власть в своем наивысшем и всеобъемлющем выражении. В конце XII в. она не допустит ни перевода Писания лионскими бедняками на народный язык, что сделало бы его общедоступным, ни проповедей мирян, не имеющих на это церковных полномочий. Позднее лионцев стали именовать вальденсами по имени их основоположника Пьера Вальдо, богатого купца, кое в чем напоминающего святого Франциска Ассизского. Первейшая добродетель, которой церковь требует от верующих, — повиновение. Она пользуется и злоупотребляет знаменитым отрывком из Первого послания святого Петра, советующего повиноваться господам, даже дурным.

Однако мы видели, что если подобные движения и коснулись Юга, то зарождались они совсем не там и не там достигли наибольшего размаха, и, несомненно, оттого, что на Юге было меньше нищеты. Зато именно здесь катаризм укоренился глубже всего. Конечно, катары воспользовались

всеобщими нападкамии на римскую церковь, которую они считали церковью дьявола или Антихриста. Но ведь подобные нападки — обычное дело в средние века, это мнение разделяют до некоторой степени даже самые ортодоксальные умы. К примеру, известны неистовые обличения Данте в начале XIV в. В памфлете против симонии он доходит до того, что пишет: «Это о вас, пастыри, писал Евангелист, провидя, как “та, что сидит на водах, блудила с царями”» (ср. Ап. 17:1–18). Но, порицая дурных прелатов, Данте чтит саму церковь, и, воскрешая в памяти инцидент в Ананьи с пощечиной его смертельному врагу Бонифацию VIII¹, он без колебаний пишет: «Я увидел в своем викарии плененного Христа».

Катары, напротив, отказывают римской церкви во всякой легитимности. Дурные нравы прелатов — лишь следствие пороков, но не источник их. По их словам, церковь свернула с праведного пути еще со времени папы Сильвестра, правившего в начале IV в., свернула на следующий день после Миланского эдикта (313 г.), радикально изменившего ее положение и превратившего ее из церкви гонимой в церковь официальную. К этой эпохе относит появление пороков церкви и Данте, но у него речь идет только о пороках нравственных, в то время как катары, претендующие на соответ-

¹ Бонифаций VIII (Сильвестр Бенедикт Газтано) — папа римский в 1294–1303 гг., родственник Иннокентия III. Противостоял Филиппу IV Красивому, хотевшему подчинить церковь во Франции королю, в 1303 г. отлучил его от церкви. В ответ король отправил своего легиста Ногаре в Италию арестовать Бонифация, что тот и сделал. Папа был вскоре освобожден возмущенными жителями Ананьи, но не пережил оскорбления и умер.

стве первым христианам, особо настаивают на отклонении от доктрины. Потому катаризм ни в коем случае нельзя смешивать с антиклерикальными движениями, периодически потрясавшими средневековый христианский мир.

Собственно говоря, он и не был народным стихийным движением, подобно только что рассмотренным нами. Катаризм даже в большей степени охватил клириков, я имею в виду — людей образованных, чем мирян. В качестве доказательства отмечу лишь его первое появление на Западе. Это было в Орлеане, одном из двух крупных городов капетингского домена, в самом начале XI в., в правление Роберта Благочестивого¹, сына и наследника Гуго Капета. В 1022 г. король послал на костер как еретиков кое-кого из каноников собора Святого Креста в Орлеане, в том числе личного духовника королевы, так как они проповедовали еретические доктрины, признанные манихейскими. Позднее активными пропагандистами доктрины стали купцы, ремесленники и особенно ткачи. То есть нельзя сказать, что она не была в некотором роде народной, но речь следует вести об особой части народа. Это не неграмотное население деревень, сильнее всего и пострадавшее, а скорее городской люд, более образованный, с живым умом и многочисленными связями с высшими классами общества. Вот почему катаризм в своем распространении избрал именно французский Юг и Север Италии — потому что здесь городская культура была более развита, чем где-либо. Действительно, затронутым оказался почти

¹ Роберт Благочестивый (ум. 1031) — сын Гуго Капета, второй король новой династии с 996 г.

весь христианский мир: мы обнаруживаем катаров на берегах Рейна и в Шампани, в Монвимере (ныне Монт-Эме), подле Вертю. Они встречаются также в Невере и прочих местах; но подлинными столицами катаризма стали города — Тулуза, Милан и Флоренция.

ДОКТРИНА КАТАРОВ

Непосредственные истоки движения выявляются легко, но его отдаленное происхождение намного темнее. Нельзя не удивиться поразительному сходству катарского ритуала с церемониями ранней церкви, и историк Жан Гиро, при всей его приверженности к католицизму, отчетливо отметил это в своей «Истории инквизиции». Потому вполне возможно, что претензия катаров: мол, они истинные христиане, потому что сохранили чистоту и простоту ранней церкви, — не была совсем надуманной. Гиро справедливо отмечает, что отколовшиеся секты зачастую более консервативны, чем эволюционирующая ортодоксальная церковь. Но каким образом эти обычаи передавались из поколения в поколение, равно как и доктрина, которая безусловно имеет отдельные черты сходства с гностицизмом? При современном состоянии наших познаний на эти вопросы почти невозможно найти ответы. Возможно (но это чистое предположение, не подкрепленное никакими достоверными фактами), что гностики и пришедшие им на смену манихеи¹ укрылись от преследований в уединенных местах Пиренеев и с наступлением благоприятных обстоятельств вышли оттуда.

Зато несомненно теснейшее родство западного катаризма с богомилами², появившимися в X в. в

¹ Гностики, манихеи — см. прим. на с. 16 и 17.

² Богомилы — см. прим. на с. 17-18..

Болгарии поначалу как чисто народное движение, порожденное тогдашней нищетой страны. Позднее богомилы перебрались в Константинополь и там в соприкосновении с более культурной средой разработали теологию — видимо, это в сущности и была теология катаров. Но в какой мере сами богомилы связаны с малоазийскими павликианами¹ и в какой степени последние были связаны с манихеями, а через них с гностиками первых веков нашей эры, уверенно установить намного труднее. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что идеи Маркиона и Валентина², с которыми спорил в полемике с Фаустом Милевским некогда разделявший их св. Августин³, полностью так и не исчезли. Доказательством этого служит то, что церковь постоянно боролась против манихейского понимания проблемы зла, нежелания признать за

¹ *Павликиане* — христианская секта, возникшая в VII в. в Армении и опиравшаяся на учение Маркиона (см. след. прим.). Особо почитали апостола Павла, откуда и название. Секта реформирована Сергием (ум. 833). В 970 г. были переселены Иоанном Цимисхием в Болгарию.

² *Маркион* (II в. н. э.) — судовладелец с Понта Эвксинского (Черного моря), начал проповедовать в Малой Азии, в 130–140 гг. жил в Риме. Одно время был даже главой тамошней общины христиан. Полагал материальный мир творением некоего высшего Бога, именно этот Бог и представлен в Ветхом Завете. Христос же снизошел от высшего Бога, сотворившего все. *Валентин* (II в.) — род. в Египте, начал проповедь в Александрии, ок. 130 г. появился в Риме. Полагал мир творением «эона», происходящего от Отца, но совершившего ошибку при Творении. Ему противопоставлен Сатана. Христос — одна из сущностей Бога, открывшего людям возможность через «гносис» (знание) понять Разум, созданный «неизвестным отцом», и достичь «плеромы» — единства духовного бытия.

³ *Августин Аврелий* (353–440) сначала был манихеем, потом неоплатоником. В 387 г. принял христианство. С 397 г. — епископ Гиппонский.

Богом, одновременно всемогущим и милосердным, творение мира, в котором зло занимает слишком много места. Однако в действительности речь идет о других, более сокровенных и глубоких вещах. Человек ощущает себя в этом мире изгнанником. Он чувствует, что по своей природе принадлежит к другому миру, более прекрасному и гармоничному. От Платона и до гимнов Мани мы слышим эту ностальгию по лучшему, истинному миру. Духовная часть нашего существа кажется пленницей материи — видимой, осязаемой гигантской машины, всегда способной раздавить нас, даже не осознавая причиняемого нам зла. Мы из иного мира, и все явления искусства и духовности пронизаны подобным ощущением. Проблема состоит в обретении ключа от утраченного Царства, и смысл множества фольклорных сказок заключен именно в этом. Официальная же церковь, тоже складно вещающая о мире ином, погрязла в привязанности к земной власти и могуществу, похоже, более всего озабочена защитой своего господствующего положения, мощи и богатства и наглядно показывает, что сама-то не воспринимает всерьез обещаний, раздаваемых верующим.

Совсем иное дело — катары; первые из них — это миссионеры, пришедшие с Востока во время второго крестового похода, то есть между 1140 и 1150 гг. Именно тогда святой Бернар, тот самый, что впоследствии провозгласит в Везле крестовый поход, объезжает Юг Франции и особенно графство Тулузское, где, если верить ему, катаров уже так много, что церкви опустели, а в Верфее, замке близ Тулузы, даже не находится никого, кто пожелал бы послушать его проповедь. Связи с Вос-

током были тогда чрезвычайно интенсивными, и совершенно ясно, что болгарские, греческие или боснийские миссионеры вполне могли нести «благовую весть» от берегов Гаронны до берегов Рейна. Это мужчины и женщины, ведущие строго аскетическую жизнь. Они передвигаются парами, пешком, в черном одеянии, неся на одеждах в кожаном футляре Евангелие от святого Иоанна, которое ставят выше трех других Евангелий¹. Живут они на подаяние верующих и, когда не занимаются миссионерством, пребывают в мужских или женских домах, походящих на монастыри. Они совсем не едят мяса, прежде всего потому, что эта пища может пробудить в них плотские страсти, а также потому, что верят в перевоплощение и всякое убийство, даже животного, им категорически запрещено. Они живут в полном целомудрии и осуждают плотский грех в любых обстоятельствах, особенно в законном браке, так как в результате в темницы человеческих тел могут попасть новые души. Они отрицают всякое насилие и запрещают клятву, самую основу средневекового общества, ибо не должно «помянуть имя Господа всуе» (Ис. 20:7).

Понятно, что эти суровые и одновременно мягкие мужчины и женщины, жизнь которых представляет столь разительный контраст с жизнью большей части католических клириков, пользовались большим уважением, тем более что они из-

¹ *Евангелие от Иоанна* больше всего соответствует писаниям гностиков. В частности, в нем развивается учение о Логосе. («В начале было Слово (*логос*), и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ио. 1:1). О Христе: «Слово стало плотью и обитало с нами» (Ио. 1:14).

лагали учение о спасении, а большинство людей были пресыщены проповедями, ставшими лишь назойливым повторением избитых и бесполезных формул, и ждали иного. Мне кажется, что середина XII века, особенно на Юге Франции, была эпохой великого духовного ожидания. Официальная церковь вызывала возмущение, а утонченная теория куртуазной любви, годившаяся лишь для немногих привилегированных, тоже не могла заполнить пустоту этого ожидания.

Учение катаров очень простое и вполне доступно для самых неразвитых умов. Повсюду мы видим несправедливость и зло. Как же поверить, что возмущающий нас мир является творением совершенного Бога? Катары не учат, вопреки частому утверждению, что существует два равных и равно вечных Начала и что вся история мира сводится к бесконечной борьбе между ними. Но творец этого видимого и явно несовершенного мира, Демиург, или Сатана, — действительно дух Зла. Все материальное исходит от него; что же касается наших душ, то они, напротив, — творения Бога доброго, заключенные, как в тюрьму, в свои телесные оболочки. Катары раскрывают тайну их освобождения, поведенную им самим Христом.

Но Христос представляется катарам совсем иным, нежели католикам, и это ключевой пункт расхождения между ними. Прежде всего Христос вовсе не искупал своей жертвой человеческих грехов. Он только изложил учение о спасении, содержащееся в Евангелиях, прежде всего в четвертом, хотя и синоптические Евангелия не отвергались катарами, придававшими также большое зна-

чение посланиям святого Павла¹. К тому же Христос для катаров не является ни Сыном Божьим, вторым лицом Троицы, ни настоящим человеком. Это ангел, небесный посланец, пришедший указать людям путь к спасению. Его Страсти — не настоящие, а мнимые и олицетворяют, по мнению некоторых катаров, кару, которую претерпел вне мира сего Творец Зла, создавший материальную Вселенную. Катары осуждают и культ креста как орудия позорной пытки. Что же касается Девы Марии, то она для них тоже ангел, а не обычная женщина. Наконец, катары категорически отрицают Воплощение и Воскрешение во плоти, составляющие основу основ христианского вероисповедания.

Не раз возникал вопрос: можно ли при всем этом считать катаризм христианской ересью. Не был ли он скорее другой религией? Подобный вопрос звучит несколько формально. Катаризм — христианское явление в той мере, в которой катары провозглашают себя христианами и даже единственными истинными христианами, в той мере, в какой их ритуалы воспроизводят ритуалы ранней церкви, а их доктрина основана только на определенным образом интерпретированном Евангелии. К примеру, их главной молитвой считается молитва, которой Христос сам научил своих учеников, «Отче наш». В практике катаров она имеет гораздо большее значение, чем в католической литургии. Мы убедимся в этом при описании

¹ *Послания Павла* особо почитались гностиками, так как многие его идеи соответствуют их воззрениям. В частности, он писал о греховности этого мира, проповедовал против рождения детей, чтобы не увеличивать количество несчастных.

ритуала *consolamentum* («Утешения»), единственно-го катарского таинства. Но если понимать под христианством главным образом веру в божественность Христа, тогда нельзя говорить о катарах как о христианах.

С другой стороны, катары отвергают значительную часть Ветхого Завета. Ветхозаветный Бог — это не кто иной, как Демиург, злое начало, который, дабы скорее ввести людей в заблуждение и отвратить от того, что бы могло их спасти, заставил поклоняться себе. Напротив, катары испытывают великое уважение к пророкам, которые в определенных местах явно говорят не о мстительном и ревнивом Боге Израиля, а о Боге благом, всецело духовном, которого и должен был полностью раскрыть людям в молитве «Отче наш» Христос. Поэтому может показаться странным, что катаров без разбора осуждали вместе с евреями и что они пользовались таким успехом в краю, больше любящего другого подверженном еврейским влияниям. Но дело в том, что по некоторым вопросам, особенно в отрицании божественности Христа, катары были согласны с евреями, и даже вполне возможно, что они признавали кое-какие кабалистические воззрения.

Но это вызывает другой вопрос: до какой степени катарская доктрина была доктриной посвященных, предназначенной для элиты? Заметим прежде всего, что она похожа на учение гностиков. Спасение приходит через некое знание, но это знание — не тайное. Чтобы его постичь, довольно чтения Евангелия или хотя бы уяснения глубокого смысла молитвы «Отче наш». Но это дано не всем, тем более что католическая церковь сумела иска-

зять самые ясные и очевидные понятия. Именно поэтому пастыри катаров собственным примером и проповедью должны оздоравливать души. Таким образом, в доктрине катаров нет ничего такого тайного — разве что в книгах, ныне утраченных, излагалось учение для посвященных. Но и это кажется маловероятным, потому что уже обнаружен ряд катарских текстов, в частности «Трактат о двух Началах» Жана де Люжио¹, которые не добавили ничего существенного к тому, что мы и так знаем из сочинений или допросов инквизиторов. Конечно, источники последнего типа пронизаны сильной антипатией к катарам и не слишком благожелательно относятся к их точке зрения. Но эти источники честны и описывают факты достаточно точно.

Итак, катарские пастыри, Старцы, как они себя называли, учат своих приверженцев тому, что «мы не от мира сего», как напишет много столетий спустя Рембо. Мы пленники этого видимого мира, сотворенного злым Духом. И если мы не знаем учения и способа спасения, наши души будут обречены на бесконечное блуждание из одного тела в другое, воплощаясь заново после каждой

¹ *Два начала* — основополагающее понятие зороастризма. Мир равно принадлежит Доброму началу, Ормазду, создавшему все благие творения, и Злому, Ариману, создавшему все злые. К последним, в частности, относятся змеи, скорпионы, болезни и т. п. Позднее появилась точка зрения, что и Ормазд, и Ариман — сыновья Времени (Зарвана). Зороастрийцы верили в Спасителя и Последний суд, что облегчало контакты с христианами. В еретических движениях зороастризма проповедовалось, что все без исключения создания этого мира принадлежат Ариману. Природа человека двойственна, он обладает благой душой, но она заключена в тело, которым владеют силы зла. Эти положения вошли и в еретические христианские учения.

смерти. Чтобы выйти из этого состояния, нам следует обрести крещение Духом, *consolamentum* («Утешение»). Катары отрицают христианское крещение водой, ибо их крещение — это крещение светом. Поэтому некоторые из них испытывают глубокое отвращение к святому Иоанну Крестителю, крестившему только водой, в то время как другие, напротив, считают его, подобно католикам, Предтечей.

На тех, кто получил Утешение, тут же налагаются тяжкие обязанности. Отныне они должны воздерживаться от любых сексуальных связей и всякой животной пищи. Им позволена одна рыба, поскольку у нее холодная кровь и отсутствует духовный жар. Потому большая часть верующих откладывает принятие *consolamentum* до своего последнего часа, и в позднем катаризме конца XIII — начала XIV вв. имели место случаи, когда верующие, получившие Утешение в предсмертном состоянии и потом выздоровевшие, сознательно умерщвляли себя путем *endura*. Катары — сторонники ненасилия, значит, им запрещено всякое насилие, даже над самим собой. Их самоубийство заключается либо в воздержании от всякой пищи, вплоть до наступления смерти, либо в принятии очень горячей ванны, после которой они растягивались на холодных плитах, получая смертельное воспаление легких. Катаров часто упрекали в том, что они терпели и даже поощряли подобную практику. Конечно, смерть, если она должна означать одновременно высвобождение из материальной темницы, где мы заточены, не страшна, и самоубийство, разумеется, не могло рассматриваться катарами как преступление против самого себя.

Тем не менее если поздний катаризм в некотором роде позволял подобную практику, в эпоху успешного распространения учения по всему Югу она не была в ходу. В частности, ошибочно полагать, будто *consolamentum* не могли принимать неоднократно, как соборование, и есть точные доказательства того, что в некоторых случаях так и было.

При этом понятно, что простые верующие, не слишком склонные обременять себя тяжелой аскезой, откладывали до последнего момента принятие таинства. Многие заключали своего рода соглашение с пастырями (*convinanza* или *convenientia* — Согласие), по которому они обязывались получить *consolamentum* при смерти. Утверждают даже, что графа Тулузского Раймона VI по его распоряжению всегда сопровождало несколько пастырей, готовых дать ему Утешение в случае опасности. Таким образом, *consolamentum* давался мужчинам и женщинам во цвете лет, и это не просто крещение: оно равноценно католическому таинству посвящения в монашеский орден. Тот, кто желает его получить, должен сначала пройти долгую подготовку и выдержать ряд испытаний, доказывающих твердость его веры и подтверждающих, что ничто в мире не заставит его отречься. Эта подготовка, послушничество, проходит в монастырях, о которых я уже говорил. Многие о них нам неизвестно, кроме того, что послушник вел очень строгий образ жизни, полный суровых лишений. Но была еще и доктрина духовная и интеллектуальная. И именно здесь нам очень недостает точных сведений. Если бы мы знали, в чем наставляли будущих «Добрых Мужей» и «Добрых Жен», мы бы, вероятно, лучше понимали, насколько тесными и ре-

альными были связи катаризма с манихейством. В настоящее время мы достаточно хорошо знаем манихейство, но нам неизвестно, использовались ли манихейские гимны катарами. Однако во всех случаях бесспорно то, что именно по примеру манихеев катары создали очень сильную церковную организацию. Они оказались тем более опасными для церкви, что были настоящей антицерковью.

АНТИЦЕРКОВЬ

Прежде всего катары — это духовенство, состоящее из всех мужчин и женщин, получивших Утешение и обладающих властью даровать его другим. Пока катаризм не преследовался, катарские пастыри, ходившие всегда попарно, выделялись особым одеянием. Когда же им пришлось скрываться, они стали носить только нарамник под обычной одеждой. Поэтому катаров порой называют «облаченными», *vestiti*. Они отличались также бледностью и худобой, следствием строгости своего жизненного уклада. Их жизнь, как представляется, делилась на периоды миссионерских странствий и периоды отдыха в мужских или женских монастырях. Помимо постоянного воздержания, о чем я уже упоминал, они соблюдали длительные посты на хлебе и воде и обязаны были почти все время молиться, читая «Отче наш». Отличительной чертой организации было то, что человеку, которому предписывалось стать священником, назначали сопровождающего, мужчину или женщину, и они уже не разлучались до кончины одного из них. В этом заключается обычай товарищества до смерти, на который следует обратить особое внимание. Говорили, что катары очень страшатся одиночества и двое неразлучных товарищей преданно и верно поддерживают друг друга.

Церковь катаров тоже имела свою иерархию, и можно установить карту катарских диоцезов. Их число и размеры с течением времени несколько

менялись. Но, к примеру, на нашем Юге было всегда по крайней мере три диоцеза — Тулузский, Каркассонский и Альбигойский; другие, вроде Разесского и Аженского, возникли позже и исчезли раньше. Одна из целей катарского собора в Сен-Феликс-де-Караман в 1167 г. заключалась в точном определении границ этих диоцезов. Во главе каждого из них стоял епископ, единолично управлявший диоцезом с помощью двух священников, именуемых Старшим и Младшим сыновьями. Когда епископ умирал, ему автоматически наследовал Старший сын, посвящаемый Младшим, который тогда становился в свою очередь Старшим. Собрание катарских Старцев избирало нового Младшего сына. Епископы поддерживают постоянные отношения друг с другом, а также переписываются с епископами других краев. Так, например, собор в Сен-Феликс возглавлял восточный епископ Никита¹, прибывший, несомненно, из Константинополя, и в нем видели настоящего катарского папу. Множество католических полемистов верили в скрытое существование папы у катаров. Однако точно обнаружить его след никогда не удавалось. В конечном счете с малой долей уверенности можно допустить, что восточные катары сохранили некоторую власть над западными, как раз и проявившуюся на соборе в Сен-Феликс. Я не думаю, что этот собор действительно стал, как полагает один из новейших историков катаризма г-н Арно Борст, поворотным пунктом в истории катаризма. В самом деле, этот ученый, на мой взгляд, несколько резко разделяет в катаризме доктрину и мораль. В по-

¹ *Никита* — вероятнее всего, либо грек, либо македонец.

следней якобы не было ничего оригинального: она отвечала общим запросам эпохи, ее обнаруживают и у вальденсов, и в некотором роде даже в нищенствующих орденах, основанных в начале XIII в. Напротив, восточная по происхождению доктрина, основанная на дуализме, не обязательно могла быть связана с этой моралью. Никита будто бы прибыл в Сен-Феликс, чтобы напомнить западным катарам строго дуалистические положения доктрины. И именно это стало одной из причин, по которой катары после первоначального успеха потерпели крах. Запад оказался равнодушен к этим восточным идеям.

Здесь, как мне кажется, мы имеем дело с чрезвычайной систематизацией. Тут чувствуется влияние теории Шпенглера, слишком систематичной самой по себе. Согласно этим воззрениям, Запад является «фаустовским», то есть устремленным вдаль и одновременно к действию. Значит, доктрина, которая осуждает мир, как доктрина катаров, не могла здесь иметь успех. В том же духе другие называли катаров западными буддистами, приводя в пример некоторых Добрых людей, действительно наклонившихся к совершенно неподвижному образу жизни, подобно восточным столпникам или некоторым индийским йогам. Однако подобные примеры нетрудно было бы отыскать и среди западных отшельников. Презрение к миру не было особенностью катаров, по странному совпадению оно проявляется даже у будущего папы Иннокентия III, написавшего трактат «О презрении к миру, или О ничтожестве человеческого существования». Более того, мораль Чистых — это в большинстве случаев не что иное, как мораль евангелических заповедей и посланий св. Павла. Что же касается

дуализма, то он никогда не доходил, как уже говорилось, до признания двух равных божественных начал, как, например, в маздакизме¹, и ограничивался отведением Сатане более важной роли, чем в католической теологии. К тому же, здраво рассуждая, следует вспомнить о видном месте дьявола в средневековом менталитете. Не само ли Евангелие считает его Князем мира сего? (Ио. 11:31; 14:30; 16:11). Разве не Христос заявил, что не возносит молитв за этот мир? Если катарский дуализм и был радикальнее практического дуализма, весьма распространенного в средневековом христианстве, то по существу не отличался от него.

Конфликт крылся в ином. Без сомнения, церковь, по крайней мере со времен Константина², искала и неоднократно находила компромиссы между некоторыми крайне парадоксальными аспектами своей доктрины (которые она, впрочем, всегда сохраняла в силе) и обычным течением человеческой жизни, в которой она участвовала. По мнению катаров, в этом-то и заключалось ее великая двуличность, с которой следовало беспощадно бороться. Но если представить, что катарская церковь восторжествовала бы над своей соперницей, что чуть было и не случилось на Юге Франции, то она, весьма вероятно, тоже стала бы

¹ Маздакизм — еретическое движение в зороастризме, появившееся в V в. Учитель, Маздаки-Бамдад, многое заимствовал из манихейства. Проповедовал отказ от официальных религиозных церемоний, право каждого верующего самому общаться с богом. Сначала пользовался покровительством царя Кавада I, но в 528 г. был казнен по требованию жрецов и знати.

² Константин Великий (ум. 337) — император Римской империи, впервые уравнивший христианство в правах с язычеством (Миланский эдикт 313 г.).

искать и находить компромиссы. Это не голословное предположение, потому что, на наш взгляд, катары были уже на пути к подобным сделкам в тот момент, когда их раздавили силой. Мы знаем, что многие катарские пастыри являлись одновременно лекарями, а это, надо признать, очень странное ремесло для людей, проповедовавших презрение к телу. Конечно, подобное занятие было сильным средством пропаганды. Ведь они ухаживали за больными преданно и бескорыстно, а когда не удавалось их излечить, можно было хотя бы дать им Утешение и таким образом освободить их души, если не спасти тело. Но еще надо было на что-то существовать, и каково бы ни было презрение катаров к богатствам, они, как и их противники, не пренебрегали дарами, которые получали от своих приверженцев. Им даже приходилось настойчиво напоминать у смертного одра пациента о некоторых денежных обязательствах. О катаризме еще говорят как об антисоциальном учении, поскольку катары осуждали брак и зачатие, запрещали клятву — важнейший аспект жизни средневекового общества. Но следует заметить, что если катарские пастыри и были очень строги к себе, то от своих последователей не требовали слишком многого. Среди последних, к примеру, мы встречаем некоторых мясников, что уж и вовсе нонсенс.

МОРАЛЬ КАТАРОВ

Опасность скорее крылась в другом: мораль для простых приверженцев была слишком легковесной, полностью соответствовавшей нравственности населения Юга. Однако же здесь не следует впадать в преувеличения. Так, например, катарская церемония, называемая *apparehamentum* или *servitium* (Служение), происходила, по-видимому, каждый месяц, и одной из ее существенных частей было испытание совести, нечто вроде публичной исповеди, как в ранней церкви. Верующие начинали с того, что обращались к дьякону, председательствующему на церемонии: «Мы явились пред Богом и вами и по приказанию Святой Церкви, чтобы отслужить службу, получить и прощение и наказание за все грехи, совершенные нами словом, помыслом или делом с рождения и донныне, и испрашиваем у Бога и у вас снисхождения и молитвы за нас Святому Отцу милосердия, дабы он простил нас». В общем, это почти слова католического *Confiteor* («Исповедуюсь»). Далее верующие говорили: «Возлюбим Бога и предадим оглашению все наши грехи и многочисленные и тяжкие прегрешения, во имя Отца и Сына и чтимого Святого Духа, почитаемых Святых Евангелий и Святых Апостолов; молитвой, верой и спасением всех правых и преславных христиан и блаженных усопших предков и здесь присутствующих братьев мы просим вас, владыка наш, простить нам все наши грехи. *Benedicite, parcite nobis* (Благословите, помиуйте нас)». Как видим, здесь даже присут-

ствуует нечто, напоминающее сонм святых. Да и катарские пастыри, для которых тела с тех пор, как они получили *consolamentum* — лишь храмы Святого Духа, почитаются своими последователями в этом качестве. Одновременно это и самая обычная катарская церемония, называемая *melioramentum* («Совершенствование»), в которой инквизиторы узрели чуть ли не поклонение верующих священникам.

Но вернемся к Служению (*servitium*). Зачитав вступление, верующие продолжали: «Ибо многочисленны грехи наши, коими мы каждый день, денно и ночью оскорбляем Бога словом, и делом, и помыслом, вольно и невольно, больше по наущению злых духов, коих носим во плоти, которой облечены». Эта последняя формула любопытна не только вступлением — она свидетельствует, что даже получившие *consolamentum*, хотя и желают этого, не могут не грешить. Они — добыча злых сил, которым невозможно сопротивляться. Здесь сквозит слишком легкое извинение всякого рода грехов. Но разве у католиков так же, как и у катаров, не пишется, что даже праведник грешит семь раз на дню?

Далее следует собственно перечисление грехов, очень поучительное для желающего составить ясное представление о нравственности, предписанной катарами верующим: «Тогда как святое слово Бога и Святых Апостолов наставляет нас, а наши духовные братья учат нас избавляться от всякого плотского желания и грязи и выполнять волю Господа, творя совершенное добро, мы, нерадивые слуги, не только не следуем, как надлежит, воле Божьей, но чаще всего уступаем плотским вожделениям и мирским заботам, вредя нашим душам...

Мы ходим с мирянами, стоим рядом с ними, и едим, и разговариваем, и во многом грешим, нанося вред нашим братьям и нашим душам... Своим языком мы произносим пустые слова, впадаем в праздные разговоры, смех, шутки и проказы, клеветаем на братьев и сестер, коих мы недостойны ни судить, ни обвинять в грехах... Службу (*servitium*), предписанную нам, мы не выполняем должным образом; мы разрушили свои дни и преступили свои часы. Пребывая на Святой Молитве, мы чувствуем, что обращены к плотским желаниям, к мирским заботам, так что и в сей час едва ли осознаем, что же вручаем Отцу праведников».

Таким образом, верующие налагали на себя, в противоположность тому, что часто утверждают, религиозные и моральные обязательства. В сущности вся их жизнь должна была быть подготовкой к Утешению, которое они получали лишь на пороге смерти. Действенность этого таинства, как представляется, была связана для всех с тем, каким образом к нему готовятся. Послушничество будущих священников — подготовка непрерывная и усиленная, в то время как простые верующие, особенно заключившие Соглашение (*convivenza*), готовятся походя и с меньшей строгостью. Тем не менее ежемесячная церемония вроде только что описанной ставит целью обновление в душах стремления к преображению; это же относится к церемонии, которую проводят еще чаще, — *melioramentum*. Ее название — «Улучшение», «Совершенствование» — достаточно красноречиво свидетельствует, что речь идет о совершенствовании верующего.

Вот как инквизитор Бернар Ги в своем «Учебнике» описывает практику, называемую им «по-

клонение»): «Верующий преклоняет колени и глубоко склоняется перед Совершенным (помнится, их всегда двое) со сложенными ладонями. Он трижды кланяется и встает, произнося всякий раз “Benedicite” (“Благословите”) и завершая следующими словами: “Добрые христиане, прошу у вас благословения Божьего и вашего; молитесь Господу, дабы охранил он нас от злой смерти и привел к доброй кончине на руках верных христиан”. И Совершенные отвечают: “Да будет дано вам вышеназванное благословение от Бога и от нас; пусть благословит вас Бог, и спасет вашу душу от дурной смерти, и приведет к доброму концу”». И вместо комментария инквизитор добавляет: «Они говорят, что сия клятва обращена не к ним самим, а к Святому Духу, который они, по их словам, несут в себе с того дня, как их приняли в сию секту и в сей орден».

Катарская церковь состоит из двух типов людей. Одна часть — это простые верующие, которые надеются на освобождение своей души, но живут в ожидании этого почти так же, как все, за исключением того, что воздерживаются от участия в любой католической службе; другая часть — это пастыри, которых инквизиторы называют Совершенными, хотя сами себя они так не величали. Они именуются просто Добрыми христианами, или Добрыми Людьями, или еще Старцами. Бесспорно, они составляют духовенство, но духовенство не настолько оторванное от народа, как католическое. Всякий верующий рассчитывает на Утешение, подобно любому христианину, надеющемуся обрести святость. Однако в ряды этого духовенства входят далеко не все, и оно исполняет особые обязанности; ведь и большинство католиков

не уходит в монастыри, где спасение души обычно и вернее и легче, чем в миру¹. Так же и катары. Те, кто чувствует призвание, испрашивают *consolamentum* во цвете лет, выдержав прежде суровый искуc.

¹ Действительно, средневековые тексты подчеркивают, что спасение достигается только в монастыре. См.: *Lubac, Henri de. Exégèse médiévale. Paris: Montaigne. 1964. Т. II, Ch. IX, III, p. 571–586. (Прим. авт.)*

CONSOLAMENTUM (УТЕШЕНИЕ)

А теперь посмотрим, чем являлась эта главная церемония, носившая двойкий характер посвящения и рукоположения. *Consolamentum* было главным образом приятием Святого Духа. Однако катары представляли его иначе, чем католики. Для них Святой Дух не был третьим лицом Троицы, равным Отцу и Сыну. Катары скорее называли его Главным Духом, ибо он был главой небесного воинства; Бог выделил его из Самого Себя, как Христа, но этот утешающий Дух стоял ниже Христа, Который посылал Его с миссией; впрочем, не его получал верующий, когда ему даровали Утешение. При низвержении ангелов каждый падший ангел стал человеческой душой, заключенной в тело, а на небе осталось нематериальное тело этой заточенной души под охраной некоего святого духа. Результатом Утешения и было возвращение низвергнутой душе ее святого духа, обязанного препроводить ее после смерти к ее светлому небесному телу и избавить от испытаний последующих воплощений. Именно поэтому этот дух носил имя Утешающего духа (откуда термин *consolamentum*) или Заступника (*Paraclet*), что то же самое. Катары придавали большое значение знаменитому различию, которое Павел проводит между телом, душой и духом. В обычном состоянии люди лишены своего духа, оставшегося на небе. Результатом *consolamentum* и было его возвращение.

Послушничество, предшествующее принятию таинства, называлось *abstinentia* («Воздержание»).

Действительно, одним из его признаков, но не единственным, было то, что претендент по меньшей мере год питался так же, как Старцы. Но послушника еще и наставляли в доктрине, придавая этому обучению самое большое значение, так как из свидетельств нам известно, что некоторые в конечном счете не допускались к *consolamentum*, так как их знания оказывались недостаточными. Послушник привыкал также всецело повиноваться, и не только священнику, специально представленному к нему в качестве учителя, но и всей церкви в целом. Следует особо помнить, что обучение шло при посредничестве учителя вроде того, кого в Индии называют гуру, и что оно было преимущественно устным и в известной мере носило характер инициации, о чем мы, впрочем, точно ничего не знаем. Наконец, одной из главных забот катарской церкви при воспитании своих священников было укрепление их стойкости в вере. Это было особенно необходимо в период гонений, и в результате очень немногие пастыри отрекались. Почти все они предпочитали отречению самую жестокую смерть; многие устремлялись на костер с радостью, потому что отныне их дух должен был навечно воссоединиться со своим телом во славе.

Ищущий Утешения допускался к церемонии после того, как Добрые Люди, которым была поручена его подготовка, находили его достойным. Церемония проходила публично в ярко освещенном зале, потому что свет — символ добра. Но поскольку у катаров не было культовых зданий, то для торжественного исполнения своих обрядов они избирали любое подходящее место, и очень часто, во времена, когда их не преследовали, это

был большой зал дружественного замка. Посреди зала устанавливался стол. Его накрывали белой скатертью, на которую клали Писание, то есть Новый Завет, и раскладывали белые полотенца. Позади стоял пастырь, совершавший таинство, ему помогали два других. Кругом стояли более или менее многочисленные Старцы и верующие. Перед началом церемонии все тщательно мыли руки, чтобы какая-нибудь грязь не осквернила святость места и совершаемых там обрядов.

Церемония начиналась с краткой речи священника, который должен был совершать таинство. Из Ритуала лионских катаров до нас дошел текст этой маленькой проповеди, которая, как представляется, была не импровизацией священника, а действительно частью литургии. К сожалению, она слишком длинна, чтобы воспроизвести ее здесь. Вот что поражает: ни одно из выражений, которые употреблялись в литургии катаров, не может показаться оскорбительным для католика. Конечно, из этого не следует делать вывод, будто различия между доктринами двух церквей были незначительны. Бесспорно, катары придавали этим терминам совсем иное значение, нежели католики. Но это свидетельствует также и о том, что, видимо, не расхождение в доктринах, каким бы серьезным и существенным оно ни было, противопоставило друг другу две церкви. Речь скорее идет о смертельном соперничестве двух церковных организаций, претендующих как одна, так и другая на происхождение от самих апостолов и утверждающих, что с пути сбилась противница.

После краткой речи Старец (которого катарский Ритуал именует также «служителем») произносил Молитву Господню, и «посвящаемый» следовал

ему, то есть, попросту говоря, повторял за ним слова. Наконец Старец произносил формулу Передачи, что являлось вручением Молитвы будущему Доброму Человеку. «Вручаем вам сию святую Молитву, дабы вы приняли ее от нас, от Бога и от Церкви и получили право произносить ее постоянно всю свою жизнь, денно и нощно, в одиночку и совместно, и не стали бы ни есть, ни пить, предварительно не прочитав ее. Если же вы станете пренебрегать этим, то понесете наказание». И посвящаемый отвечал: «Я принимаю ее от вас и от Церкви».

Затем разворачивался диалог между Старцем и послушником. Сначала Старец, если верить Петру из Во-де-Сернея¹, спрашивал: «Отрекаетесь ли вы от креста, нанесенного при крещении священником на вашу грудь, плечи и голову маслом и елеем?» — «Я отрекаюсь от него», — отвечал послушник. «Брат мой, — спрашивал затем Старец, — желаешь ли ты принять нашу веру?» — «Да», — говорил послушник. Потом трижды, всякий раз низко кланяясь и делая шаг вперед, он просил Старца благословить его, и тот отвечал: «Да благословит тебя Бог». На третий раз послушник добавлял: «Господин, молитесь Богу за меня, грешного, дабы привел он меня к доброй кончине», и Старец отвечал: «Да благословит вас Бог, и сделает вас хорошим христианином, и приведет вас к доброму концу». Здесь звучит формула из обряда Улучшения (*melioramentum*). Потом следовали торжественные обязательства: «Предаются ли вы Богу и Евангелию?» — «Да», — говорил пос-

¹ Но свидетельство Петра из Во-де-Сернея, злейшего врага катаров, тем более подозрительно, что оно уникально (прим. авт.).

лушник. «Обещаете ли вы отныне не есть ни мяса, ни яиц, ни сыра, ни сала, а питаться лишь от воды и от леса¹, не лгать, не клясться, не предавать свое тело какой-либо похоти, никогда не ходить одному, если можете взять сопровождающего, никогда не спать без штанов и рубахи и не отречься никогда от своей веры под страхом воды, или огня, или иного вида смерти?»

Это, бесспорно, уже вторая речь, дошедшая до нас в Лионском ритуале. Посвящаемому возвещалось, что посредством обряда он получил отпущение всех своих грехов и власть, обещанную Христом своим ученикам. Проповедь заканчивалась так: «И ежели вы желаете получить эту власть и могущество, то должны исполнять, насколько возможно, все наказания Христа и Нового Завета. И знайте, что он заповедовал человеку не прелюбодействовать, не убивать, не лгать, не приносить никаких клятв, не красть и не поступать с другими так, как не хотел бы, чтобы поступали с ним самим, и прощать причинившему ему зло, и возлюбить своих врагов, и молиться за клеветников и хулителей и благословлять их; и если ударят по щеке, подставить другую, а ежели отберут платье, отдать плащ; и не судить и не обвинять — и много других заповедей, оставленных Господом своей Церкви. А также вам надлежит ненавидеть сей мир и все, исходящее от него. Ибо говорит святой Иоанн в Послании: “О мои дражайшие, не любите ни мира, ни того, что в мире; кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире —

¹ Как считает Ренье Саккони, который сам был Добрым Человеком, под «водой» следует понимать рыбу, а под «лесом» — растительное масло (*прим. авт.*)

похоть плоти, похоть очей и гордость житейская — не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек” (I Ио. 1:15–17). И Христос говорит народам: “Мир не может вас ненавидеть, но ненавидит Меня, ибо Я свидетельствую о нем, что дела его злы” (Ио. 7:7). И в Книге Соломона написано: “Я узрел все, что творится под солнцем, и все есть тщета и томление духа” (Экл. 2:17). А Иуда, брат Иакова, наставляя нас, говорит: “Гнушайтесь даже одеждою, оскверненной плотью” (Иу. 1:23). И, внимая этим наставлениям и многим другим, вам надлежит исполнять волю Божью и ненавидеть мир. И если вы будете так поступать до самой кончины, мы надеемся, что душа ваша обретет вечную жизнь». Эта речь заслуживает обстоятельных комментариев. Она так же ортодоксальна, как и первая; что же до ссылки на Книгу Эклезиаста, то она доказывает, что катары не отбрасывали весь Ветхий Завет. Наконец, она показывает, что Утешение означало не только крещение и вступление в орден, но являлось еще и таинством покаяния.

Действительно, сразу же по окончании этой речи послушник публично каялся во всех своих грехах и молил все собрание простить его, говоря: «*Particite nobis* (Помилуйте нас). За все грехи, кои мог я совершить словом, помыслом или делом, я прошу прощения у Бога, у Церкви и у всех вас». Собрание отвечало: «Да будут прощены Богом, нами и Церковью ваши грехи, и мы молим Бога отпустить их вам». Тут Добрые Люди подходили к послушнику и, простирая руки над его головой, произносили слова, представляющие по сути формулу отпущения грехов: «Благословите нас, про-

стите нам, аминь. Да простит все ваши грехи Отец, Сын и Дух Святой».

Именно тогда, наконец, наступала главная церемония *consolamentum*. Она начиналась восславлением трех небесных (но не божественных, как у католиков) лиц: «Поклоняемся Отцу, Сыну и Святому Духу». В последний раз послушнику напоминали о возлагаемых на него обязанностях. Затем он с глубоким поклоном трижды испрашивал благословения Старца по формуле, которую мы уже приводили. Эта церемония называлась *Parcia* (Пощада). Послушник повторял свои обязательства в форме, сохраненной для нас Ренье Саккони: «Обещаю предать себя Богу и Евангелию, никогда не лгать, не клясться, не касаться женщины, не убивать никаких животных и не есть ни мяса, ни яиц, ни молока, а питаться только растительной пищей и рыбой, ничего не делать, не произнеся Молитвы Господней, не путешествовать, и ночи не проводить в каком-либо месте, и даже не есть без товарища, и если я попаду в руки своих врагов и буду разлучен с моим братом, то обещаю по крайней мере три дня воздерживаться от всякой пищи, обещаю всегда спать только одетым; наконец, обещаю ни за что не предавать свою веру пред любой угрозой смерти». Затем шла последняя *Parcia*.

«Тогда, — говорится в Ритуале, — пускай Старец возьмет книгу и возложит ее ему на голову, а другие Добрые Люди возложат на нее руки и скажут: “Отче, вот твой слуга для твоего правосудия, ниспошли ему свою милость и дух свой”». Затем несколько раз торжественно читали Молитву Господню, сопровождая ее формулой *Adoramus* («Придите, поклонимся Церкви и нашему Богу»);

по книге зачитывали семнадцать первых стихов из Евангелия от Иоанна. Снова трижды повторяли «Отче наш» и *Adoramus*, после чего новый Добрый Человек падал ниц вместе со всем собранием пред Старцем, только что совершившим обряд. Церемония заканчивалась поцелуем мира, а если в орден принимали женщину, Старец даровал ей мир, дотронувшись до ее плеча книгой и соприкоснувшись локтями. Когда «Утешение» давалось умирающему, церемонию сокращали и упрощали, но дух ее оставался прежним.

Я счел своим долгом подробно рассказать об этих обрядах не только потому, что они хорошо нам известны благодаря Лионскому ритуалу и Ренье Саккони, но также и оттого, что они в чем-то напоминают, как очень точно подметил Жан Гиро, ритуалы ранней церкви. Кроме отказа от крещения и креста (что, кстати, известно лишь из одного, и то сомнительного источника), в них не содержится ничего, что могло бы оскорбить католика. Несомненно, что одни и те же слова интерпретируются иначе; безусловно, главные положения доктрины катаров глубоко отличны от католической, но важно было совсем другое. Катары составляли иную церковь, противницу и соперницу римской церкви, а катарское духовенство в силу самой строгости принятых им обязательств являлось для католического духовенства опасным конкурентом. Его следовало уничтожить любой ценой, чтобы христианство не было поколеблено, а возможно, и уничтожено. Крестовый поход родился из этого смертельного конфликта, который мог закончиться, как представляется, только полным разгромом одного из противников.

МОГУЩЕСТВО КАТАРОВ

Чтобы понять катаризм, следует обстоятельно рассмотреть то, что отличает его от прочих антиклерикальных движений, столь распространенных в средние века. Катарское движение, как мы уже говорили и как мы еще увидим, не было инициативой простого люда, оно так же организовано и почти так же широко распространено, как и само христианство: не менее четырнадцати диоцезов во Франции и в Италии, не считая Сербии, Болгарии и Византийской империи. Если порой между катарами и возникают острые споры, то они не ведут к глубокому расколу церкви, во всяком случае, во Франции. Собор в Сен-Феликс установил единство доктрины. Такие люди, как Гилабер де Кастр, тулузский епископ с 1208 по 1237 гт., а позднее его преемник на епископском престоле Бертран Марти, который прожил последние свои годы в Монсегюре, видимо, были сильными личностями, поддерживающими единство и дисциплину. По правде говоря, мы не знаем о них почти ничего, за исключением упоминаний о их почти непрерывных миссиях, которые находим в протоколах инквизиции. Они намеренно остались людьми без лица, и установить их биографии при нынешнем состоянии наших знаний невозможно. Но их деятельность, несомненно, можно сравнить с деяниями величайших апостолов.

Катарская церковь, даже если она и была иноземной по происхождению, глубоко укоренилась в Окситании, отчего все катарские церемонии

носят окситанские названия; ритуал тоже совершался на диалекте, за исключением некоторых латинских формул. В силу этого катарская церковь стояла много ближе к народу, чем католическая с ее мощной римской централизацией. Безусловно, именно это снискало ей симпатию, которая накануне крестового похода была, похоже, почти всеобщей. Раймон V, отец Раймона VI, добрый католик, не ощущает в себе достаточно сил, чтобы восстановить в своих владениях католическую веру. Он взывает к папе и французскому королю. Святой Бернар — быть может, с некоторыми ораторскими преувеличениями — возглашает, что с середины XII в. церкви почти полностью опустели, а духовенство повсюду презирают. Катары осмеливаются открыто провозглашать свою веру и публично отправлять свой культ. На многочисленных диспутах они спорят с католическими монахами в присутствии многочисленной публики, в том числе многих сеньоров и дам, а также простого люда различного звания. Таким был, например, знаменитый Ломберский собор 1165 г., собравший во круг графини Тулузской¹ много епископов и аббатов. Как правило, катары доказывают свою ортодоксальность, верность истинному учению Христа и обычаям ранней церкви. Если им и не удастся убедить всех, а их теологические построения порой наталкиваются на определенное недоверие, зато большинство признает за ними явную святость жизни. В Евангелии написано, что древо распознается по плодам своим. Для католической церкви сравнение с этой точки зрения губительно. Тщетно

¹ Графиня Тулузская — Констанция Французская.

пытается она бросить тень на нравы Добрых Людей — почти все свидетельства звучат в их пользу¹. Их можно было только упрекнуть в излишней снисходительности к простым верующим, но это отнюдь не делало их церковь менее привлекательной.

Конечно, трудно составить точное представление о широте распространения катаризма в Окситании. Но вот что писал об этом граф Тулузский Раймон V: «Она (ересь) проникла повсюду, она посеяла раздоры во всех семьях, разделив мужа и жену, сына и отца, невестку и свекровь. Сами священники поддались заразе, церкви опустели и разрушаются. Что до меня, то я делаю все возможное, дабы остановить сей бич, но чувствую, что моих сил недостаточно для выполнения этой задачи. Самые знатные люди моей земли поддались пороку. Толпа последовала их примеру, и ныне я не осмеливаюсь и не могу подавить зло». Эта жалоба подкрепляется свидетельствами, собранными позднее инквизицией о положении католицизма на Юге в первые годы XIII века непосредственно перед крестовым походом. Излишне перечислять все местности, где культ катаров отправлялся публично. Центром была Тулуза, оставшаяся легатов, посланных в 1178 г. папой Александром III² по тревожному призыву Раймона V. Раймон дю Фога, принадлежавший к одной из самых знатных семей города и ставший позднее епископом Тулузским, писал, вспоминая эти первые годы столетия: «Ко-

¹ Проповедь изначальной греховности этого мира и неизбежности греха в некоторых манихейских и богомильских сектах обобщалась крайней разнуданностью нравов.

² Александр III (Роландо Бандинелли) — папа римский (1159–1181).

нечно же, исполненное божественной премудрости Провидение, которое всегда вмешивается вовремя, специально направило в Тулузу своего слугу, блаженного Доминика, и тем заложило основы славного ордена доминиканцев; ибо этот город и почти весь край были тогда столь всецело и прискорбно отравлены ядом ереси, что, казалось, церковь Христова должна была отступить от сих мест, а католическая вера погибнуть, задушенная колючим кустарником и шипами порочных учений». В таком городе, как, например, Капельнодари, катары даже, похоже, совместно с католиками пользовались главной церковью, как еще бывает в некоторых местностях Швейцарии и Германии, где население разделено на католиков и протестантов. В Лораке, бывшей столице Лораге, можно было наблюдать, как катары и вальденсы устраивают на площади публичный диспут. В Фанжо *consolamentum* родной сестры графа де Фуа, знаменитой Эскармонды¹, привлек всю знать области. То же самое происходило в Монреале и Мирпуа, в краю Сессака и в Кабарде, равно как и в окрестностях города Лавор, который, видимо, всегда был катарским. Если же какой-либо город, как Нарбонн, оставался верен католичеству, он сталкивался с враждебностью всех соседних местностей. Это касалось и Монпелье, а вот Авиньон оказался в руках катаров.

Ересь больше всего затронула такие социальные слои, как средняя и мелкая знать, городской патрициат и некоторые ремесленные корпорации, например, ткачей. В общем, можно сказать, что

¹ Эскармонда — сестра Раймона-Роже (1188–1223), дочь Бернара де Фуа.

почти все мыслящее население в этой части Юга было завоевано катарами, и, как мы видели, довольно часто им симпатизировали даже клирики, монахи и кюре. Кое-кто из духовенства и в самом деле фигурирует в протоколах инквизиции в числе лиц, присутствующих при обряде *consolamentum*. Бланка де Лорак, мать знаменитой Гироды де Лавор и Эмери де Монреалья, бабка сеньора де Ниора, держала со своей дочерью Мабиллией¹ дом для женщин-катарок. Она принадлежала к одной из самых могущественных феодальных фамилий Юга, и на ее примере мы можем представить, сколько горячих сторонников среди этой части общества получили катары. Но и самые знатные сеньоры, настоящие суверены края — Раймон VI Тулузский, наследовавший отцу в 1194 г., Раймон-Роже², виконт Безье и Каркассона, и граф де Фуа — открыто выражали свои симпатии катарам.

Вряд ли сами они были еретиками. Папа Иннокентий III, натравливая на графа Тулузского Филиппа Августа, повелел тем не менее принять во внимание, что факт ереси Раймона VI достоверно не установлен. Сам граф всегда твердо уверял в своей приверженности католической вере, а изучение его публичных актов не позволяет составить себе ясного представления о его истинных настроениях. Он беззастенчиво грабит епархии и аббатства. Он заявляет Пьеру де Кастельно, что мог бы запросто привести к нему катарских пастырей, которые легко одержат над ним верх. Но одновременно он щедро одаривает другие аб-

¹ Об их гибели см. с. 140.

² Раймон-Роже Транкавель (1171–1209) — сын Рожера II и Аделаиды Тулузской.

батства и, по-видимому, собирается принять смерть в католической вере, хотя в церковном погребении ему впоследствии отказали. Мы имеем дело с человеком непостоянным и легкомысленным, вполне способным несколько раз за свою жизнь поменять религиозные убеждения. Но также думается — и в этом его главная заслуга — что он, как и его народ, был искренне терпимым. Раймону VI нравились диспуты между католическими монахами и катарскими пастырями, а сам он, несомненно, имел устоявшуюся точку зрения на эти сложные вопросы. Что касается политики, возможно, Раймон VI не без удовольствия наблюдал за временным триумфом катарской церкви. Она устраивала его в той мере, в какой имела облик церкви национальной, оставаясь при этом намного слабее своей соперницы в материальном отношении и позволяя светским сеньорам захватывать огромные церковные владения. Никто из его предшественников не был таким могущественным, как он в первой половине своего правления. Он подошел ближе, чем кто-либо, к превращению Тулузы в настоящую столицу, и разве не ощутила бы она себя еще увереннее, будь она одновременно и центром религии, независимой от Рима и отличной от религии остальной части христианского мира? Чтобы достичь этой цели, Раймону VI надо было лишь пустить события на самотек. Его поддержали бы знать и тулузский патрициат; встретил бы он сочувствие и Раймона-Роже Транкавельского, своего давнего соперника, и Раймона-Роже де Фуа, избежав таким образом двойной опасности, угрожающей ему со стороны французского и арагонского домов. Так как Педро II Арагонский был тесно связан со Святым престолом, не следует

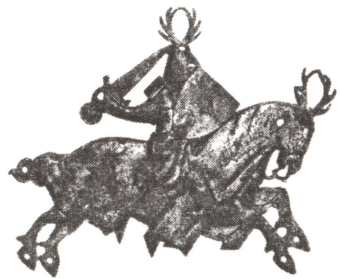
принимать его запоздалое вмешательство в защиту южан за проявление какой бы то ни было симпатии к катарам.

Впрочем, нет никакой уверенности, что Раймон VI когда-либо вынашивал великие планы южной независимости, основанной на иной вере. Однако достаточно было приписать графу Тулузскому подобный замысел, чтобы навлечь на него уничтожившую его бурю. Впрочем, хотя катары и были исполнены апостольского рвения и имели очень сильную и дисциплинированную церковную организацию, их главной слабостью — слабостью, к слову, благородной — было строгое запрещение всякого применения силы. Один из основных пунктов их доктрины — непротивление, и если верить свидетельству их злейших врагов, катары никогда не призывали своих последователей к насилию над противниками. Конечно, случалось, что наемники графа де Фуа или графа Тулузского, люди, не признающие ни веры, ни закона, грабили аббатства и епархии, а в церквях совершали святотатственные поступки, но никогда никто не слышал, чтобы катарские пастыри одобряли подобные насилия, а тем более подстрекали к ним. Напротив, думается, они не признавали иного средства, кроме убеждения, что как раз и предполагало поддержание атмосферы терпимости, характерной тогда для Юга. Потому-то им были даже гораздо более выгодны увертки Раймона Тулузского, чем его ясная и твердая позиция. Катары требовали лишь свободы проповеди и культа, которые были им обеспечены в большей части стран Юга. Они никогда не были одержимы воинственным пылом, подобно чешским гуситам или лютеранам. В этом и заключалась, как я полагаю, слабость, уничтожившая их

и погубившая вместе с ними возможную независимость Юга. Не то чтобы эти два явления были непременно связаны друг с другом. Но, хотя доктрина кротости и отрешенности от мира отозвалась таким эхом по всей стране даже в кругах знати, ремеслом которой была война, не было ли само дело изначально проигрышным в эпоху, когда все конфликты в конечном счете разрешались силой? Тогда сама церковь не испытывала угрызений совести, прибегая к насилию для укрепления своей пошатнувшейся власти. Отрицание насилия предполагает, что соперник руководствуется тем же принципом. Быть может, катары потеряли мир лишь потому, что уж слишком сильно его презирали. Но, погибая, они увлекли за собой всю страну, так им доверявшую.

Глава III

ЗАВОЕВАНИЕ

Часть первая

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И ПОБЕДЫ СИМОНА ДЕ МОНФОРА

ИННОКЕНТИЙ III, СВЯТОЙ ДОМИНИК И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1198–1208)

8 января 1198 г. умер папа Целестин III¹, и в тот же день кардиналы избрали его преемником Лотарио ди Конти, из графов Сеньи, принявшего имя Иннокентия III. Он был еще молод, только

¹ Целестин II (Джачинто Бобоне) — папа римский (1191–1198).

тридцати семи лет. Лотарио ди Конти учился в Парижском университете, где изучал теологию у учеников Гуго Сен-Викторского, и позднее он осыплет привилегиями этот университет, истинным основателем которого наряду с Филиппом Августом его считали. Но еще он посещал в Болонье, тогдашней столице римского и канонического права, лекции знаменитого канониста Угуччоне Пизанского. Оттуда он и вынес высокую идею папской власти, которую он возносил в течение своего понтификата и выразил уже в первых актах. Например, для проповеди, произносимой папой в день посвящения, он избрал следующую фразу из Иеремии: «Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать» (Ие. 1:10).

Мы собираемся рассмотреть здесь не всю политику Иннокентия III, а лишь его акции против южнофранцузских катаров. Однако обе темы тесно связаны. Если и существовал в средние века папа, реализовавший великую идею «христианской республики», состоящей из различных государств, более или менее независимых друг от друга, но подчиненных высшей власти римского понтифика, то им был Иннокентий III. Ясно, что этой республике никто в мире не угрожал так явно, как катары. Поэтому папа с первых дней своего понтификата увеличил число миссий в окситанские страны. Справедливости ради надо признать, что он колебался десять лет, прежде чем прибегнуть к силе, и решился на это лишь в тот день, когда почувствовал, что убийством его легата Пьера де Кастельно (15 января 1208 г.) брошен вызов прямо ему в лицо.

История десяти лет миссий, предшествующих крестовому походу, — это история непрерывных неудач. Папа с первого же дня понял, что прелаты Юга не слишком ревностны, чересчур тесно связаны с местной знатью и чрезмерно озабочены мирскими интересами, чтобы трудиться над возрождением веры, которое вернет в лоно римской церкви народы Юга. Наконец он поручил миссию со статусом легатов и очень широкими полномочиями монахам цистерцианского ордена, которые чаще всего сами были уроженцами Юга. Но легаты окружали себя королевской роскошью, которая в их сознании оправдывалась, возможно, необходимостью произвести впечатление на простой народ. Церковь кичилась своей властью, чтобы деморализовать противников и укрепить колеблющихся. Но подобное поведение повлекло еще больший град обвинений со стороны катаров. Тогда в 1206 г. появился Доминик де Гусман¹, каноник Осма, со своим епископом Диего. Они посоветовали легатам ходить без всякой роскоши по дорогам и проповедовать так же, как и катарские пастыри. И тут же сами последовали собственному совету. Так возник нищенствующий орден Братьев-проповедников, которому вскоре и было доверено проповедование, а позднее инквизиция.

¹ Доминик де Гусман (1170–1221) окончил Валенсийский университет, с 1194 г. — приор капитула в Осме, миссионер среди мусульман. Во Франции — с 1204 г. Создал общину проповедников, которая в 1215 г. преобразована в монашеский орден. На Латеранском соборе им было запрещено создавать собственный устав, и они взяли августинский. В 1220 г. доминиканцы отказались от владения собственностью. Папа Гонорий III сделал эмблемой ордена собаку с горящим факелом в зубах, откуда еще одно название — «псы Господни» (*domini canes*).

Однако, кажется, св. Доминик преуспел не больше, чем цистерцианцы. Несомненно, ему удалось привлечь в лоно церкви некоторых девушек, для которых он основал монастырь в Преи, близ Фанжо, катарской цитадели. Бесспорно, он иногда торжествовал в ученых спорах. Однако, находя отклик в умах, они оставляли безучастными сердца. Тем не менее несправедливо обвинять Доминика и его сотоварищей в менее строгом образе жизни, чем у Добрых Людей. Нельзя отказать ему и в смелости. Без сопровождения, с одним товарищем, он шел дорогами Лораге, где полностью преобладали катары. И если он избежал поругания, то лишь потому, что катары испытывали отвращение к ставшему привычным насилию, а люди, наверное, были им признательны, видя здесь признак святости их миссии. Но за босыми ногами и безоружными руками доминиканцев стояла гигантская власть римской церкви, а катары располагали лишь всеобщими симпатиями да более или менее благожелательным нейтралитетом светских властей. Южанам не надо было обладать даром предвидения, чтобы узнать: никто не может бросить вызов римской церкви безнаказанно. И они довольствовались зрелищем вызывающего обращения графа Тулузского с папскими легатами, в том числе самым властным из них, Пьером де Кастельно. Некогда магелонский каноник, затем цистерцианский монах в Фонфруаде близ Нарбонна, он обрушил без колебаний на самого могущественного сеньора страны отлучение от церкви.

Раймон VI попытался выйти из затруднительного положения, обещая все, о чем его просили, и не выполняя обещаний. Тщетно требовали от него преследования катаров и евреев — он отка-

звался от этого с таким упорством, что папа, наконец, ему написал: «Ты создан не из железа, твое тело подобно телам других людей; тебя может настигнуть лихорадка, поразить проказа или паралич, ты можешь стать одержимым, захворать неизлечимыми болезнями. Божественное могущество способно даже превратить тебя в животное, как вавилонского царя¹. И что же? Прославленный арагонский король² и все остальные знатные сеньоры, твои соседи, присягнули на повиновение папским легатам, и один ты отверг их и стремишься к наживе на войне, подобно ворону, питающемуся падалью. Тебе не совестно нарушать клятву, обязывающую тебя изгнать еретиков из твоего фьефа? И когда наш легат упрекнул тебя в укрывательстве, ты осмелился ответить ему, что легко предоставишь такого ересиарха, такого катарского епископа, который докажет превосходство своей веры над католической». Это доказывает то, что публичные диспуты между католиками и катарами не всегда принимали для последних неблагоприятный оборот, как пытаются нас убедить католические источники. Историю всегда пишут победители, заметил Симон Вейль³.

Впрочем, чем же обычно оборачивались подобные диспуты об исключительно тонких вопросах,

¹ Согласно Ветхому завету (Дан. 4:20–34), ассирийский царь Навуходоносор сошел с ума и несколько лет ходил на четвереньках и питался травой, как жвачное животное.

² Педро II Арагонский.

³ Вейль, Симона (1909–1943) — французский философ. Была близка к троцкистам и анархо-синдикалистам, потом обратилась к католицизму, но без формального крещения. С 1940 г. печатается в Марселе в «Кайе дю Сюд», выступая по разным вопросам, в том числе и о катаризме. С 1942 г. в эмиграции в США, затем в Англии.

если учесть изворотливость и красноречие катарских ученых, не уступавших своим католическим противникам? Эти вопросы, правда, не ставились, но подразумевались. Спор вели, обрушивая друг на друга тексты из Писания, которые каждый толковал по-своему с большим или меньшим искусством. Самым серьезным в катарской доктрине было отрицание Воплощения Христа, основы католического вероисповедания. Если не было подлинного Воплощения, то разве не остался сей видимый мир целиком погруженным во мрак и грех?¹ Потому-то подлинная церковь не может иметь части в этом мире. Догмат о Воплощении, напротив, оправдывает присутствие в мире католической церкви. Но эти вещи скорее подразумевались, чем открыто говорились обеими сторонами, и слушатели длинных дискуссий могли только угадывать, в чем было дело.

Если столько южан симпатизировали катарам, то бесспорно потому, что они предпочитали верить в существование светлого мира, полностью отличного от этого. Такой выбор избавлял их от другого, сиюминутного и тягостного. Например, катары беспрестанно повторяли евангельские слова «Не судите», что избавляло их от порицаний посторонних или осуждения самих себя. В конце концов, худшее в этом мире — не его внутренняя порочность, а его разнородность, смешанность: здесь души, порождение света, заключены в тела из

¹ О Спасении говорится в Символе веры, что Христос «нас ради людей сошел с небес и воплотился от Духа Святого и Марии Девы, и вочеловечился». Так как катары отрицали, что Бог-Слово стал плотью, т. е. человеком, они отрицали и спасение всего человечества вольной жертвой Христа.

глины. Итак, в мире нет добрых и злых, и представлять манихейство как деление на хороших и дурных — это насмехаться над ним. Все добры, если иметь в виду души; все дурны в той мере, в какой эти души являются пленниками злых сил. Те, что освободились, как Добрые Люди, — полностью добры. Вот почему незачем молиться за мертвых или чтить их могилы — в любом случае их души переселились, то ли вдохнув жизнь в другое тело, то ли воссоединившись навечно со своим телом из света. Так что никакого культа реликвий, никаких паломничеств, ничего подобного...

Те, кто жил с такими убеждениями или в какой-то степени разделял их, больше не имели ничего общего с католиками не только в мыслях, но и в повседневном поведении, сознательно ставя себя вне христианского мира. Можно ли было допустить подобную обособленность, никак не прореагировав? Это означало бы игнорировать очевидные явления эпохи. Скорее удивляет поведение Раймона VI, полагавшего, что он сможет долго хитрить с папством и его представителями. В самом деле, несмотря на различие языков и разнообразие христианского мира, несмотря на периодическое сопротивление власти имущих, общность веры и всеобщее выполнение одних и тех же обрядов создавало подлинное единство всех его членов.

Можно пересечь из конца в конец весь христианский мир, от испанских королевств, воюющих с исламом, до далекой Дании, настолько похожей на язычников-куманов, что святой Доминик одно время даже собирался ее крестить, — повсюду одни и те же алтари, одна и та же месса, совершаемая на латинском языке одними и теми же

священниками. Они могли быть в разной степени добродетельными или образованными, не суть важно: их объединяли одинаковая вера и повиновение. Если же инакомыслие и существовало, оно держалось в строжайшем секрете или проявлялось в отчаянных мятежах. В любом случае инакомыслящие были отторгнуты от целостного общества. Только евреи в своих гетто имели право на иную религию, но при условии существования внутри христианского мира как инородное сословие. Впрочем, они и отделялись, подобно маслу от воды. Если же они вырывались из своих резерваций, активно сливаясь с христианами, то тут же вмешивались религиозные власти. Так, мы видим среди требований, предъявленных церковью графу Тулузскому, наряду с изгнанием еретиков лишение евреев общественных должностей.

Понятно, что в этих условиях Иннокентий III, исчерпав все прочие средства, мог подумывать о крестовом походе против катаров, само существование которых угрожало единству христианского мира. Ведь что такое крестовый поход? Прежде всего — коллективная акция всего христианства. Несмотря на разноликость христианских народов, даже несмотря на очень часто разъединяющие их конфликты, их связывают, наглядно свидетельствуя об их единстве, общие институты. В их числе великие церковные ордена, преобразованные кляузниками и цистерцианцами. Они везде представляют воинство Святого престола, неподвластное в силу своих привилегий юрисдикции местных епископов. Их разбросанные повсюду аббатства — одновременно приюты на пути известных паломничеств, непрерывно текущих из одного конца христианского мира в другой. Таково паломничество

в Компостеллу — «дорога святого Иакова», начертанная даже на небесах в виде Млечного Пути; паломничество в Рим, от названия которого происходят имена Ромео и Румео, столь популярные у христиан; наконец, паломничество в Иерусалим, к Гробу Господню, самое долгое и опасное из всех, поскольку христиане доходят до самих языческих земель. Паломничества могут налагаться как епитимия во искупление грехов, паломничеством можно стяжать и их отпущение. Церковь располагает огромной духовной сокровищницей, куда при определенных условиях допускаются верующие. Благодаря Христу и святым у церкви есть право черпать оттуда полными пригоршнями, сокращая муки Чистилища или даже уничтожая их полностью. Такую власть имеют ключи, которые получил от святого Петра папа через череду своих предшественников. Крестовый поход — это вооруженное паломничество.

Его главная и первейшая цель — не обращение язычников. Его предпринимают, чтобы завоевать земли, включить в христианский домен страны Гроба Господня. Одновременно можно также отразить наступление турок-сельджуков, представляющих опасную угрозу для Византийской империи, восточного оплота христианства. Эта идея возникла у Григория VII¹ на другой день после разгрома византийских войск при Манцикерте². Первый крестовый поход — общее предприятие всех хрис-

¹ Григорий VII умер в 1085 г. Крестовый поход был предпринят по инициативе Урбана II (1088–1099).

² *Битва при Манцикерте* (1071) — поражение, которое византийские войска под командованием императора Романа IV Диогена потерпели от турок-сельджуков. Открыло последним дорогу на территории Византийской империи.

тиан. Это война с исламом, попытка отделить фатимидский Египет от сельджукской империи. Здесь сталкиваются, как мы видим, самые разные побуждения. Политика смешана в нем с верой, и рыцари в крестовом походе обретают одновременно духовные блага и светские бенефиции. Подобная смесь характерна для такой сложной реалии, какой является христианство само по себе. Это не то же, что церковь, сообщество чисто духовное, это еще и совокупность светских властей, раздираемых ссорами и войнами. Это определенная целостность. Но в понтификат Иннокентия III четвертый крестовый поход отклоняется против воли папы от своей цели¹, а в части христианского мира дерзко поднимается антицерковь.

Убийство Пьера де Кастельно стало лишь последней каплей, переполнившей чашу. Поскольку предупреждения не производили большого впечатления, а церковь на Юге не могла рассчитывать на содействие светских властей, следовало изыскать средство принуждения последних. Это означало прибегнуть к силе, то есть к крестовому походу.

Современных исследователей удивляет необычный характер этого похода, обращенного не против языческих стран и их правителей, а против христианских земель и христианских государей, хотя и отлученных от церкви. Но людей того времени, кажется, мало поражала столь существенная в наших глазах разница. По представлениям той эпохи, для церкви естественно прибегать к мирской

¹ Имеется в виду захват в 1203 г. города Зары (Задара), принадлежавшего венгерскому королю Беле IV, врагу Венеции, и захват Константинополя в 1204 г. За этим последовало создание Латинской империи на землях Византии.

силе, чтобы она помогла восстановить веру там, где та под угрозой и где законные светские власти отказываются исполнять свой долг. Случалось и так, что сами власти, вконец обессиленные, призывали на помощь настоящий крестовый поход. Так поступил, помнится, тридцатью годами ранее отец Раймона VI, Раймон V¹. Современные историки не так уж и неправы, потому что позднее церковь очень дорого заплатила за поддержку, полученную у светских властей. Крестовый поход Иннокентия III не вносил ничего нового в дела подобного рода. Со времени превращения Римской империи в христианскую установилось неразрывное единство между светской и духовной властью; крестовый поход против альбигойцев — лишь крайность, но отнюдь не новшество.

Можно, конечно, упрекать церковь за то, что она пошла на такой тесный союз с государством, не разглядев, что он противоречит самой сущности христианской веры, являясь средством, к которому не прибегали со времен принятия христианства. Правда, что ни один папа не достиг такого полного подчинения государства церкви, как Иннокентий III. Он захотел руководить не только церковью, но и всем христианским миром. Однако правда и то, что, злоупотребляя своей властью (а в том положении, в тех обстоятельствах, о которых мы говорили, он мало что мог предпринять другого), Иннокентий III собственными руками готовил грядущий упадок папской власти.

Конечно, дело было деликатным, потому что, каковы бы ни были подозрения, ни граф Тулуз-

¹ Раймон V призвал на помощь своего шурина Людовика VII.

ский, ни виконт Безье и Каркассона не были избличены в ереси. Они просто продемонстрировали отсутствие доброй воли, нарушая таким образом извечно установленное, по крайней мере в области веры, согласие между духовной и светской властью. Впрочем, Раймон VI Тулузский не переставал верить в своих добрых намерениях, опираясь от причастности к убийству Пьера де Кастельно. Что же до Раймона-Роже Транкавеля, виконта Безье и Каркассона, то ему лично никогда и не предъявляли обвинения. Папа попытался для начала прибегнуть к высшей феодальной власти, то есть к французскому королю Филиппу Августу. Но тот пока еще не одержал победу при Бувине; его политический горизонт ограничивается Центральным массивом. Он не без оснований опасался, что, отправившись в рискованный и слишком удаленный от своих владений поход, развяжет руки Иоанну Безземельному, стремящемуся восстановить свое преимущество на Севере. Именно это он без обиняков объяснил папе, настойчиво указывая, что Раймон VI прямо не уличен в ереси, а кроме того, король Франции не может позволить церкви без его согласия распоряжаться в одном из самых больших фьефов королевства.

Начало XIII века хотя и является эпохой христианства, но это также и эпоха, когда права до крайности запутаны и церковная власть должна постоянно принимать во внимание существование иных законных властей. Настаивая на своем суверенитете над графством Тулузским, Филипп Август оставляет все на будущее, продолжая уклоняться от схватки в настоящий момент. Однако он не может ни отказать папе в праве проповедовать в своих землях крестовый поход, ни запретить

своим вассалам или арьервассалам участвовать в нем. Действовать иначе означало бы выступить заодно с Раймоном VI, о чем Филипп Август никогда не помышлял, так как это обернулось бы для него двойной опасностью: с одной стороны, он собственными руками помог бы своему далекому вассалу завоевать полную независимость, с другой — навлек бы на себя самые серьезные церковные санкции. Филипп Август пребывает в ожидании и бездействии, убежденный, возможно, что в конечном счете именно он пожнет плоды предприятия, не рискуя участием в нем.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1209)

И вот Арно-Амальрик¹, верховный аббат монастыря в Сито, папский легат, волен проповедовать крестовый поход на землях французского короля. Именно он станет его настоящим предводителем, не только духовным, но и светским, потому что король лично не принимает креста. Арно-Амальрик — жестокий, амбициозный, фанатичный южанин — рассчитывает извлечь из крестового похода максимум личных выгод, истребляя еретиков. К слову, это он несет главную ответственность за жестокую резню в Безье, костры в Минерве и Лаворе. Это он отказался выслушать оправдания несчастного Раймона-Роже Транкавеля, первой жертвы крестового похода, изначально направленного вовсе не против него, а против Раймона VI Тулузского. Между Тулузским домом и Транкавелями существовало давнее соперничество, не отступившее даже перед общей опасностью. Поскольку Раймон-Роже отказался объединить свои силы с войсками Раймона VI, последний неоднократно пытался выйти из положения путем изъятия покорности.

Раймон попросил друзей-прелатов защищать его дело в римской курии и добился от папы назначения еще одного легата, мэтра Милона, присо-

¹ Арно-Амальрик (ум. 1225) — сначала аббат в Повлете (Каталония), затем в цистерцианском монастыре Грансельв, папский легат с 1204 г., архиепископ Нарбоннский с 1212 г. Предводительствовал походом против мавров.

единившегося к Арно-Амальрику, который выка- зывал по отношению к графу Тулузскому непри- крытую враждебность. В Сен-Жиле, том самом городе, имя которого носил его славный предок Раймон IV, Раймон VI подвергся унижительной публичной исповеди в своих истинных или мни- мых прегрешениях. Он простер свое рвение до того, что сам принял крест и тем самым принял участие на стороне победителей в резне в Безье и во взятии Каркассона. И впрямь можно только удивляться подобному поведению, столь же бес- славному, как и, в конечном счете, бессмысленно- му. Папа писал Арно-Амальрику, обеспокоенному, как бы Раймон VI снова не вошел в милость: «Нас настойчиво спрашивают, как должны держаться крестоносцы по отношению к графу Тулузскому. Последуем совету апостола, произнесшего: “Я слу- казал и завоевал вас хитростью”. После совещания с самыми осторожными предводителями войска следует атаковать, раздробляя силы противника, поочередно тех, кто нарушил единство церкви. Не принимайтесь порицать графа, если увидите, что он не спешит броситься на защиту других. Вос- пользуйтесь мудрой сдержанностью, позвольте ему для начала самостоятельно действовать против мя- тежников. Будет гораздо труднее раздавить пособ- ников Антихриста, ежели дать им объединиться для общего отпора. Напротив, нет ничего легче, чем справиться с ними, если им на помощь не поспешит граф, и, возможно, зрелище их разгрома совершит переворот в нем самом. И ежели он продолжит упорствовать в своих дурных намере- ниях, можно будет, коль скоро он будет отрезан и останется лишь со своими силами, покончить с ним, измотав его без особых усилий».

Эта программа была выполнена точка в точку. Но мы еще к этому подойдем. Тогда же в Лионе собирается огромное войско, в то время как другое, поменьше, должно нанести удар с запада. Составить себе точное представление о силах, приведенных в движение, невозможно. Конечно, они весьма преувеличены хронистами, но для своего времени наверняка были очень внушительными, и Юг, даже объединив все свои ресурсы, не смог бы им противостоять. С другой стороны, опасность была скорее мнимой, чем реальной, потому что большая часть сеньоров Севера, принявших крест, вроде герцога Бургундского, графа Неверского и графа де Сен-Поля¹, собиралась на Юг как в феодальный сорокадневный поход, после чего они считали себя вправе возвратиться домой. Когда крепости сопротивлялись как следовало, волна захватчиков тут же отступала, заливая равнины, на которые и ложились основные тяготы войны.

Однако из-за ряда злосчастных и непредвиденных обстоятельств дело обернулось иначе. Не успело «войско веры» 22 июля 1209 г. прибыть под стены Безье, сильно укрепленной крепости, жители которой, уверенные в своем положении, отказались выдать Добрых Людей, как город был взят, а его население перебито до последнего человека. Произнес или нет Арно-Амальрик знаменитые слова, приписываемые ему позднее: «Убивайте всех, Бог признает своих!» — именно он несет ответственность за эту небывалую резню, которой, разумеется, мог бы помешать. Но он пожелал, как видно из

¹ Герцог Бургундский — Эд III (1193–1218), впоследствии принял участие в битве при Бувине. Граф де Невер — Пьер де Куртене, получил графство от Филиппа II.

этого жуткого примера, посеять ужас в стране, чтобы легче ею овладеть. Если он сам и не отдавал приказа о резне, то и не воспротивился ей, поскольку добился непосредственного результата. После этого крестоносцы не встретили никакого сопротивления между Безье и Каркассоном, где укрылся молодой виконт Раймон-Роже Транкавель, твердо решивший защищаться.

1 августа крестоносцы подошли к Каркассону. Здесь впервые вмешивается Педро II Арагонский, естественно, обеспокоенный французским нашествием на фьеф, в такой же мере зависящий от его короны, как и от короны Франции. Но Педро II — добрый католик, и он порицает Раймона-Роже за то, что тот по неосмотрительности навлек на себя такую опасность «из-за безрассудных людей и их безумных верований». Молодой виконт возлагает надежды на короля, но легат непреклонен. Он позволяет Раймону-Роже свободно покинуть город с двенадцатью рыцарями по своему выбору, но всем оставшимся жителям придется сдаться на милость победителя. Виконт с негодованием отвергает сделку, предающую его народ, и в конце концов сдастся сам, чтобы спасти жизни жителей Каркассона. Посоветовавшись, предводители крестового похода пришли к мнению, что не следует разрушать Каркассон, поскольку им нужна была надежная крепость, чтобы в дальнейшем удержать страну. Поэтому в Каркассоне 15 августа 1209 г. не было ни резни, ни грабежей: крестоносцы вступили в стены опустевшего города.

Но теперь перед легатом встал другой важный вопрос. Земли Раймона-Роже Транкавеля были согласно юридической терминологии того времени «провозглашены добычей», то есть законный вла-

делец объявлялся лишенным прав, а земли как законный трофей победителей отходили одному из них. Сначала их тщетно пытаются передать трем уже названным знатнейшим сеньорам — те отказываются, так как стремятся как можно скорее вернуться домой и не хотят взваливать на себя заботу о южном фьефе, где пока северянам принадлежат только две главных крепости и который надо еще завоевать замок за замком, во враждебной стране и с малым количеством людей. Тогда выбор пал на Симона де Монфора, сеньора Ивелина и графа Лестера¹. Поначалу он тоже отказывается и соглашается в конце концов стать виконтом Безье и Каркассона лишь при условии, что все поклянутся прийти ему на помощь, если она понадобится. Несколькими неделями спустя, 10 ноября 1209 г., Раймон-Роже умер от дизентерии в башне Каркассона, где его держали узником. Эта смерть показалась подозрительной, и сам Иннокентий III позднее в одном из своих писем говорил об убийстве.

¹ Монфор, Симон де (ум. 1225) — подробнее о нем см. ниже. Иоанн Безземельный признал за ним титул графа Лестера только в 1209 г.

СИМОН ДЕ МОНФОР

Конечно, Симон де Монфор больше всех был заинтересован в смерти законного сеньора, и он это ясно показал, выставив «его тело взорам жителей страны, дабы пришли они его оплакать и почтить память. Тогда вы бы услышали горестные стенания народа. Граф велел похоронить его с большой процессией. Да позаботится Бог о его душе, ежели смируется над ней; ибо это было великое горе». Так пишет Гийом де Тюдель, автор первой части «Песни о крестовом походе», благосклонно настроенный к крестоносцам, хотя он и южанин. Однако мне кажется, что несправедливо чернить этим обвинением память Симона де Монфора, виновного, конечно, во множестве преступлений, однако иного рода.

Он был фигурой достаточно внушительной, чтобы по прошествию стольких веков не попытаться воздать ему должное. Не смея равняться ни по происхождению, ни по размерам своего фьефа с герцогом Бургундским, графом Неверским или графом де Сен-Полем, сеньор Ивелина тем не менее отнюдь не был незначительным лицом, и церковь правильно избрала человека, который мог защитить ее дело в самых трудных обстоятельствах. Он вырос между Иль-де-Франсом и Нормандией, в пограничном крае, разделявшем соперничавшие династии Капетингов и Плантагенетов. По матери, Амисе, графине Лестер, принадлежащей к знаменитому роду Бомон, он был англо-нормандцем. Из его рода по отцу происходила знаменитая

королева Бертрада¹, которая после брака с Фульком IV Мрачным, графом Анжуйским, вышла замуж за французского короля Филиппа I². Теперь она покоилась подле Монфора л'Амори в Фонтевро, в приорстве От-Брюйер, где провела монахиней последние годы жизни. Приорство От-Брюйер стало для Монфоров тем, чем было Сен-Дени для Капетингов или Фонтевро для Плантагенетов. Именно здесь после своей гибели упокоится и тело Симона.

Симон де Монфор принимал участие в четвертом крестовом походе. Когда поход начал отклоняться по вине венецианцев от своей первоначальной цели, он с некоторыми другими крестоносцами отказался участвовать в осаде христианского города Задара³ и отправился воевать на собственные средства в Святую землю. Оттуда он быстро вернулся, узнав о проповеди крестового похода против альбигойцев. Когда Симона де Монфора попросили заново принять крест, он, прежде чем решиться, открыл наугад Библию и попал на сле-

¹ *Бертрада де Монфор* (ум. ок. 1117 г.) — дочь Симона-Амори де Монфора. В 1089 г. вторым браком вышла за графа Фулька Анжуйского, но в 1092 г. развелась и стала женой короля Филиппа I, тоже только что разведшегося со второй женой. Папа римский, не признавший обоих разводов, в 1104 г. наложил на Францию интердикт, и супруги формально расстались, но Бертрада продолжала носить титул королевы. После смерти короля вернулась к Фульку, которого также пережила.

² *Филипп I* (1052–1108) — сын Генриха I и Анны Ярославны Русской.

³ Венецианцы должны были перевезти крестоносцев в Святую землю, но тянули время до тех пор, пока те не прожились, и предложили им в уплату захватить для них Задар. Так как сам Бела IV уже объявил себя крестоносцем, папа чуть не отлучил рыцарей от церкви. Поход и после этого не вернулся к первоначальной цели — рыцари решили принять участие в борьбе за власть в Константинополе, а в результате захватили столицу Византийской империи и создали свою Латинскую империю.

дующую строфу: «Ибо приказал Он своим ангелам охранять тебя» (Пс. 90(91):11). Вслед за этим Симон принял крест и оказался одним из тех, кто никогда не отступает. Верный слуга церкви, что он доказал и под стенами Задара, он полностью проявил себя как великий полководец и ловкий политик. Ведь Симон де Монфор очутился на землях с неопределенной ленной зависимостью, так как виконтство Безье и Каркассона прямо зависело от арагонской короны и косвенно от короны французской. Там приходилось держаться осмотрительно, к чему Монфоры, лавировавшие между Капетингами и Плантагенетами, уже привыкли.

Не без трудностей Симон де Монфор получил инвеституру от Педро II Арагонского, разрывавшегося между своей приверженностью церкви и нежеланием признать вассалом северянина, через которого французский король мог решительно утвердить свой сюзеренитет над землями к югу от Центрального массива. Когда осенью 1209 г. большая часть крестоносцев вернулась домой, Симон де Монфор оказался в одиночестве во враждебной стране, с небольшой горсткой людей такой же закалки и несколькими плохими крепостями, из которых единственно надежной был лишь Каркассон. Никакой твердой поддержки, кроме церкви в лице легата Арно-Амальрика, у него не было. Кроме того, было необходимо, чтобы на епископских престолах Юга сидели люди надежные. Во главе Тулузского диоцеза уже стоял Фульк Марсельский, некогда известный как трубадур под именем Фолькета¹. Когда-то он воспевал любовь и дам, потом обратился к вере, постригся в цистер-

¹ Фолькет (Фульк) Марсельский (ум. 1231) — сын марсельского кушца, известный трубадур. Постригся ок. 1200 г.

цианском монастыре Торонет в Провансе, где и сделался аббатом. Он станет беспощадным врагом Раймона VI и верной опорой Симону де Монфору. Аббат из Во-де-Сернея, сосед и близкий друг Симона де Монфора, был назначен епископом Каркассонским. Это его брат, Петр из Во-де-Сернея¹, написал под названием «*Historia albigensis*» («Альбигойская история») хронику крестового похода, ставшую от начала и до конца панегириком Симону де Монфору. Да, Симону де Монфору требовалась твердая и постоянная поддержка церкви, чтобы успешно нести почти непосильное бремя.

И впрямь, население Юга, поначалу потрясенное резней в Безье, вскоре пришло в себя, осознав реальную слабость победителей. Граф Тулузский ведет переговоры с Римом, не теряя надежды на торжество своего права. Меняется поведение графа де Фуа, Раймона-Роже, сникшего было под ураганом, и отныне у Симона де Монфора не будет более опасного противника. Да и горные крепости на Юге — Минерв, Кабаре и Сессак в Кабардэ, Терм в Корбьерах — все еще держатся. Симон де Монфор занимает, и то непрочно, только равнину. Положение этого потомка англо-нормандских Бомонов очень походит на ситуацию, в которой оказались соратники Вильгельма Завоевателя на следующий день после битвы при Гастингсе². Они

¹ Петр и его брат Ги из Во-де-Сернея — родные братья, монахи-цистерцианцы. Выступили против захвата Задара и уехали в Венгрию вместе с Симоном де Монфором. Петр — хронист, Ги стал епископом.

² Вильгельм Завоеватель (Незаконнорожденный) — сын герцога Нормандского Роберта Дьявола. По завещанию своего родственника Эдуарда Английского потребовал корону у Гарольда II, избранного английской знатью. Разбил его в битве при Гастингсе (1066) и стал английским королем.

были тоже победителями и тоже опирались на церковь, но повсюду наталкивались на сопротивление местного населения. Почему бы не осуществить на Юге то, что в итоге совершили норманны в Англии, Робер Гискар в королевстве Обеих Сицилий¹ и участники первого крестового похода в Палестине?

Если мы хотим понять Симона де Монфора, то нам надо воскресить в памяти эти прецеденты, известные ему, конечно, больше, чем кому-либо другому; следует разглядеть в нем человека того же склада характера, что и Робер Гискар, Вильгельм Незаконнорожденный или Балдуин Иерусалимский². Пока же он отсылает своего верного соратника Робера Мовуазена³ договориться с Римом и заручиться полной поддержкой Святого престола. Затем с помощью жены, Алисы Монморанси, собирает новые войска на Севере и с этими силами весной 1210 г. переходит в наступление. Извечная вражда между жителями Нарбонна и Минерва позволяет Симону де Монфору в июле принудить последний к капитуляции. Крестоносному войску представляется возможность сжечь в порыве энтузиазма укрывшихся в крепости восемьдесят Добрых

¹ Робер Гискар (*Хитроумный*) (ум. 1085), родом из Нормандии, вместе со своими братьями отвоевал у Византии Южную Италию. Поддерживал папу Григория VII в борьбе с императором Генрихом IV, за что был сделан герцогом Апулии и Калабрии. Ему наследовал брат Рожер, ставший первым королем Сицилии и Неаполя. Его сын Боэмунд Тарентский стал герцогом Антиохийским.

² Балдуин Бульонский (ум. 1081) — один из предводителей первого крестового похода. Наследовал своему брату Готфриду, первому иерусалимскому правителю.

³ Робер Мовуазен — соратник Монфора по четвертому крестовому походу, уехал вместе с ним из-под Задара.

Людей, мужчин и женщин. Это не первый и не последний из тех ужасных костров, у которых не знаешь, восхищаться ли героизмом мучеников или поражаться жестокому веселью католиков. Но они и в самом деле верили, что очищают землю от настоящей дьявольской чумы. Ведь именно ради этого приняли они крест, и даже сами костры в их глазах узаконили поход, исполненный опасности, но также и надежды на весьма весомые выгоды.

Потом был донжон Кабаре, сдавшийся без боя, и неприступная крепость Терм, захваченная осенью 1210 г. только после трехмесячной осады. В мае 1211 г., отдохнув за зиму, Симон де Монфор овладел Лавором, обороняемым Эмери де Монреалем, братом Гироды, сеньоры города. По этому случаю четыреста Добрых Людей было сожжено, восемьдесят рыцарей повешено, в их числе и сам Эмери де Монреаль, а сеньору Лавора живой бросили в колодец, завалив его огромными камнями. Они были детьми Бланки де Лорак, основавшей, как мы знаем, монастырь для женщин-катарок. В июне после взятия Ле-Кассе, крепости в Лораге, сожгли еще шестьдесят Добрых Людей. Таким образом, конфликт приобретал непримиримый характер религиозной войны, к которой добавлялась война национальная: Юг начал ощущать, что его независимость оказалась целиком и полностью под угрозой из-за нашествия французов с Севера.

Теперь-то графу Тулузскому никак нельзя было уклониться от сражения, и он делает все возможное и невозможное, чтобы принять в нем участие. Но мы видим, как в начале 1211 г. ему навязывают в Монпелье совершенно неприемлемые условия.

Даже в собственной столице ему угрожает епископ Фульк, который создал против катаров братство, названное белым. Эти люди пришли из Тулузы на помощь осаждающим Лавор, невзирая на запрещение графа. Зависимый от Тулузы город Ле-Кассе стал добычей Симона де Монфора. На сторону врага перешел собственный брат графа, и 17 апреля 1211 г. сам Раймон был торжественно отлучен папой от церкви, а его земли провозглашены добычей, как недавно земли Раймона-Роже Транкавеля.

Раймон VI не может больше уклоняться. Он созывает всех своих вассалов, в том числе графов де Фуа и де Комменж¹, и переходит в наступление против Симона де Монфора, неосмотрительно двинувшегося на осаду Тулузы. Тому придется не только снять осаду, но вскоре и запереться в Кастельнодари, слабейшей из своих крепостей, — противник намного превосходит его в численности. За время осады он проявит себя прекрасным воином, сумевшим завершить победой проигранную вначале битву с графом де Фуа при Сен-Мартен-ла-Ланд. Осаждавшим пришлось в конце концов отступить, но они все же сумеют превратить свое поражение в глазах народа в победу, и большая часть замков, сдавшихся Симону де Монфору, открывают ворота графу Тулузскому. Так завоевание возобновлялось до бесконечности, прямо как работа Пенелопы.

В 1212 г. Симон де Монфор получил новые подкрепления, которые позволили ему двинуться ниже Тулузы по течению Гаронны, в область, до

¹ Комменж — Бертран IV.

сих пор недоступную. Он овладел Пенн д'Ажене, лучшей крепостью страны, Мармандом и Муассакком. Если Тулуза еще сопротивлялась, то большая часть страны уже покорилась ему, и он делит ее на фьефы между служащими ему французскими баронами. Осенью 1212 г. он уже может собрать Ассизы в Памье, чтобы законным образом утвердить свою власть. Этот документ, Статуты Памье, особенный — он напоминает аналогичные акты в норманнской Англии, в королевстве Обеих Сицилий и в латинских государствах Востока: с народом стараются помириться, обещая ему снижение налогов и более справедливую разверстку; признают и восстанавливают все привилегии церкви, поддержка которой необходима более, чем когда-либо, но Статуты не упоминают борьбу против ереси, поскольку это, в общем-то, дело церкви. Напротив, Статуты безжалостны к местной знати, почти полностью лишая ее фьефов в пользу северных баронов. Рыцари Юга отныне составляют странствующий отряд *faudits*, то есть людей вне закона, всегда готовых взяться за оружие против захватчиков, приступивших к настоящей военной оккупации. Теперь французские бароны, наделенные фьефами на Юге, обязаны службой Симону де Монфору, они участвуют во всех его военных предприятиях и принимают к себе на службу только французских рыцарей. Предприняты самые строгие меры предосторожности, чтобы, объединившись путем брачных союзов с местными родами, французы не стали бы действовать заодно с местным населением. Местная аристократия уступила место пришлой, организованной по типу оккупационной армии. Кроме того, французское обычное право заменило римское право.

ПЕДРО АРАГОНСКИЙ

Правомерно задать вопрос, какими же были первоначальные цели крестового похода. Религиозная война превратилась в национальную, и, похоже, Симон де Монфор больше озабочен упрочением своей личной власти, чем истреблением ереси. Арагонский король нисколько не заблуждается на этот счет. Он ведь тоже защитник церкви и преследует еретиков в своих собственных владениях; он только что, 16 июля 1212 г., одержал при Лас-Навас-де-Толоса решительную победу над Альмохадами¹. Южане обращаются к нему как к своему последнему прибежищу, и почему бы теперь Педро II, как Симону де Монфору, не восстановить христианство на Юге? Национальных трений здесь быть не должно, так как южане ощущают себя много ближе к каталонцам, чем к французам Севера. Сведенная к религиозной войне трагедия вскоре может завершиться к вящей славе церкви и удовлетворению большей части окситанского населения.

Таковы были соображения, которые собирались высказать Иннокентию III послы арагонского короля, выбрав для этого возможно более подходящий момент. Вот что писал папа 15 января 1213 г.

¹ *Альмохады* — династия берберских правителей, основанная сыном гончара Абд-эль-Мумином. Он возглавлял широкое народное движение, направленное на возрождение исконной чистоты ислама. В 1130–1140 гг. захватили Северную Африку и Андалусию.

Симону де Монфору: «Прославленный король Арагона сообщил нам... что, не довольствуясь выстулением против еретиков, ты обратил оружие крестоносцев против католического населения; ты пролил кровь невинных и захватил земли графов де Фуа и де Комменжа и Гастона Беарнского¹, его вассалов, хотя население сих земель совершенно не подозревалось в ереси... Итак, не желая ни лишать короля его законных прав, ни отговаривать его от похвальных намерений, мы приказываем тебе возвратить ему и его вассалам все захваченные у них сеньории, дабы не стали говорить, что, удерживая их неправо, ты действуешь к своей собственной выгоде, а не ради дела веры».

Но южные прелаты в это время собрались на собор в Лаворе под председательством Арно-Амальрика. Они полностью поддержали Симона де Монфора, так как, в сущности, их интересы совпадали. Многие из них держались на своих епископских престолах той же силой, которая обобрала южных сеньоров в пользу баронов Севера. Они рассудили, что никакие завоевания веры не будут прочными, если не устранить графа Тулузского, а вместе с ним и всю знать и высшее духовенство Юга. Так же они поведут себя через два года, на четвертом Латеранском соборе. Именно там будет поставлена последняя точка в альбигойской драме. Если бы она ограничивалась только религиозным аспектом, несомненно, стало бы возможным при поддержке арагонского короля добиться исчезновения ереси, не прибегая одновременно к подавлению южного сепаратизма. Но

¹ Перечисленные сеньоры — вассалы Тулузы.

это не устраивало ни Симона де Монфора с соратниками, ни прелатов, обосновавшихся на Юге в результате крестового похода. Они убедили колебавшегося папу вежливо отказать арагонскому королю и взяли на себя инициативу серьезного конфликта с ним на Латеранском соборе.

Тем самым судьба Юга предопределилась на столетия. Надо признать, что приведенные в действие силы было совершенно неравны: исходя из численности войск, арагонский король должен был почти неминуемо взять верх. Педро II в сопровождении графа Тулузского двинулся на осаду замка Мюре, довольно слабой крепости, которую обороняли лишь тридцать рыцарей и несколько пехотинцев. Симон де Монфор находился в Фанжо. Как только он узнал, что гарнизон в Мюре осажден, он тут же отправился ему на помощь с большей частью своих сил, но проездом остановился в аббатстве Бульбон. «Помолившись долго и с великим благочестием, он взял меч, висевший на боку, — рассказывает Петр из Во-де-Сернея, — возложил его на алтарь и сказал: “О Господи, о дорогой Иисус! Ты избрал меня, недостойного, для Твоих битв, и ныне с Твоего алтаря я принимаю оружие, дабы получить от Тебя меч для сражения за Тебя”». Потом он вошел в Мюре. Он оказался в руках своих врагов. Им достаточно было его окружить, чтобы в результате принудить к капитуляции. Таково было мнение графа Тулузского.

Но Педро Арагонский, славный победитель при Лас-Навас-де-Толоса, не признавал благоразумного выжидания. Он жаждал битвы, как и Симон де Монфор. Для него это было единственное средство выйти из невыносимого положения. Наконец битва

состоялась, и Симон де Монфор одержал неожиданную победу благодаря умелой атаке с флангов, а в особенности благодаря великолепной дисциплине своих войск. Король Арагона погиб в сражении, и его смерть послужила сигналом к беспорядочному бегству. Граф Тулузский лично не принимал участия в битве, но потери среди пехоты, посланной под стены Мюре Тулузой, были огромны.

Каковы бы ни были дальнейшие перипетии борьбы, продолжавшейся еще много лет, день 12 сентября 1213 г. решил судьбу Юга. Арагон, где Педро II наследует король-ребенок¹, отныне теряет интерес к конфликту, который рискует отвлечь от исконных притязаний, целиком ориентированных на западное Средиземноморье. Раймон VI мгновенно выходит из игры и укрывается в Англии у Иоанна Безземельного, дожидаясь четвертого Латеранского собора, чтобы подать жалобу. Жители Тулузы не пожелали сдаться на милость Монфора, торжество которого казалось тогда полным. Но и это слишком много для него. Если бы после того, как его признали виконтом Безье и Каркассона, он стал бы еще и графом Тулузским, то он оказался бы одним из самых могущественных вассалов французского короля и, возможно, одним из самых беспокойных. Так что 12 сентября 1213 г. было не часом Симона де Монфора, как показалось на мгновенье, а часом Филиппа Августа. После двух побед 1214 г. при Бувине и Ла-Рош-о-Муане над Иоанном Безземельным и коалицией, образованной императором и графом Фландрским², он

¹ Яков (Хайме) I — король Арагона в 1213–1276 гг.

² Император — Оттон IV Брауншвейгский (1182–1218), император с 1208. Сын герцога Саксонского и Баварского Генриха Льва

впервые предстает самым могущественным государем христианского мира. Теперь он может перенести внимание за Центральный массив, доверив своему сыну, будущему Людовику VIII¹, лично поведи в 1215 г. королевский крестовый поход на Юг. До сих пор церковь тщетно пыталась склонить к этому короля. Поход начался, когда все уже было ясно, и вооруженное паломничество принца Людовика свидетельствовало о том, что король заинтересован в землях, составляющих часть его ленных владений.

и Матильды, сестры Иоанна Безземельного. *Граф Фландрский* — Фердинанд Португальский, в битве при Бувине попал в плен.

¹ *Людовик VIII* (1187–1226) — король с 1223 г. В 1200 г. женился на Бланке Кастильской, племяннице Иоанна Безземельного. В 1216 г., несмотря на запрет Иннокентия III, вторгся в Англию с тем, чтобы стать королем, но вынужден был отступить, проиграв английским баронам битву при Линкольне.

ЛАТЕРАНСКИЙ СОБОР (1215)

Главное событие 1215 г. — это, впрочем, не поход принца Людовика, который ограничился тем, что утвердил решения Симона де Монфора, в особенности те, что касались разрушения укреплений Тулузы. Главное событие — это Латеранский собор, собравшийся в ноябре месяце. На нем под покровительством высшей власти папы, для которого собор стал в некотором роде триумфом, собирались обсудить все важные вопросы, волнующие христианский мир. Что касается Юга, то речь шла о том, кому окончательно передать земли графа Тулузского и графа де Фуа. Оба вельможи отдали свое дело в руки церкви, и на соборе у них не было недостатка в приверженцах.

Папа колебался. Он понимал, что лишение владений Раймона VI и в особенности его сына было несправедливо. Но следовало учитывать и настроения епископов Юга, преданных Симону де Монфору и уже высказавшихся на провинциальном соборе в Монпелье за то, чтобы он «держал Тулузу и другие земли, коими владел граф». Кроме того, поход на Юг принца Людовика усилил положение Монфора, который осмелился вступить в Тулузу лишь в сопровождении представителя своего сюзерена. Правда, Арно-Амальрик, прежний предводитель похода, ставший архиепископом Нарбоннским, был тогда в затяжном конфликте с Симоном де Монфором и парадоксальным образом поддерживал дело своего бывшего врага.

«Песнь о крестовом походе» оставила нам детальный и чрезвычайно выразительный рассказ о латеранских дебатах. В ней показано, как папа выступает против большинства и обращается со словами отеческого ободрения к Раймону, подавая надежду на возвращение когда-нибудь Прованского маркизата. Все это красиво рассказано, но довольно маловероятно. Например, Иннокентий III заявляет: «Пусть Симон держит землю и управляет ею. Бароны, так как я не могу ее у него отобрать, пускай он по возможности хорошо ее охраняет и не даст ее уменьшить, ибо не в моей воле проповедовать поход ему в помощь». Не произносит ли это Иннокентий III, который умер в 1216 г., потому, что его преемники не переставали искать поддержки армий Симона, а позднее — его сыновей? Впрочем, в декреталиях от 14 декабря слова, приписываемые Иннокентию III анонимным автором продолжения «Песни», звучат иначе: «Раймон, граф Тулузский, коего сочли виновным... при многочисленных признаках, точно доказывающих, что он долго не мог управлять страной по вере, да будет навсегда отстранен от управления, бремя которого он только и дал почувствовать, и пусть пребывает в надлежащем месте за пределами страны, дабы нести достойную кару за свои грехи; однако ежели он смиренно повинуется, пускай получает каждый год 400 марок серебром на свое содержание. Пусть все домены, отвоеванные крестоносцами у еретиков, их единоверцев, пособников и укрывателей, с городами Монтобаном и Тулузой, более всех пораженными ересью, будут отданы графу де Монфору, человеку храброму и католику, потрудившемуся более всех прочих в этом деле, дабы держал он их от тех, от кого должен по

праву их держать. Остальная же страна, не завоеванная крестоносцами, будет в соответствии с решением церкви поставлена под охрану людей, способных поддерживать и защищать интересы мира и веры, для наделения властью единственного сына графа Тулузского¹ по достижении им совершеннолетия, ежели он надлежащим образом покажет, что достоин получить все или только часть в соответствии с тем, как будет сочтено должным». Здесь речь шла о Прованском маркизате. Что касается графа де Фуа, которого подозревали в ереси по меньшей мере так же, как и Раймона VI, ему возвращали его владения.

Как Иннокентий III, который не мог не знать, какими беззакониями и страшными жестокостями сопровождался крестовый поход, после всех описанных нами колебаний, конечно, не придуманных, позволил издать подобный документ? Самый молодой историк альбигойских войн, Зоя Ольденбург, преисполнена совершенно справедливого негодования. Однако было бы в равной степени неправомерным оценивать подобные акты с точки зрения представлений нашего времени. Не то чтобы война тогда была более жестокой, чем сегодня — нам слишком хорошо известно обратное. Возмутительно то, что высшая инстанция церкви земной до такой степени попрала законы справедливости и милосердия, которые она призвана распространять по всему христианскому миру. Завтрашний день подобного забвения окажется горестным, и не пройдет ста лет, как Ногаре² от имени

¹ Раймон VII (1197–1249) — граф с 1222. Женат на Санче Арагонской, дочери Педро II, сестре своей мачехи Элеоноры.

² Ногаре, Гийом де (ум. 1313) — легист, канцлер Франции с 1307 г.

французского короля предаст поруганию в Ананьи преемника Иннокентия III, и будут написаны карающие терцины «Божественной Комедии». Ошибкой, от которой сам Григорий VII не смог избавить церковную иерархию, было соединение двух властей в одних руках. Глава церкви не может безнаказанно претендовать на господство над светскими государствами. Но судить по справедливости Раймона VI и его подданных означало усилить ересь и, возможно, подготовить ее торжество. Один раз прибегнув к оружию, чтобы задушить ее, следовало идти этой гнусной дорогой до конца. Не требовалось резни в Безье, чтобы дать понять Иннокентию III, какому риску он подвергался, спустив с цепи насилие в Южной Франции. Декреталии от 14 декабря 1215 г. являлись только логическим продолжением призыва к оружию. Чтобы не впасть в безрассудное противоречие, Иннокентий III должен был идти до конца. Когда я говорю об идеях того времени, допуская, что они очень отличаются от наших, то хочу сказать, что применение силы в духовных делах допускалось тогда повсюду, а если катары его отрицали, то только потому что полностью отказывались от насилия при любых обстоятельствах.

Но в декреталиях заметно и другое: они формально предусматривают, что Симон де Монфор должен держать свои земли «от тех, от кого он должен держать по праву». Очевидно, речь идет о французском короле, одним из крупных вассалов которого являлся граф Тулузский. Таким образом, скорее соблюдались права короны, нежели графа Тулузского, и уже можно предположить, что Симон де Монфор окажется неспособным удержаться на Юге собственными силами и французский король

рано или поздно наследует Симону де Монфору, лишившему владений Раймона VI. Перед лицом вселенской церкви утвердилась новая сила — национальная монархия.

Кажется, последний акт наконец сыгран, когда Симон де Монфор во время триумфального пребывания в Северной Франции получает от короля 10 апреля 1216 г. указ, изложенный в следующих словах: «Мы утверждаем нашего вассала, дорогого и преданного Симона, графа де Монфора, во владении герцогством Нарбоннским, графством Тулузским, виконтствами Безье и Каркассон как фьефами и землями, отнятыми у еретиков и врагов церкви Иисуса Христа, кои Раймон, некогда граф Тулузский, держал от нас». Если не упомянут Прованский маркизат, то только потому, что он был землей Священной Римской империи, да и относительно него собор был, видимо, настроен в пользу молодого Раймона.

Часть вторая

РЕВАНШ ЮГА

БОКЕР

Все началось в тот самый час, когда, казалось, закончилось. В тот момент, когда король подписывал Меленский указ, «старый граф» и «молодой граф», как их называет «Песнь о крестовом походе», высадились в Марселе, где их встретили с воодушевлением. Началась новая война, характер которой очень отличался от только что закончившейся. На этот раз сражаются не за ересь или против нее. Южане объявляют себя добрыми католиками, поминая поминутно Иисуса Христа и Богоматерь, но они хотят, чтобы край вернули его законным суверенам. Они защищают от северных французов свои собственные ценности, Достоинство и Род, так, как будто поразивший их паралич внезапно исчез. С 1209 по 1213 гг., даже когда они были сильнее и многочисленнее, их постоянно били, как при Кастельнодари и при Мюре. Самые мощные крепости сдавались одна за другой, и кажется, ничто не могло противостоять ярости и напору Симона де Монфора. Теперь все меняется, из религиозной война становится национальной. Мне кажется, этому важному факту не уделялось должное внимание. Я не говорю, что катары стали менее многочисленны и влиятельны; однако сле-

дует также допустить, что церковь сохранила на Юге авторитет и, возможно, южане с трепетом пускали в ход оружие, когда их противниками были воины Христа. С того момента, как они превратились в побежденных, защищающихся от захватчиков, и религиозный вопрос окончательно отошел на второй план, все изменилось.

Оба Раймона, отец и сын, были приняты в Авиньоне с еще большим восторгом, чем в Марселе, после чего расстались. Старый граф едет собирать отряды в Арагон, чтобы освободить Тулузу, а молодой отправляется в Бокер, занятый французским гарнизоном. Он захватывает город, а французы укрываются в замке, и Симону де Монфору, едва вернувшемуся из Франции, приходится осаждать город, который сам осаждает замок. В первый раз Монфор терпит поражение. В то время как окруженный гарнизон замка выбрасывает черный флаг голода, молодой Раймон отбивает у ворот города, хорошо обеспеченного водой из Роны, все атаки. Это продлится три месяца, и наконец, 24 августа молодой Раймон, согласовав с гарнизоном замка условия почетной капитуляции, дает возможность Симону де Монфору со всей поспешностью устремиться к восставшей Тулузе. Под Бокером бывший предводитель похода потерпел свое первое военное поражение.

ТУЛУЗА

Вся война до самого конца сосредотачивается вокруг столицы Юга. Обладание ею становится подлинным смыслом борьбы, и этот период истории можно было бы назвать тулузской эпопеей. Вооруженный Симон стоит перед городом, формально принадлежащим ему. Неизвестно, какие чувства он испытывает. Монфор считает преступлением верность, которую жители Тулузы хранят своему законному суверену. В какой-то момент он спрашивает себя: не лучше ли полностью разрушить Тулузу. Выждав, он входит туда как в завоеванный город, беря заложников, грабя и предавая огню три четверти строений. Тогда жители Тулузы опять восстают, и французам удается захватить их дома лишь после смертельной уличной схватки. Здесь речь идет уже не о ереси — население Тулузы сражается не за веру, а за свои алтари и очаги. Фульк Марсельский, некогда трубадур, ставший настоятелем аббатства Торонет в Провансе, а затем епископом Тулузским, сыграл в этом деле значительную и печальную роль. Он ожесточенно поддерживал права Монфора, как он это делал на Латеранском соборе. Он гнусно обманул собственный народ и попытался сдать его победителю связанным по рукам и ногам — все это ничего не меняет. Трудно судить по прошествии стольких веков о таких людях, как Арно-Амальрик или епископ Фульк. Ему приходилось каяться в своем прошлом, исполненном любви, когда он был трубадуром. Несомненно, предавая свой непокорный

народ Симону де Монфору, он полагал, что совершает богоугодное дело, чувствуя, что восстановление Раймонов станет одновременно победой еретиков и ему надо помешать любой ценой. Возможно, тут он был и прав, но, повторяю, для жителей Тулузы ставкой в сражении была не вера.

Столица Юга видела в изгнании французов и в восстановлении на престоле своих графов залог того, что мы называем сегодня независимостью страны. Однако следует осторожно обращаться со словами, принявшими в наши дни совершенно иной смысл. То, к чему больше всего стремились все жители Тулузы и средневековое население в целом, заключалось в сохранении и восстановлении некоторых, только им присущих ценностей. Автор «Песни о крестовом походе» обозначает их словами *Prix* и *Parage*, Достоинство и Происхождение. Французы казались иноземными захватчиками и варварами. Иноземными — поскольку говорили на другом языке; варварами — потому что их грубое поведение контрастировало с куртуазными манерами, которыми так гордились южане. Те же чувства, впрочем, разделяли Симон де Монфор и его соратники. К примеру, мы видели, какие предосторожности предпринимали Статуты Памье, чтобы исключить любые тесные связи между французами Севера и южанами. И те и другие были слишком близки, чтобы избежать риска заразиться взаимностью, и слишком далеки, чтобы не испытывать взаимного недоверия.

Драма Юга в начале XIII в. — это драма испытывавшей вторжение и оккупированной страны. Нам самим слишком хорошо это известно, чтобы не суметь ее понять. Что же касается церкви, то она тут же стала на сторону победителя, показав тем

самым, что сама опасалась за свою независимость, которая была неотделима от единства веры. Церковь не хотела рисковать. Хотя это был лишь возможный риск, никто не мог сказать, что бы произошло с религией, если бы в итоге победителями оказались южане. Но для этого им надо было бы иметь противником только Симона де Монфора. А Симон, к несчастью, был не одинок — за ним стояли церковь и французский король. Это южане оказались одни, потому что могли рассчитывать только на поддержку Каталонии. Раймон VI найдет там убежище и дружеское отношение и наберет людей, с помощью которых снова овладеет Тулузой, но и только. Что касается ничтожного Иоанна Безземельного, то в том же 1216 г. он, предоставив своим восставшим подданным знаменитую Великую хартию¹, умер. Так что рассчитывать на английскую Аквитанию под скипетром короля-ребенка Генриха III², как и на Барселону, где правил другой ребенок, не приходилось. Только магнаты Юга, граф де Фуа и граф де Комменж, да провансальские города Авиньона остаются верны общему делу. Империю, от которой формально зависят земли за Роной, надежно закрепил за Фридрихом II³ преемник Иннокентия III Гонорий III⁴; а император слишком занят германскими

¹ Великая Хартия Вольностей (*Magna Charta*) дана Иоанном английскому дворянству 15 июня 1215 г. как гарантия дворянских вольностей и прав. Сыграла немалую роль в том, что бароны, первоначально поддержавшие принца Людовика, после смерти Иоанна и учреждения регентства решительно воспротивились правлению французов.

² Генрих III (1207–1272) — король с 1216 г., после смерти Иоанна.

³ Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250) — сын императора Генриха VI и Констанции Сицилийской, император с 1218 г.

⁴ Гонорий III (Ченчо Савелли) — папа римский в 1216–1227 гг.

и итальянскими делами, чтобы по-настоящему интересоваться делами Франции. Примечательно, что тот же Фридрих II, который так стойко и порой удачно противостоял папским амбициям, которого с полным основанием считали язычником, который прекрасно знал лирику на языке «ок», всегда был врагом катаров и издал против них один из самых строгих законов. Несомненно, сей скептический эпикуреец больше опасался их мрачного фанатизма и их суровой мягкости, нежели римского догматизма.

Окситания оказалась совершенно одинока в час, когда восстала против Монфора. Не без труда он добивается победы над тулузскими мятежниками. Он заключает договор со столицей покоренной страны и требует огромный выкуп в 30 тысяч марок серебром¹. Он оставляет в ней сильный гарнизон, штаб которого обосновался в Шато-Нарбонне, бывшей резиденции графов Тулузских. В октябре 1216 г. Монфор покидает укрощенный, как он полагает, город, оставив в нем свою жену, Алису де Монморанси. Сначала он отправляется в Бигор, где женит своего младшего сына Ги на наследнице графства. Отсюда ясно, что Симон де Монфор упорно вынашивал великий замысел основательно закрепить свою династию на Юге. Из Бигора граф движется на восток, мимоходом захватывая крепость Монгренье, принадлежавшую графу де Фуа. Он укрепляет свои позиции в Фенуие, на границах арагонского Руссильона, и, наконец, направляется на равнину Роны, где снова закрепляется после своего поражения при Бокере.

¹ Серебряная марка равноценна 500 франкам золотом (прим. авт.).

В течение лета 1217 г. великий полководец, кажется, снова торжествует повсюду. Но он слишком заглядывался, пренебрегая Тулузой, остававшейся самым уязвимым и самым важным местом в его доменах. «Из-за всего этого, — пишет автор «Песни о крестовом походе», — народ пришел в совершенную растерянность, покуда Бог не послал им мягкий свет, исходивший от Тулузы и вернувший ценность Происхождению и блеск Достоинству; это граф, ее сеньор, часто бывавший в опасности, он, невинный, кого могущественный папа и другие священники неправо лишили его доменов, прибыл на землю мессира Роже де Комменжа, где был встречен подобающим образом».

При поддержке графов де Комменжа и де Фуа Раймон VI стремительным маршем движется к своей столице. Его продвижение под прикрытием чащи в это утро, окутанное туманом, незаметно для врагов. Перейдя Гаронну ниже плотины мельниц Базакля, граф Раймон VI 13 сентября 1217 г., день в день четыре года спустя после позорного поражения при Мюре, совершает въезд в Тулузу. Но давайте еще раз предоставим слово Анониму, автору «Песни». Это свидетельство не заслуживало бы столь пристального внимания, если бы так замечательно не передавало всю атмосферу освобождения: «Когда их взорам открылась Тулуза, не оказалось никого, каким бы бесстрашным он ни был, у кого глаза не наполнились бы слезами, кои источало сердце. Каждый говорил себе: “Пресвятая Дева Мария, верни мне отчий дом. Уж лучше мне жить там или там лечь в могилу, чем бродить по свету скитальцем и опозоренным”. Выйдя из воды, они перестроились на луту с трепещущими на ветру знаменами и флажками. Едва жители города

распознали эмблемы, как вышли встречать графа, как будто воскресшего из мертвых. И когда граф вступил через сводчатые ворота, народ бросился к нему — великие и малые, бароны и дамы, жены и мужья, и опустились на колени пред ним, покрывая поцелуями его одежды, ноги, руки и пальцы. Он был встречен со слезами радости и ликованием, от коего произрастали цветы и зерно. И жители говорили друг другу: “Теперь с нами Иисус Христос и утренняя звезда, вновь вспыхнувшая для нас, ибо вот наш долгожданный сеньор. И ожили Происхождение и Достоинство (*Mérite et Parage*), лежавшие в могиле, и мощь, и здравие, и исцеление, и все наше племя обогащено на все времена”. Их сердца преисполнены такой радости и пыла, что они хватают кто палку, кто камень, кто копье или острый дротик и бросаются по улицам с отточенными ножами, и пронзают, и режут, и уничтожают пойманных французов, крича: “Тулуза! Сегодня настал день, когда уберется вон лже-сеньор со всем своим дрянным отродьем, ибо на защиту права встает Бог, ведь преданный граф с маленьким отрядом так показал себя, что вернул Тулузу”».

Подобные интонации — не ложный пафос, даже если в них и есть некоторое поэтическое преувеличение. В нем весь народ, охваченный желанием вновь обрести свои собственные ценности. Он жестоко мстит захватчикам за череду мрачных лет. История увековечила Сицилийскую вечерню¹ — не знаю, почему она не запомнила под

¹ *Сицилийская вечерня* — восстание сицилийцев против французов и короля Карла Анжуйского в 1282 г. Началось по сигналу колокола, звонившего к вечерне. В результате Сицилия пере-

названием Тулузской заутрени 13 сентября 1217 г. Французы, избежавшие смерти, укрылись у графини де Монфор, за стенами Шато-Нарбонне, теперь осаждаемого жителями, как недавно замок Бокер. Положение жителей Тулузы трагично почти так же, как и положение Алисы де Монфор с ее соратниками. Она улучила момент и отправила гонца на равнину Роны к своему мужу. Поскольку город был полностью лишен крепостных стен, следовало одновременно вести одну осаду и готовиться выдержать другую. Все атаки Монфора сначала выдержат импровизированные укрепления. Женщины трудятся здесь наравне с мужчинами, и говорят, что именно одна из них снискала славу, убив 25 июня 1218 г. Симона де Монфора.

Впрочем, эта заключительная сцена эпопеи заслуживает того, чтобы привести ее целиком и даже сравнить два рассказа — хронику Анонима, который описывает ликование жителей Тулузы, видящих своего великого врага поверженным, и историю монаха из Во-де-Сернея, оплакивающего смерть героя. Контраст между этими памятниками как нельзя лучше показывает ожесточенность битвы, в которой одни полагали, что сражаются за веру, хотя в действительности воюют за мирские богатства, а другие бились за то, что нельзя назвать иначе как Родина. Я ограничусь Петром из Во-де-Сернея, при этом учитывая, что Аноним тоже воздает должное величию Симона. Он приписывает ему такой клич: «Во имя жертвы! Праведный Христос, даруй мне сегодня телесную смерть или победу!» Но вот слова цистерцианского монаха: «Бла-

шла к Арагонскому дому, родственникам последнего короля Сицилии Манфреда, сына Фридриха II.

городному графу сообщили, что его враги взялись за оружие и украдкой собрались внутри укреплений, подле рва. При сей вести граф, слушавший заутреню, велел приготовить ему доспехи. Облечившись в них, этот христианнейший человек поспешил к часовне, дабы прослушать уже начавшуюся мессу; и покуда он как человек благочестивый жарко молился, толпа тулузцев вылезла из рвов по тайным ходам, подняла свои знамена и яростно набросилась с криками и воплями на наших, охранявших метательные орудия подле рва. Прочие враги, появившиеся с другой стороны, тоже направились к лагерю. Поднялась тревога; наши побежали за оружием, но, прежде чем они подготовились, стоявшие на страже орудий и лагеря получили столько ударов и ран, что трудно и представить. Во время этой вылазки к графу, слушавшему мессу, прибежал посланный и умолял его придти немедленно на помощь. Преисполненный же благочестия муж ответил: "Позвольте мне прежде послушать о божественном откровении и узреть таинство моего искупления". Он еще говорил, когда появился другой посланный и обратился к нему: "Скорее, скорее, битва усиливается, наши не могут больше держаться". Христианнейший муж ответил: "Я не выйду, не увидев моего Искупителя". Когда священник поднял, как обычно, гостию, сей человек, исполненный благочестия, опустился на колени и воздел руки к небу, говоря: "Теперь, Господи, позволь Твоему слуге, следуя Твоему слову, удалиться с миром, ибо мои глаза узрели Спасителя, исходившего от Тебя". И он добавил: "Мы пойдем и умрем, если надо, за Тебя", а еще: "Идем и погибнем за Того, Кто ради нас презрел смерть". Произнеся это, сей непобедимый

человек бросился в битву. Сражение усиливалось с обеих сторон, многие как из одного, так и из другого лагеря были ранены, кое-кто убит. С прибытием рыцаря Иисуса Христа наши почувствовали, что их силы и храбрость удваиваются, и, отбросив всех врагов, отважно погнали их почти до рвов. Потом граф со своими соратниками отступили немного назад из-за града камней и целой тучи стрел; они зашли за орудия и укрылись за изгородью от камней и стрел, ибо наши враги непрерывно забрасывали нас камнями при помощи двух фрондибол, одной катапульты и великого множества ручных пращей. Когда храбрейший граф со своими соратниками стоял, как я сказал, за машинами подле рва, чтобы помешать врагам возобновить вылазку с целью разрушить наши машины, камень, брошенный врагами из катапульты, попал в голову рыцарю Иисуса Христа». Странно, но этот почти агиографический рассказ, составленный из цитат из Писания, почти полностью совпадает с рассказом Анонима. Только тот приписывает Симону де Монфору, возвращающемуся на поле битвы, другие слова, не менее волнующие, хотя и менее благочестивые.

Так погиб, к несчастью друзей и ликование врагов, тот, кто был наряду с далеким Иннокентием III чуть ли не самой видной фигурой крестового похода. Он обладал всеми качествами великого полководца — упорством, личной храбростью в сражении, мудростью в совете, одновременно осторожностью и дерзостью, активностью, способной охватить целое в деталях; он заботился о солдатах так, что они были безгранично преданы ему. У него не было времени проявить себя администратором, но он предстает превосходным

политиком, искусным в переговорах. О его дальновидности во многом свидетельствуют Статуты Памье. Более того, Симон де Монфор был христианином, и его рвение не может не волновать. Он действительно считал себя божьим воином, хотя это не мешало ему преследовать и свои личные интересы. С ним мы погружаемся гораздо больше в атмосферу Ветхого Завета, нежели Евангелия. Бог щедро вознаграждает тех, кто ему служит, как Осия¹, земными благами, и Симон де Монфор не видит ничего предосудительного в обладании ими. Это был человек скорее твердый, грубый и беспощадный, чем по-настоящему жестокий. Разочарованный своим первым знакомством с южанами и, в частности, предательством Гийома Ката, рыцаря из Монреаля, он с тех пор больше рассчитывал на страх, чем на любовь. Именно в этом заключалась его главная ошибка. В течение столетий население Юга проклиняло его как отвратительного тирана. И погиб он в конце концов от той ненависти, которую преднамеренно вызвал. Однако он заслуживает не меньшего уважения, чем его удачливый предшественник и пример для подражания — Робер Гискар. Но история всегда несправедлива к побежденным, а им-то и оказался сеньор Ивелина. Он всего лишь потрудился для французского короля, ему самому так и не удалось основать для своих потомков государство, о котором он мечтал. Символ его судьбы — заваленный сеном надгробный камень среди развалин, которые некогда были приорством От-Брюйер.

¹ Осия — израильский царь, восстанавливавший истинную веру и борющийся с идолопочитанием. В Ветхом Завете — образец праведного правителя.

Амори де Монфор оказался совершенно неспособным продолжить дело своего отца. После смерти Монфора ему пришлось снять осаду Тулузы и укрепиться в Каркассоне, более надежном месте. Оттуда он взывает к королю Франции, и тот во второй раз посылает значительное войско с принцем Людовиком во главе. Одержанные недавно победы над Иоанном Безземельным позволяют французам на сей раз двинуться западными дорогами. Первым городом, отважившимся сопротивляться французскому войску, был Марманд. Его взяли, и все жители, включая стариков, женщин и детей, были вырезаны. Жертв было по меньшей мере пять тысяч. Избиение в Марманде в 1219 г. произошло спустя десять лет после резни в Безье. Однако будущий Раймон VII, фактически наследовавший своему отцу (Раймон VI умер только в 1222 г.), и жители Тулузы не поддались панике. Город занял оборону, и когда 19 июня королевское войско прибыло под его стены, Тулуза закрыла пред ним ворота. Осада продлилась до 1 августа. Именно в этот день принц Людовик свернул лагерь и вернулся во Францию, бросив свои военные машины перед победившим городом. Каковы бы ни были причины этого внезапного отъезда, для южан он означал блестящий триумф, и отныне в течение нескольких лет французы будут терять один за другим города, завоеванные при Симоне де Монфоре. Даже Каркассон возьмут и вернут молодому Транкавелю, сыну несчастного Раймона-Роже. Это воистину победа *Prix* и *Parage*, Происхождения и Достоинства. Успех ошеломляющий, но у этой победы не было будущего.

Часть третья

ФРАНЦУЗСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ
(1226—1229)

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ЛЮДОВИКА VIII
(1226)

В 1223 г. умер Филипп Август. Новый король Франции — Людовик VIII — был тем самым принцем Людовиком, отправлявшимся уже два раза на Юг. Амори де Монфор, полностью лишенный земель, уступил свои права французскому королю. Последнему ничего не оставалось, как утвердить с помощью церкви лишение южных государей их фьефов. Гонорий III некоторое время колебался, прежде чем удовлетворить его просьбу, потому что церкви гораздо выгоднее было иметь дело с местными сеньорами, ослабленными длительной войной, постоянно угрожая им отлучением, чем с французским королем. Наконец папа выносит решение в пользу короля, так как не решается поверить обещаниям Раймона VII. Представителем Святого престола во Франции является кардинал Ромен де Сент-Анж, опирающийся на Бланку Кастильскую¹ и преследующий французс-

¹ *Бланка Кастильская* (1188—1252) — дочь Альфонса VIII и Элеоноры Английской, сестры Иоанна Безземельного. С 1200 г. жена Людовика VIII, мать Людовика IX Святого, регентша во время его малолетства и отъезда в крестовый поход.

кие интересы. Под его нажимом собор в Бурже, даже не изучив дела, отлучает от церкви Раймона VII. Отныне ничто не мешает французскому королю вступить во владение Югом под видом крестового похода.

В январе 1226 г. Людовик VIII принимает крест, а весной направляется через долину Роны в Окситанию. Ужас охватывает весь край даже раньше, чем там очутился король. Сеньоры и города торопятся изъявить ему свою покорность. Да, Авиньон героически выдерживает трехмесячную осаду, и протерпел он еще несколько дней, его бы спасло внезапное наводнение на Дюрансе. Тулуза также не покорилась и мужественно дожидается еще одной осады. Но следует отметить, что в этот решающий год рухнуло единство провинций. Нам тут же приходит объяснение, что Юг был слишком ослаблен делящейся семнадцать лет войной, чтобы сопротивляться королевской армии. Однако эта же армия, бесспорно, сама была измучена болезнями и уменьшилась с отъездом некоторых магнатов вроде Тибо Шампанского¹, возвратившихся к себе по истечении сорока дней. Полагаю, следует искать другую причину внезапного упадка духа южан. Это воздействие авторитета

¹ Тибо IV Шампанский (1205–1261) — сын Тибо III и Бланки Наваррской, королевы Наварры. Его бабка Мария, мать Тибо III, была дочерью Людовика VII от Альеноры Аквитанской, т. е. она приходилась единоутробной сестрой Жанне Английской, матери Раймона VI, и Элеоноре, матери Бланки Кастильской. Людовик VII женился третьим браком на сестре своих зятей, графов Шампанского и Блуа, Адели, т. е. Тибо IV приходился троюродным братом и одновременно троюродным дядей Людовику IX, а также был троюродным племянником Бланки Кастильской и Раймона VII.

короля, возросшее после побед Филиппа Августа. Одно дело сражаться с французами, вторгшимися в страну как феодальное войско, другое же дело — в 1226 г. не признавать того, что король, направляющийся во второй раз лично в южные провинции, является сувереном всей Франции, включая графство Тулузское. В истории встречаются необъяснимые на вид феномены вроде этого, причина которых лежит лишь в широком и непреодолимом совокупном развитии.

Конечно, можно, к примеру, объяснить поведение кардинала де Сент-Анжа личными мотивами. Возможно, этот прелат оказался равнодушен к очарованию Бланки Кастильской, но гораздо более вероятно, что он склонился перед стремительно возрастающей властью, которую не смогло серьезно поколебать даже малолетство Людовика IX¹. Начнем с того, что королевский крестовый поход закончился весьма неудачно. Король, захворав, не осадил Тулузу и на пути к своей столице скоропостижно скончался. Но он оставил в Каркассоне сенешаля Юмбера де Боже в положении гораздо более надежном, чем у Симона де Монфора осенью 1209 г. Невзирая на опасности, нависшие над самой короной, Бланка Кастильская никогда не заставит своего сенешаля испытывать нехватку войск.

И вот мы вступаем в последние годы этой двадцатилетней войны. После краткого и рокового периода растерянности Юг еще раз воспрял духом. Тулуза остается неприступной, и город этот столь велик, что сенешаль Каркассона никогда и не

¹ Людовик IX Святой (1214–1270) — король Франции с 1226. В первые годы его правления произошел ряд выступлений феодальной знати против королевской власти.

попытается его по-настоящему осадить. Но он избирает другую тактику, более медленную и более верную: летом 1227 г. королевские отряды располагаются на богатой тулузской равнине и систематически опустошают ее, не вступая в сражение. Сжигают урожай, вырубают виноградники, режут скот, и Гийом де Пюилоран, близкий к епископу Фульку, приписывает тому следующие слова: «Так, избегая [битвы], мы чудесным образом побеждаем наших врагов». Он говорит об этом войске, которое только и делает, что беспощадно грабит край и уклоняется от сражения. Впрочем, на битву его и не вызывали, потому что Раймон VII был больше занят возвращением своих крепостей.

ДОГОВОР В МО (1229)

Все были немало удивлены, узнав, что молодой граф в 1228 г. внезапно решил на переговоры. Но его народ уже изнемогал, и нищета оказалась сильнее патриотических настроений. Силы определенно были неравны. Окситании неоткуда было ждать хоть какой-нибудь помощи, на ее земле обосновался враг, и всем известно, что он ничего не выпустит из рук, потому что удержаться — это вопрос жизни и смерти для французской короны. С этого времени графу, главным козырем которого было достаточно благоприятное положение в войне, кажется, что он может в этих условиях начать переговоры, предложенные регентшей через Эли Герена, аббата Грансельва. Первым актом капитуляции стало соглашение в Базьеже, подписанное 10 декабря 1228 г. Раймоном VII, по его словам, по совету тулузских баронов и горожан, и аббатом Грансельва. Граф объявил, что в целом полагается на третейский суд графа Тибо Шампанского. Последний приходился родственником и регентше, и Раймону VII. Крупный вассал, скорее непокорный, он уже в силу этого был способен, как представлялось, стать серьезным гарантом беспристрастности.

Но силы Раймона VII и Бланки Кастильской были неравны, и третейский суд Тибо Шампанского не избавил его кузена от самых унижительных условий. В 1228 г. корона уже достаточно сильна, чтобы заключить мир, не умаляя своего авторитета.

И Раймона VII поставили перед ужасной альтернативой: либо продолжать отчаянную и отныне безысходную, какими бы ни были временные успехи, борьбу, либо попытаться путем переговоров спасти то, что еще можно. После всего случившегося нечего удивляться, что он принял второй вариант. К несчастью, становясь на путь переговоров, Раймон VII практически тут же отдавался на милость противника. Иные поступки, увы, непоправимы.

Правда, условия, в принципе принятые графом Тулузским, его баронами и горожанами, были лишь предварительными. Остается заключить окончательный мир, и Раймон VII должен отправиться в конце марта 1229 г. в Мо в сопровождении солидной делегации из южной знати, горожан и прелатов. Мо избран потому, что зависит от графства Шампанского и к тому же расположен близко к Парижу. Раймон VII едет на переговоры далеко от своих владений, в самое сердце Северной Франции. Можно ли вообще говорить о переговорах? В Мо граф Тулузский окажется на настоящем соборе под председательством кардинала Ромена де Сент-Анжа. И действительно, надо мириться одновременно и с церковью, и с короной, а они объединились против Раймона VII. Теперь в Мо ему никак не защититься от таких могущественных противников, и граф Шампанский тоже обезоружен. Остается лишь принять условия победителей или прервать переговоры и возобновить войну. Раймон VII не решился на последний вариант, что удивило его современников, например, Гийома де Пюилорана, доброго католика, приближенного епископа Тулузского Фулька, но также и доброго патриота. Он не сделал это, бесспорно, потому,

что Юг был слишком истощен. К тому же Раймон VII, показавший себя блестящим рыцарем в сражении и хорошим военачальником, унаследовал непостоянство своего отца, а в настоящий момент торопился покончить с этим делом любой ценой.

От этого договор в Мо, главные статьи которого мы только что рассмотрели, нисколько не перестает быть «принудительным договором». По форме — это частный акт Раймона VII. Король возвращает графу Тулузскому диоцез Тулузы за исключением Терр-дю-Марешаль (оставленной семье Леви¹), Ажене, Руэрга, Альбижуа по другую сторону Тарна (то есть на север от берегов этой реки) и Керси, кроме Кагора. Совершенно ясно, что речь идет о возвращении земель, что король вовсе не обязан был делать, поскольку все земли графа Тулузского вследствие его отлучения от церкви были объявлены «добычей» и король завладел ими на законном основании. В настоящий момент, когда граф помирился с церковью, ему вернули часть его земель, которые он, впрочем, еще не смог отвоевать.

Раймон VII, однако, теряет все земли восточного Лангедока, составившие в будущем сенешальство Бокер, а из бывших транкавельских земель было образовано сенешальство Каркассон. Граф Тулузский также отказывается в пользу церкви от Прованского маркизата, являющегося землей Священной Римской империи. Он становится светским

¹ *Леви* — семья, происходящая из Иль-де-Франса. Ги I де Леви последовал за своим сюзереном Симоном де Монфором в поход против альбигойцев, получил от него титул *маршала* крестоносцев и сеньорию Мирпуа с окрестностями. Оба Леви-Мирпуа, отец и сын, позже были сенешалями Каркассона. Род имел много боковых ветвей.

владением церкви во Франции, где столетие спустя обоснуются папы¹. Но самым значительным пунктом договора была статья десятая, по которой граф Тулузский отдавал замуж за одного из братьев короля свою единственную дочь Жанну девяти лет. «После моей смерти, — добавлял граф, — Тулуза и ее диоцез станут принадлежать брату короля, который женится на моей дочери, и их детям, а ежели таковых от этого брака не будет или моя дочь умрет бездетной, они отойдут королю и его наследникам, а не прочим моим детям; то есть только у детей брата короля и моей дочери будет на них право». Для Ажене, Руэрга, Альбижуа и Керси «наследование произведется, как указано выше».

Как мы видим, предприняты все предосторожности, чтобы даже в случае повторного брака графа Тулузского и рождения других детей, помимо Жанны, будь это даже сын, наследство не ускользнуло из Капетингского дома. Это не помешает Раймону VII позднее стремиться, впрочем, безуспешно, ко второму браку. Статьи, навязанные ему, были столь недопустимыми с общеправовой точки зрения, что было бы трудно настаивать на их соблюдении в случае появления у графа Тулузского законного наследника мужского пола.

Прочие статьи договора приблизительно повторяют те, что не раз навязывались Раймону VII: граф обязуется «творить скорый суд над явными еретиками и повелеть своим бальи разыскивать их

¹ *Авиньонское пленение пап* — 1305–1377 гг. Время пребывания папского престола в Авиньоне, папской области на территории Франции, а фактически полного подчинения французскому королю. Кончилось во время Столетней войны.

вместе с пособниками. С этой целью он будет в течение двух лет выплачивать по две марки серебром, а потом по одной тому, кто схватит еретика, ежели последний будет впоследствии осужден соответствующими властями». Кроме того, граф должен «охранять мир, изгнать наемников, покровительствовать церквам и священникам, поддерживать их права, запретить давать удовлетворение отлученным, не предоставлять должностей евреям и еретикам, возратить церквам их имущество и права, заставить платить десятину, исправить зло, причиненное церквам. Он выплатит 2 тысячи марок аббатству Сито, 500 — аббатству Клерво, 1 тысячу аббатству Грансельв, 300 — аббатству Бельперш и столько же аббатству Кандей, и 6 тысяч королю за укрепление и охрану Шато-Нарбонне. Ибо в замке будет королевский гарнизон, дабы наблюдать за Тулузой. В Тулузе создан университет, и граф должен будет выплатить в течение десяти лет 4 тысячи марок на поддержку магистров. Граф обязуется в течение года принять крест и прослужить пять лет на Святой земле. Он не обратится ни к одному из своих подданных, дабы посягнуть на выделенное в пользу церкви, короля или графа де Монфора. Король, впрочем, принимает аналогичные обязательства на своих собственных землях; но граф должен вести войну с теми, кто не пожелает подчиниться, и особенно с графом де Фуа, отказавшимся сопровождать его в Мо. Укрепления Тулузы и тридцати других городов будут разрушены...»

Никогда побежденный не подписывал более тяжелых условий. Но это было еще не все. Для Раймона VII приберегли наивысшее унижение. В Чистый четверг, пришедшийся в тот год на

10 апреля, на паперти собора Богоматери собралась торжественная ассамблея. Ее возглавляли король и королева, окруженные прелатами и баронами. Перед ними появился граф Тулузский в сорочке и штанах, как некогда его отец в Сен-Жиле; из уст королевского нотариуса он выслушал чтение договора в Мо и публично подписал его. Затем кардинал де Сент-Анж, возложив ему на шею, как кающемуся, епитрахиль, подвел к главному алтарю собора, где он, наконец, помирился с церковью. Раймон VII еще в течение шести месяцев будет оставаться узником Лувра, в то время как королевские чиновники от его имени станут следить за исполнением статей договора в его собственных доменах. Пьер Бельперрон, как бы враждебно ни был он настроен к южанам, не удержался, чтобы не воскликнуть: «Этот договор таков, что даже издали очень трудно счесть его справедливым».

Я со своей стороны не думаю, что это так уж сложно. Победенному, оказавшемуся во власти победителей, пришлось безоговорочно принять все их условия. Подобные акты никогда не бывают справедливы. В крайнем случае, описывая все по прошествии многих столетий, можно их оправдать обстоятельствами. Именно так и не замедлил сделать Пьер Бельперрон. Да, договор в Мо — один из актов, создававших французское единство. Но современники не думали и не могли думать об этом. В их глазах были нарушены в ущерб графу Тулузскому и его подданным формальные принципы права. Церковь на Латеранском соборе, как и на соборе в Мо, присвоила себе право распоряжаться по своему усмотрению светскими доменами. Граф Тулузский, неправо ограбленный Симоном де Монфором, был теперь почти столь же грубо

обобран в пользу Капетингов. Можно лишь сказать, что какими бы жесткими ни были статьи договора в Мо, они все же не так несправедливы, как постановление Латеранского собора. Но церковь, даже получив в свое распоряжение светские поместья, неспособна заставить исполнять свои собственные решения без помощи светской власти. Отсюда некое согласие, установившееся между ней и французской короной. Только король Франции способен реально обязать графа Тулузского сдерживать свои обещания. Поэтому настоящий победитель — он. Конечно, он пообещает церкви покончить с ересью. Не случайно инквизиционный трибунал организуется почти одновременно с подписанием договора в Мо. Но, опираясь на светскую десницу, церковь лишь усиливает ее. Меньше чем через сто лет после договора в Мо внук Людовика Святого, Филипп Красивый, вступит в конфликт с Бонифацием VIII, и побежден и унижен королем будет папа, а зародыш этого есть уже в альбигойском крестовом походе и его результате, договоре в Мо.

Папы, настолько одержимые идеей своей супрематии, как Иннокентий III, Гонорий III и Григорий IX¹, правивший в 1229 г., в конечном счете трудятся не столько на пользу церкви, сколько к выгоде французской монархии. И в этом великий урок Истории, достойный размышления. Теократия, которую Иннокентий III попытался установить в Европе, совершенно ослабла. Не обладая в одинаковой степени духовным и светским могуществом, она воображала, что светские власти согласятся всегда верно и покорно служить власти

¹ Григорий IX (гр. Уголино де Сенья) — папа в 1227–1241 гг.

духовной. Мне кажется, что духовное и светское нельзя было так смешивать, и, во-вторых, даже в руках такого святого короля, как Людовик IX, светская власть никогда не согласилась бы стать простым инструментом другой власти. Тем более что церковь, располагающая огромными светскими богатствами, не обладала никакими собственными силами, способными в случае конфликта их защитить. Королям всегда удавалось добраться до церкви с ее мирским имуществом, и духовные санкции не всегда обладали достаточной властью.

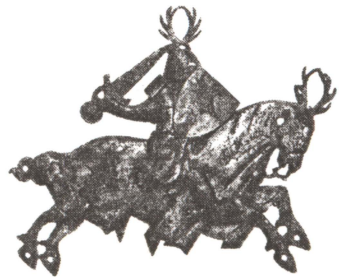
Вместе с постепенным прогрессом светские власти все больше и больше сознают свою силу и самостоятельность. Подъем бюргерства, развитие торговли, распространение идей постепенно меняют средневековую атмосферу, и эти изменения происходят в ущерб церкви. Неудавшуюся попытку графов Тулузских создать относительно светское государство снова предпримут, уже без всякой ереси, французские короли. На Юге церковь смогла при поддержке капетингской монархии восстановить католичество, но она пожертвовала христианской республикой и сама положила начало эре наций.

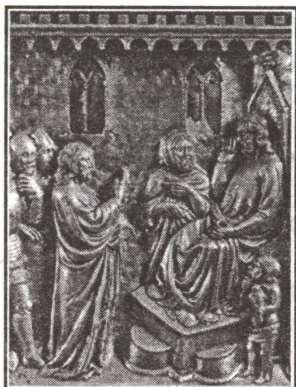
И здесь альбигойский крестовый поход очень поучителен. Я старался показать, как этот конфликт, сначала религиозный, превратился в национальную войну. Нации не предопределены, как часто думают, географией. Никаким декретом Провидения не предусмотрено, что королевство Франция должно простираться до Пиренеев. Но именно они стали границей Галлии, и Верденский раздел включил Юг в границы королевства. Однако с тех пор в действие вступили центробежные силы: Юг осознал себя как автономную целостность. Несом-

мненно, еще нельзя говорить о собственно национальном чувстве, но элементы его уже сформировались. Понадобятся, как мы увидим, еще долгие годы, чтобы южане смирились с тем, что они лишь часть большой общности. Мы не можем даже сказать, что на следующий день после договора в Мо дело было совершенно решено. Здание, возведенное в обстановке насилия, еще крайне хрупко. Его судьба зависит от милости политических конъюнктур, которых никто не мог предвидеть. В настоящее время происходит другая битва с совсем иными армиями. В итоге возросшее национальное чувство, более могущественное, чем с таким трудом вводимая католическая ортодоксальность, осознает самое себя.

Глава IV

ИНКВИЗИЦИЯ

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И ПАПСТВО

В течение 1209–1229 гг. крестовый поход, целью которого было заставить светские власти помочь церкви в подавлении ереси, постепенно превратился в политическую и почти национальную войну. Я особенно акцентировал эту сторону вопроса.

Тем не менее борьба против ереси не была простым предлогом. Пусть невозможно отыскать во второй части «Песни о крестовом походе» хотя бы что-то напоминающее эту первоначальную цель предприятия; пусть южане в ней представлены такими же ортодоксальными, как и их противники — мы-то знаем из других источников, что катары и вальденсы никогда не обладали бóльшим

влиянием на южное население, чем в эту эпоху. Если мы пожелаем хронологически уточнить апогей катаризма на Юге Франции, то, бесспорно, его следует отнести к периоду между собором 1167 г. в Сен-Феликс и договором в Мо 1229 г.

И это вполне естественно. Если некоторые жители Юга могли упрекать катаров за то, что они навлекли на их головы эту ужасную грозу, то большая часть исходила ненавистью к французам и римской церкви. Они еще больше симпатизировали катарам, потому что их церковь представлялась настоящей национальной церковью. Аноним это тщательно скрывал, поскольку писал произведение полемическое и апологетическое. Его целью было описать целиком неправомерное предприятие французов и лишить поход религиозного предлога, которым он прикрывался. Но весьма возможно, что, показывая нам тулузцев, взывающих к Иисусу Христу и Богородице, он вкладывал в эти молитвы смысл совершенно отличный от того, которым наделяла их римская церковь. Все выглядело чрезвычайно сложно. Национальный и религиозный аспекты никогда полностью не совпадали. Какой-нибудь магнат, который позже заинтересует инквизицию, был за французов, в то время как Раймон VII, в отличие от отца, никогда серьезно не подозревался в ереси.

Бесспорно и то, что, несмотря на гигантские костры Минерва, Лавора и Ле-Кассе, катаров в течение войны систематически не преследовали. Конечно, провинциальные соборы беспрестанно говорят о строгих мерах против них, но не думается, чтобы их когда-либо применяли. Вначале Добрые Люди посчитали за лучшее укрыться за стенами мощнейших крепостей, но это приводило

лишь к верной гибели. Тогда они изменили тактику, и в пастырских скитаниях снова встречаются их епископы, дьяконы и старейшины. Порой они затевают публичные диспуты с католиками или вальденсами. Тогда они и завершили организацию своей церкви. Так, например, катары собирают в Пьессе в 1225 г. (в эпоху почти полного освобождения Окситании) собор, на котором решают создать епископство в Разесе (область Лиму), так как этот край до сих пор был поделен между диоцезами Тулузы и Каркассона и верующие жаловались на подобное разделение.

Последующие документы инквизиции показывают нам, что многие катарские церемонии в это время проводились повсюду, а особенно удивительно то, что в них принимают участие многие священники и монахи, как будто произошло некое сближение отдельных элементов обеих церквей. Ничего более опасного для римской церкви и быть не могло, что прекрасно объясняет ожесточение французских прелатов, стоящих во главе южных диоцезов, против Раймона VII. Законы южного государства, относительно независимого, естественно, благоприятствовали бы подобному компромиссу, откуда могла бы возникнуть настоящая национальная церковь. Исходя из этого можно было бы объяснить странно-ортодоксальный отголосок в дошедших до нас катарских литургических текстах. Все это до некоторой степени поражает, потому что мы не видим возможности примирения двух столь откровенно противоположных доктрин, разве только предположить, что катарская церковь приняла в эту эпоху эзотерический характер, изначально ей не присущий. Известные нам формулы

обрели тогда скрытый для обывателя смысл, доступный только посвященным.

Как бы то ни было, на следующий день после заключения договора в Мо все было готово для подавления ереси. Усердие Бланки Кастильской и Людовика Святого должно было пойти навстречу требованиям церкви, на что указывает ордоннанс «*Cupientes*» («Жажда»), обнародованный на святой неделе 1229 г., то есть в тот самый момент, когда Раймона VII унижали на паперти собора Богоматери. «Мы решаем и приказываем, — говорит король, — чтобы наши бароны и чиновники старались с самым великим тщанием очищать землю от еретиков и еретической порчи. Приказываем, чтобы названные сеньоры и чиновники старательно и преданно приложили бы усилия по розыску и выявлению еретиков». В этом заключается великое новшество, в котором по праву можно видеть зародыш инквизиции.

ИНКВИЗИЦИЯ

Действительно, до этого момента процедура, как выражаются канонисты, была обвинительной: в принципе она основывалась на том, что нужно было получить донос на еретиков, чтобы начать действовать против них. Случалось даже (и мы это видели в договоре в Мо), что доносчикам выдавалось большое вознаграждение. Но ордоннансом «*Sapientes*» сделан шаг вперед: обвинительная процедура превращается в розыскную, то есть отныне светские власти должны сами выискивать еретиков. Инквизиция — это прежде всего розыск. И речь идет об организации не столько нового судебного ведомства, сколько духовного, и именно это Григорий IX поручит нищенствующим орденам, особенно доминиканцам.

Это новое доказательство переплетения духовного и мирского. Инквизиция немыслима без тесного сотрудничества обеих властей. Таким образом, в инквизиции можно выделить три слоя. Первый — епископский, так как первоначально именно епископам вменялась борьба с еретиками в своих диоцезах; но у епископов не всегда было время и желание с усердием трудиться на сем поприще, и постепенно папы освободили их от этого, что явилось, впрочем, новым способом утверждения папской супрематии. Вторая инквизиция, которую мы рассмотрим, — это инквизиция светская: государство предоставляет свои личные средства в распоряжение церкви. Третья же инквизиция, в основном и вошедшая в историю, — инквизиция

монашеская, доверенная нищенствующим орденам, то есть самым верным воинам Святого престола.

Это завершение давно уже начавшейся эволюции. Иннокентий III в конце предшествующего столетия, не доверяя рвению южных епископов, возложил заботу о борьбе с еретиками на цистерцианцев. Можно сказать, что Арно-Амальрик стал первым инквизитором на Юге Франции. Ордена доминиканцев тогда еще не существовало. Едва он оформляется, как папа в связи с подавлением ереси тут же вспоминает о нем. Это следует из письма Гонория III от января 1221 г. Григорий IX пойдет еще дальше в своем циркуляре от апреля 1233 г. приорам и доминиканцам. Его с полным основанием можно рассматривать как акт, узаконивающий рождение инквизиции в том виде, в каком она долго существовала в Южной Франции и других странах.

20 апреля 1233 г. Григорий IX основывает всеобщую инквизицию в провинциях Бордо, Бурж, Нарбонн и Ош и вверяет ее доминиканцам. Два дня спустя папа наказывает доминиканскому приору Прованса (так на церковном языке называли Южную Францию) подобрать самому инквизиторов, действующих против ереси от имени и властью Святого престола, *auctoritate apostolica*. Францисканцы, не мешкая, должны были в этих трудах присоединиться к доминиканцам. Приор доминиканцев тут же назначил двух первых инквизиторов, Пьера Селла́ (или Сейла́) и Гийома Арно. Это был богатый тулузский горожанин, отдавший 25 апреля 1215 г. свой дом святому Доминику для устройства в нем доминиканского монастыря Тулузы. Немного позже он сам вступил

в орден, а с 1219 г. являлся приором монастыря в Лиможе; оттуда он и прибыл в родной город для исполнения обязанностей инквизитора. Оба монаха получили в свою юрисдикцию все земли, признанные договором в Мо за Раймоном VII.

Так быстро учредился институт инквизиции. Инквизиторы становятся разъездными судьями. Мы обнаруживаем следы поездок Гийома Арно в Лораге, Кастельнодари, Лораке, Сен-Мартен-ла-Ланд, Ренвиле, Гажа-ла-Сельв, Вильфранше, Ла-Беседе, Авиньонé, Сен-Феликсе, где некогда состоялся знаменитый катарский собор, в Фанжо. Повсюду инквизиторы сеяли чудовищный ужас. Их не только сопровождал большой аппарат (мы увидим, что он был во время трагедии в Авиньонé) — они олицетворяли все могущество церкви, а если в этом была нужда, то и могущество французского короля. Приезд доминиканцев в область был грозным признаком поражения, с которым, однако, не примирились.

Инквизитор начинал с публичной проповеди, предоставляя жителям «время милости», обычно ограниченное неделей. Все чувствующие за собой хоть какую-то вину или просто подозреваемые могли в течение этой недели признать свои ошибки, и тогда с ними обращались с некоторым снисхождением. По прошествии недельной отсрочки инквизитор официально приступал к судебным преследованиям, которые считал необходимыми. Можно без труда догадаться, что происходило в эту неделю: запуганные люди, стремясь избежать гонений, оговаривали сами себя и доносили, справедливо или нет, на других, повинуюсь самым различным побуждениям, казавшимся им добрыми. Так в руках инквизитора накапливалась гора

секретных досье, которые становились угрозой для всех. После этого никто, кроме тех, кто осудил себя сам или донес на других, не чувствовал себя в безопасности. Тем более что вопреки правилам, до сих пор соблюдавшимся каноническим правом, доносчики не назывались и дознание было строго секретным.

По прошествии недели те, кто не сознавался сам, лично представляли перед инквизитором. Их допрашивали при закрытых дверях, никогда не сообщая ни того, в чем их обвиняли, ни имени доносчика. После первого допроса подозреваемого обычно заключали в темницу в ожидании приговора. В крайнем случае было возможно избежать его, признав факты обвинения. Но чаще всего подобное признание влекло за собой выдачу кого-то из братьев. Так по прошествии недели «милости», сыграв на человеческом малодушии, инквизиторы принимались играть на храбрости покорившихся. Заключив в темницу, подозреваемого оставляли там достаточно долго, чтобы полностью сломить его сопротивление. Увы, и во второй половине XX века не стоит напрягаться, чтобы представить себе подобную процедуру: мы видели ее своими глазами в действии.

Скажем только, что темницы инквизиции были особенно страшны. Подозреваемый содержался в абсолютной тайне, в камерах, часто совершенно лишенных света. Известно, что такая церковная тюрьма называлась «застенок», а заключенных в нее звали «замурованными». Это породило легенды, но не настолько уж и отличавшиеся от действительности. Разумеется, пытка была официально допущенным средством добиться признаний. Они фиксировались писцом. Если обвиняемый

впоследствии пытался их изменить, его считали еретиком, так как признание рассматривалось как начало искупления. Пойти на попятную в признании означало впасть снова в грех. Конечно, инквизитор был властен осудить даже тех, кто не сознавался, просто на основании секретных доносов. Тем не менее, как правило, старались добиться признания осужденного.

Мы не стали бы слишком настаивать на судебском характере подобной процедуры, зависевшей исключительно от воли одного человека. Приговоры, выносимые инквизитором, могли быть очень разными, начиная с простых канонических покаяний, порой, впрочем, весьма тяжких, до смерти на костре, пожизненного или временного заточения. Поскольку церковным судьям было запрещено выносить смертные приговоры, они заявляли в этом случае, что передают осужденных в руки светских властей, дабы они понесли кару за свое преступление. Это и был костер, казнь для еретиков и колдунов в течение двух столетий.

Было три основных вида осужденных:

1. Еретики «облаченные», *vestiti*, то есть члены катарского духовенства, мужчины и женщины. Если они не отрекались, их беспощадно посылали на костер. Но случаи отречения были крайне редки, хотя обращенные Добрые Люди могли получить полное прощение и даже вступить в ряды церкви ввиду важности ожидаемых от них услуг. Один из самых ужасных инквизиторов за Луарой, Робер Презренный, был прозван так за то, что был катаром, как и Ренье Саккони, которому мы обязаны очень ценными сведениями. Оба раньше были Добрыми Людьями, и оба стали доминиканцами и инквизиторами. Но, повторяю, подобные

случаи чрезвычайно редки. Огромное большинство Добрых Мужей и Жен не дрогнув выдержало пытку и бесстрашно, порой даже с радостью отправилось на смерть, потому что она означала для них освобождение от всей земной грязи. Однако их долгом было скрываться, насколько возможно, от розыска инквизиции, и мы скоро увидим, какие предосторожности на этот счет они принимали.

2. Простые верующие катарской церкви, обвиненные в участии в той или иной церемонии. От них сначала старались получить путем пристрастных допросов или даже под пыткой максимум сведений о еретиках и особенно о Добрых Людах и их убежищах. Потом их принуждали к обращению в католичество и в этом случае присуждали лишь к временному тюремному заключению или даже к простому каноническому покаянию. Но если они повторно впадали хоть в малейшей степени в свои «заблуждения», их рассматривали как еретиков и в этом качестве передавали в руки светским властям. Кроме того, в данном случае производилась конфискация их имущества. Их дети также лишались наследства, ибо церковное законодательство считало, что грехи отцов падут на детей.

3. Наконец, те, кто рассматривался как пособники ереси. Это были мужчины и женщины, помогавшие так или иначе скрываться катарам и вальденсам. Чтобы ускользнуть от инквизиторов, была создана целая тайная сеть. Она состояла из тех, кто принимал у себя еретиков, *receptatores haereticorum* — они встречались во всех классах общества: знать, крестьяне, ремесленники и даже порой священники. Другие обеспечивали тайное снабжение Добрых Людей: среди них были *nuncii*,

доверенные лица еретиков; *dictores*, служившие им проводниками и сопровождающими в ходе их беспрестанных пастырских разъездов; *quarestores* или *depositarii*, хранившие деньги церкви, так как последняя, понятно, не могла больше и помышлять, как некогда, об открытом владении имуществом, получая от верующих взносы и денежные дары. Но это, видимо, были относительно крупные суммы, из которых состояли знаменитые сокровища, собранные в замке Монсегюр. У инквизиции тоже были свои тайные агенты, *exploratores*, старавшиеся разоблачить еретиков и их сообщников. Без труда можно представить (тем более что мы жили во время оккупации в почти такой же атмосфере) климат недоверия, царивший тогда на всем Юге. Хотя катары в принципе чуждались всякого насилия, они не всегда возбраняли своим сторонникам наказывать некоторых негодяев. Так что среди открытой войны подспудно шла война тайная, охватившая всю страну. Симпатии большей части населения, включая и католиков, были, без малейшего сомнения, на стороне гонимых. Достаточно прочесть протоколы инквизиции, чтобы заметить, что последняя с большим трудом разоблачала Добрых Людей, что предполагает сеть сообщников гораздо более широкую, чем собственно тайная организация.

Пособники ереси подвергались самым тяжелым наказаниям. Сначала от них пыткой старались добиться как можно больше признаний. Потом их искушали, обещая прощение, если только они согласятся служить инквизиции. Так что всех, кого выпускали на свободу, следовало остерегаться. Уделом прочих, упорствующих, которых, как представляется, было большинство, становилось пожиз-

ненное заключение или смерть с конфискацией имущества.

Удивительно, как в этих условиях катарам и вальденсам удалось так долго продержаться, и можно только восхищаться спокойным героизмом этих всюду преследуемых мужчин и женщин, опасных для всех, кого им приходилось встречать, и тем не менее не прекращавших своих проповедей и странствующего служения. Когда верующий оказывался у порога смерти и требовал *Consolamentum*, всегда находился кто-то, с риском для жизни отправлявшийся за Старцем для совершения этого обряда. Часто Добрые Люди занимались врачеванием, что позволяло им вполне естественно находиться подле больных. Другие торговали вразнос, третьи были ткачами, и дело доходило до того, что само это ремесло становилось в глазах инквизиторов подозрительным.

Инквизиция не ограничивалась преследованием живых. Она занялась еще и мертвыми, и именно это, думается, вызвало сильнейшую ненависть населения. Имена умерших мужчин и женщин, окруженных всеобщим уважением и похороненных в освященной земле, произносились на инквизиторском трибунале, и если их уличали в ереси и обвиняли, агенты инквизитора производили эксгумацию их останков и публично их сжигали. Эти омерзительные и мрачные расправы вызывали неоднократно народные волнения, особенно в Тулузе и Альби.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Инквизиция прежде всего сильна пассивностью запуганного общественного сознания и поддержкой светских властей. Однако если в крайнем случае чувствами простого люда можно было и пренебречь, все обстояло иначе, когда против неправых приговоров восставали могущественное городское бюргерство и корпорации, да еще при поддержке высшей власти. Речь идет, разумеется, не о сенешальствах Бокера и Каркассона, прямо зависящих от короля. Но иное дело — земли Раймона VII. Хотя мы уже говорили, что он не больно благоволил к ереси, однако же и его не меньше других задевали чудовищные злоупотребления инквизиторов. Тем более что последние, ломая террором дух его народа, стремились не столько привести его в лоно церкви, сколько оторвать от законного сеньора, все еще пребывающего под подозрением. Полностью клерикальный историк Жан Гиро пишет: «Нарушая Парижский мир (в Мо), они (инквизиторы) подозревали всех, кто некогда в силу обстоятельств относился к окружению графа Тулузского, и оправдывали всех, кто с ним сражался, даже если те и были виновны. Иногда они вызывали на свой суд обвиняемых за пределы графства Тулузского, дабы по прибытии задержать их, а если они не объявятся, отлучить от церкви и обвинить в ереси. Они преследовали католиков за поступки, совершенные до заключения мира, и наказывали как за личное прегрешение за жалобы Святому престолу (апелляции являлись бесспор-

ным правом христианина, даже единственной действенной защитой от инквизиции, хотя редко кто мог к ним прибегнуть). “Похоже, они трудятся больше над тем, чтобы ввести в заблуждение, чем чтобы прийти к истине, ибо вызывают волнения в стране и своими бесчинствами настраивают население против монастырей и священников”».

Так выражался граф Тулузский в своем письме к папе Григорию IX в 1234 г., то есть два года спустя после учреждения инквизиции. Папа 22 ноября ответил двумя посланиями, направив одно своему легату, второе — графу Тулузскому. Он старался умерить рвение инквизиторов. Но папские послания не возымели ощутимого действия, и в Тулузе в 1235 г. произошли очень серьезные инциденты. Гийом Арно вызвал в свой трибунал как пособников ереси двенадцать важных особ города. Они же с одобрения графа и тулузских консулов отказались явиться. Поскольку Гийом Арно упорствовал в их преследовании, консулы взяли приступом доминиканский монастырь и сами изгнали Арно. Тот укрылся в Каркассоне, откуда предал анафеме консулов. Но дело на этом не закончилось, и все доминиканцы тулузского монастыря, за исключением больных, были изгнаны бюргерами из города. По этому поводу Григорий IX отправил очень суровое письмо Раймону VII, считая его ответственным за происшествие в Тулузе, так как граф действительно обязался в Мо оказывать покровительство церквям и духовенству. Одновременно папа сообщил французскому королю о поведении его вассала.

Здесь нет возможности останавливаться на деталях постоянно возникающих конфликтов. Папа то угрожает графу, то уступает его просьбам,

назначая помощниками доминиканских инквизиторов францисканцев, слывших менее жестокими. Тем не менее инквизиция продолжала свое дело, и Гийому Арно, в частности, ничто не мешало из своего убежища в Каркассоне выдвигать новые обвинения. Со своей стороны, население защищалось как могло, расправляясь с инквизиторами. И тут мы подходим к трагической сцене, последствия которой были поистине огромны: я говорю об избииении инквизиторов в Авиньонé.

Два войска незримо стояли тогда друг против друга: с одной стороны — инквизиторы и их подручные, с другой — еретики, укрывшиеся в крепости Монсегюр. Этот замок зависел от графов де Фуа и располагался на крутой скале, охваченной кольцом гор: позиция, делавшая его если не совсем неприступным, то, по крайней мере, трудным для захвата. Атака с ходу была почти невозможна, равно как и полное окружение такой большой горы. Поэтому королевское войско в 1234 г. не осмелилось его осадить. Замок принадлежал сестре графа де Фуа, знаменитой Эсклармонде, которая сама была «облаченной» еретичкой и смело оставила его в качестве убежища всем своим братьям и сестрам. Возвращаясь из своих опасных и изнурительных поездок по стране, растоптанной слугами инквизиции, Добрые Мужы и Жены находили в Монсегюре спокойное и тихое пристанище. И пока держался Монсегюр, дело катаров не было окончательно проиграно. После смерти Гилабера де Кастра, одной из самых великих личностей среди катарского духовенства, судьбами своей гонимой церкви с высот крепости стал руководить епископ Бертран Марти. Тут он принимал посланцев со всех частей Европы. Он поддер-

живал тесные связи с укрывшимися в Ломбардии, так как Добрые Люди и верующие обрели в Северной Италии край, где могли свободнее исповедовать свою веру, и именно туда во множестве они и отправлялись.

Монсегюр не был ни городом, ни даже поселением: этот странный замок представлялся тогда святым ковчегом, недоступным бурям, победно возвышавшимся над бушующими волнами. Он подходил на духовное царство, куда в минуты самой тяжкой тоски и отчаяния обращались взоры южан. Несокрушимая, невзирая на унижение своего сеньора, Тулуза да Монсегюр — вот и все, что оставалось у попранного народа. Конечно, королевская власть от Каркассона до Бокера стояла прочно. Но еще можно было надеяться на поворот судьбы, ведь граф де Ла Марш¹ по-прежнему ненавидел Капетингов. Юный английский король Генрих III становится мужчиной и, уж конечно, когда-нибудь попытается отомстить за поражения своего отца. И даже далекий император Фридрих II оказал сопротивление непреклонному папе.

¹ *Де Ла Марш* — Гуго X де Лузиньян (уб. 1249).

ПРЕДПРИЯТИЕ ТРАНКАВЕЛЯ

Возможно, достаточно было выждать какое-то время, чтобы рассеять кошмар. Именно так думал Раймон VII, подписавший договор в Мо лишь для того, чтобы получить необходимую передышку. Но вот другие торопились. Одной из самых невинных жертв крестового похода стал, несомненно, Транкавель, сын Раймона-Роже, без малейших на то оснований лишенный отцовского наследства. Сам он укрылся в Арагоне, где некогда воспитывался. На мгновение победы Раймона VII вернули ему Каркассон, но очень скоро он снова его потерял. На этот раз город отошел не Монфору, а королю Франции. Нападение на сенешаля Каркассона — предприятие рискованное, на которое можно было решиться, только имея все шансы на успех, а главное, в тесном союзе с графом Тулузским. Но стон родного края, конечно же, смущал ночной покой молодого виконта. Достаточно прочитать донесения комиссаров, впоследствии посланных Людовиком Святым на Юг, чтобы понять: французы слишком часто вели себя в сенешальстве Бокера и Каркассона как в завоеванной стране, творя совершенный произвол над южанами. На Юге глухо закипал гнев, к тому же большинство сеньоров-файдитов¹ жило в ожидании восстания, которое восстановит их в своих правах. Прежде

¹ От слова *файда* — частная война между феодалами.

всего надо назвать Оливье де Терма, охранявшего проходы из Руссильона в Лангедок. С ним мы еще неоднократно встретимся. Однако существовала давняя традиция соперничества между Раймондинами и Транкавелями, которую, увы, не могли уничтожить даже самые великие беды.

Юный Транкавель не удосужился скоординировать свои действия с действиями графа Тулузского и в апреле 1240 г. призвал к восстанию всех бывших вассалов своего отца. Сначала триумфальный поход двинулся к Каркассону. Все крепости и замки края сдались в несколько дней молодому виконту, приблизившемуся в сентябре к стенам Каркассона. В ночь с 8 на 9 сентября жители предместья открыли Транкавелю ворота. Тридцать три священника, возвращавшиеся в Нарбонн, были перебиты, несмотря на охранную грамоту от виконта. Я намеренно подчеркиваю эту жестокую черту антиклерикализма, потому что она показывает, до какой степени народ отождествлял дело церкви с французской оккупацией. Иначе и быть не могло после договора в Мо. Чисто национальная фаза конфликта заканчивается в 1229 г. Отныне южане сражаются как за религиозную свободу, так и за политическую независимость. Никогда катарская церковь не была так активна, как в 1240–1244 гг., что нисколько не означает, что она охватила весь Юг. Поведение французов в обоих сенешальствах и особенно методы инквизиции объединили всех в единой ненависти к представителям и римской церкви, и французского короля.

Чтобы победить в своей отчаянной вылазке, молодому Транкавелю следовало бы быстро захватить Каркассон, где заперся сенешаль Гийом де

Орм с архиепископом Нарбоннским Пьером Амьелем и епископом Тулузским Раймоном дю Фога, изгнанным из своего епископского города. Сенешаль потребовал от Раймона VII помощи в соответствии со статьями договора в Мо. Граф Тулузский попросил время на размышление и не явился. Если он и не помог Транкавелю, то, по крайней мере, не покрыв себя позором, сражаясь с ним. Но король быстро снарядил в помощь войско под командованием Жана де Бомона. Предприятие Транкавеля удалось бы, если бы город был захвачен до прихода Жана де Бомона, но виконт Транкавель, несмотря на многочисленные атаки, не смог его взять. 11 октября ему пришлось снять осаду, чтобы укрыться в Монреале, где его в свою очередь скоро осадили. Благодаря посредничеству графа Тулузского и графа де Фуа ему и его сторонникам сохранили жизнь, но повсюду был тут же установлен французский порядок. Что же касается бурга Каркассона, то он оставался безлюдным до 1247 г., когда Людовик Святой велел его отстроить, но теперь по другую сторону реки Од. Здесь начало современного Каркассона с его строгой планировкой, столь характерной для королевских укреплений.

Если бы Раймон VII, нарушив договор в Мо, отправился на помощь Транкавелю, возможно, дела бы приняли иной оборот. Но граф Тулузский терпеливо вынашивал другие планы, и поражения Транкавеля не могли его от них отвлечь. Он развелся со своей первой женой Санчей Арагонской, неспособной подарить ему других детей, и рассчитывал жениться на Маргарите де Ла Марш. Она была дочерью графа де Ла Марша, ставшего

мужем вдовы Иоанна Безземельного¹ и собиравшегося вовлечь своего пасынка Генриха III Английского в коалицию 1242 г. Именно тогда, в мае 1242 г., произошло избиение инквизиторов в Авиньонé, ставшее для южан сигналом к новому мятежу. Дело стоит того, чтобы рассказать о нем более подробно, потому что оно прекрасно демонстрирует умонастроения южан после десяти лет деятельности инквизиции.

¹ *Изабелла Ангулемская* была невестой Гуго де Лузиньяна и воспитывалась в его доме. Приехавший на свадьбу как сеньор графа де Ла Марша Иоанн Безземельный увез ее с согласия графа Ангулемского. После смерти короля она опять вернулась к первому жениху, которому родила еще троих сыновей.

АВИНЬОНÉ И МОНСЕГЮР

Авиньонé — маленькая крепость между Вильфранш-де-Лораге и Капельнодари, командование которой Раймон VII поручил Раймону д'Альфару, арагонскому дворянину. По матери он приходился Раймону VII племянником, а по жене, Гильеметте, внебрачной дочери Раймона VI, — зятем. Он всегда был образцом преданности, и мы увидим, что его поступки были одобрены графом Тулузским. Если ответственность Раймона VI за убийство Пьера де Капельно весьма сомнительна, то вину Раймона VII за избиение в Авиньонé нельзя отрицать. Однако Иннокентий IV¹, недавно сменивший Григория IX, намного скорее простил Раймону VII убийство инквизиторов, чем Иннокентий III Раймону VI — смерть Пьера де Капельно. Основания к тому могли быть самые разные, но одно, видимо, заключается в том, что римская курия сама знала, до какой степени стали ненавистны инквизиторы, особенно Гийом Арно, главная жертва Авиньонé.

Из Сореза, где он производил особо строгое дознание, Гийом Арно и его соратники поехали в Пруй отдохнуть на несколько дней. Затем они направились в Авиньонé, который всегда и не без оснований считали активнейшим центром катаризма. Но Раймон д'Альфар в полном согласии со своим сеньором решил воспользоваться случаем

¹ *Иннокентий IV (Синибальдо Фиески)* — папа римский в 1243–1254 гг.

и покончить с Гийомом Арно. Едва Раймон д'Альфар узнает о скором визите инквизиторов, он тут же через верного посланца предупреждает Пьера-Роже де Мирпуа, который командовал Монсегюром вместе с Раймоном де Перейя, чтобы тот со своим отрядом приехал в Авиньонé. Странно, однако, что Раймон д'Альфар, вместо того чтобы действовать самому, призывает людей из Монсегюра, хорошо понимая, какой опасности их подвергает. Удивительно также и то, что для убийства нескольких безоружных людей потребовалось вызвать такой многочисленный отряд и принять массу предосторожностей.

Наверно, бесполезно пытаться разрешить все эти загадки. Может быть, Раймон д'Альфар пытался скрыть причастность своего сеньора и свою собственную. Несомненно лишь то, что инквизиторы вызывали невероятный ужас. Люди, решившиеся на подобное опасное дело, знают, что покушаются на самую всемогущую римскую церковь. Если их рука в момент удара и не дрогнула, они почти наверняка испытывали страх, тем более сильный, что опасность была неопределенной, но не была неожиданной. Инквизиторы, Гийом Арно и его коллега-францисканец Этьен де Сен-Тибери в сопровождении двух доминиканцев при Гийоме Арно, Гарсиаса д'Ора из диоцеза Комменж и Бернара де Рокфора, францисканца Раймона Карбона при Этьене де Сен-Тибери, заседателя трибунала, где он, вероятно, представлял епископа Тулузского, и, наконец, Раймона Костирана, архидьякона из Лезá, которым помогали клирик по имени Бернар, нотариус, составлявший протоколы допросов, двое служащих (*nuncií*) и, наконец, некий Пьер Арно, быть может, родственник Гийома Арно, — итого

одиннадцать человек, сила которых заключалась лишь в вызываемом ими ужасе. Возникает вопрос, каких же таинственных войск опасались нападавшие, принимая такие тщательные предосторожности? Инквизиторы со свитой прибыли в Авиньонé накануне Вознесения. Раймон д'Альфар принял их с почестями и поместил в доме графа Тулузского, который был расположен в северо-западном углу городских укреплений.

Житель Авиньонé Раймон Голарен тот же час покидает город и встречается с тремя рыцарями из Монсегюра, которые в сопровождении многочисленных сержантов, вооруженных секирами, стояли у лепрозория за городом. Они предприняли большие предосторожности, чтобы не привлечь ничьего внимания. Затем они с сержантами подошли к стенам Авиньонé, но вернулся в город один Голарен, чтобы узнать, что делают инквизиторы. Голарен несколько раз ходил туда и обратно, пока наконец не сообщил, что инквизиторы после вечерней трапезы отправились спать. Тогда рыцари и сержанты с секирами вошли в городские ворота, открытые жителями. Внутри они встретили Раймона д'Альфара и маленький вооруженный отряд. Ударами секир они вышибли двери залы замка и зарубили инквизиторов, вышедших со своей свитой под пение «*Salve Regina*» навстречу убийцам.

Когда рыцари покидали город, чтобы присоединиться к своим соратникам, стоявшим на страже снаружи, Раймон д'Альфар призвал народ к оружию, подав сигнал к восстанию. Прочие заговорщики возвращались в Монсегюр под приветственные крики жителей, уже узнавших о резне. Например, в Сен-Феликс их встретил кюре во главе своих прихожан. Как мы видим, речь идет не об отдельном акте мщения, но о заранее под-

готовленном заговоре. Если и были приняты необычайные предосторожности, то для того, чтобы инквизиторов не предупредили, потому что резня должна была стать сигналом к восстанию во всех землях графа Тулузского. Может быть, Раймон VII постарался обеспечить активное соучастие людей из Монсегюра для полной уверенности, что с ним заодно и все, кого они представляют.

Здесь волнует не акт возмездия, известный нам по оккупированным врагом странам. Отметим также исполненную достоинства храбрость инквизиторов. Эти безжалостные люди знали, чем рисковали. Если что-либо и может оправдать их поведение, то только присущее им сознание того, что они призваны на смертельную битву, и готовность умереть за свою веру не меньшая, чем у тех, кого они посылали на костер. На землях графа Тулузского они подвергались постоянной опасности, но отважно шли ей навстречу. Кого меньше всего в этой истории, так это трусов. Жители Монсегюра тоже знали, что в случае поражения они дорого заплатят за резню в Авиньонé. Тогда все взоры были обращены к Раймону VII, от него зависело, превратится или нет эта трагедия в кровавую зарю освобождения.

Граф Тулузский долго, с 1240 по 1242 г., вынашивал идею коалиции против французского короля. И если он не поддержал Транкавеля в 1240 г., то только потому, что его дипломатические труды были еще далеки от завершения. Наконец, 15 октября 1241 г. Раймон VII, кажется, может рассчитывать на содействие или, по крайней мере, сочувствие королей Арагона, Кастилии¹, английского

¹ Фернандо III (1217–1252) — король Кастилии и Леона с 1230.

короля, графа де Ла Марша и даже императора Фридриха II. Решено атаковать капетингские владения одновременно со всех сторон: с юга, востока и запада. Но граф Тулузский внезапно заболел в Пенн д'Ажене, и Гуго Лузиньян, граф де Ла Марш, начал нападение, не дожидаясь его. Людовик Святой дал молниеносный отпор. В два дня, 20 и 22 июля 1242 г., в Сенте и Тайбуре французский король разбил короля Англии и графа де Ла Марша. Генрих III бежал в Блайю, затем в Бордо, и дело отныне проиграно, несмотря на новое победное движение на Юге, инспирированное избиением в Авиньонé. У Раймона VII не было иного выхода, кроме как заключить с королем Франции 30 октября 1240 г. мир в Лорри. На обороте оригинала грамоты, сохранившейся в Национальном архиве, можно прочесть следующие слова, написанные шрифтом XIII в.: «Humiliatio Raimundi, quondam comitis Tholosani, post ultimam guerram» — «Унижение Раймона, некогда графа Тулузского, после окончания войны». Граф уступал королю крепости Брам и Саверден и добровольно оставлял Лораге.

Отныне оставалась лишь крепость Монсегюр, и ей не замедлили отомстить за резню в Авиньонé. Сначала попытались использовать для этого самого Раймона VII, которому пришлось в конце 1242 г. окружить крепость. Граф Тулузский не только не имел ни малейшего желания брать Монсегюр, но, наоборот, передал осажденным просьбу продержаться до Рождества, потому что тогда он будет в состоянии их поддержать. В этой ситуации сенешаль Каркассона Гуго дез Арси решил сам начать осаду крепости. В мае 1243 г. он подошел

к Монсегюру. Поскольку нечего было и думать о взятии крепости приступом, Гуго дез Арси ограничился окружением замка, чтобы взять его голодом. Но подобная блокада оказалась малоэффективной: осенние дожди позволили осажденным запастись водой на достаточно долгий срок. Не рисковали они и остаться без продовольствия, так как долго копили продукты, всегда опасаясь осады. Хотя на этой затерянной горной вершине сосредоточились многие сотни людей, у них было все необходимое, да и связь с внешним миром никогда не прерывалась. По ночам люди постоянно поднимались в Монсегюр, присоединяясь к защитникам. Какой бы мощной ни была осаждающая армия, она не могла этому помешать хотя бы потому, что действовала во враждебной стране. Сочувствие всего местного населения было на стороне осажденных. Блокады оказалось недостаточно для взятия крепости.

Прямой приступ оставался делом чрезвычайно трудным. Отряд, штурмовавший по самому доступному склону, рисковал быть перебитым стрельбой из крепости. К ней можно было подобраться лишь по крутому восточному хребту, к которому вели горные тропинки, известные только местному населению. Тем не менее именно отсюда пришла погибель Монсегюра. Возможно, один из жителей края предал своих и открыл французам труднейшую дорогу, которой можно было добраться до непосредственных подступов к крепости. Баскским горцам, набранным для этой цели Гуго дез Арси, удалось взобраться на самую вершину и захватить барбакан, выстроенный с этой стороны для защиты замка. Это произошло где-то около

Рождества 1243 г. Однако осажденные продержались еще много недель. Они сумели вывезти знаменитые сокровища Монсегюра по дороге, которая была намного труднее захваченной французами при штурме барбакана. Им помогли в этом сообщники из осаждающего войска, частью состоявшего из местных жителей. Сокровища спрятали в пещерах Сабарте, где позднее укрылись последние катары. С тех пор эти сокровища вызвали любопытство настолько же сильное, насколько и безрезультатное. Их следы так никогда и не нашлись. Возможно, кое-какие сведения о них содержались в тех текстах, которых нам так сильно недостает для изучения доктрины катаров. Речь, вероятно, шла о значительных суммах, собранных катарами в Монсегюре за предшествующие годы. С падением крепости важно было сохранить церковь, для чего деньги и предназначались. В свидетельских показаниях Эмбера де Сала́ перед инквизицией говорится о *resuniam infinitam*, огромном количестве монет.

Отныне дни Монсегюра были сочтены. Епископ Альби Дюран, бывший, сдается, великим инженером, поставил на месте разрушенного барбакана катапульту, сделавшую существование осажденных невыносимым. Не помогло и оружие, построенное Бертраном де ла Баккалариа, инженером катаров. Пьер-Роже де Мирпуа, житель Авиньонэ, предпринял все усилия, чтобы изгнать французов из барбакана и сжечь их машину. Но гарнизон с большими потерями отступил, а атаку осаждавших, взобравшихся на площадку перед замком, удалось с большим трудом отбить.

На следующее утро, в последний день февраля 1243 г., на стенах Монсегюра затрубили рога: гар-

низон соглашался на переговоры. Все странно в этой кончине Монсегюра. Неудивительно, что люди, героически защищавшиеся в течение девяти месяцев, понесшие большие потери и больше не надеявшиеся, вопреки щедрым заверениям Раймона VII, на какую-либо помощь, запросили перемирия в сражении. Они так поступили, конечно, с полного согласия Добрых Людей и особенно епископа Бертрана Марти, истинного коменданта крепости. Странно другое — то, что осаждавшие, практически победители, согласились на переговоры и не потребовали полной и безоговорочной капитуляции. Это объясняют истощением самих осаждающих к концу исключительно долгой блокады. Объяснение кажется мне не совсем убедительным. Монсегюр был обречен и, конечно, не смог бы оказать сопротивление новому приступу. Но смешанное войско, действующее во враждебной стране, имея в тылу такого государя, как Раймон VII, бесспорно, не могло позволить себе безжалостного обращения с побежденными. Можно даже предположить, что Людовик Святой, начиная тактику сближения, которая позднее стала его политикой, дал указания своему каркассонскому сенешалю.

Условия капитуляции требовали от Добрых Людей отречения от ереси и исповеди перед инквизиторами под угрозой костра. Взамен защитники Монсегюра получали прощение за все свои прошлые ошибки, включая избиение в Авиньонé, и, что еще подозрительнее, за ними признавали право сохранить крепость в течение двух недель со дня капитуляции, лишь бы они выдали заложников. Это неслыханная милость, и примеров, подобных ей, мы не знаем. Можно задаться вопросом,

почему ее даровали, но еще интереснее, на каком основании ее испросили. Воображению самых трезвых историков не возбраняется вновь пережить с побежденными эти две недели глубокого умиротворения, последовавшего за громом сражения и предшествующего жертвоприношению Добрых Людей.

Ибо, кто бы они ни были, из условий капитуляции их исключили. Чтобы снискать прощение, им надо было отречься от веры и своего существования. Никто из Добрых Людей и не помышлял об этом. Мало того, в необычайной атмосфере, царившей в Монсегюре в течение двух торжественно провозглашенных недель, многие рыцари и сержанты просят и получают Утешение, то есть сами осуждают себя на костер. Конечно, епископ и его клир пожелали в последний раз отпраздновать вместе с верующими, с которыми их скоро разлучит смерть, Пасху, один из величайших праздников катаров. Добрые Мужы и Жены, приговоренные к костру, благодарят тех, кто так отважно их защищал, делят между ними оставшееся имущество. Когда читаешь в делах инквизиции о простых церемониях и действиях катаров, нельзя не почувствовать сурового величия их религии. Подобные заблуждения влекли за собой мученичество. Но ни к какому мученичеству не готовились так долго, как к тому, которое претерпели катары в Монсегюре 16 марта 1243 г. Следует признать, что влияние этой религии на умы было очень сильным, раз одиннадцать мужчин и шесть женщин предпочли смерть и славу вместе со своими духовными наставниками жизни в обмен на отречение. Еще больше волнует, если только это возможно, другое. Ночью 16 марта, когда вся равнина

еще была наполнена едким дымом, поднимавшимся от костра, Пьер-Роже де Мирпуа устроил побег из уже сданной крепости четырем спрятанным Добрым Людям, «дабы церковь еретиков не лишилась своих сокровищ, спрятанных в лесах: ведь беглецы знали тайник...» Они названы в преамбуле, и можно верить, что они пошли на это не добровольно. В случае, если бы осаждавшие что-либо заметили, Пьер-Роже рисковал разрывом договора о капитуляции и жизнями всего гарнизона. Уместно спросить, каковы причины столь странного поведения: ведь сокровища Монсегюра были уже укрыты, и те, кто их унес, естественно, могли их и отыскать. Может быть, было два сокровища: одно — только материальное, его сразу унесли; второе, полностью духовное, сохранялось до конца в Монсегюре, и его спасли лишь в последнюю минуту. Выдвигались всякие гипотезы, и, разумеется, ни одна из них не подкреплена никакими доказательствами. Доходили до утверждения, что Монсегюр — это Монсальват из легенды о Граале, а духовное сокровище, спасенное под покровом ночи — не что иное, как сама чаша Грааля¹.

Вероятно, главная тайна Монсегюра никогда не будет раскрыта, хотя систематические поиски в горах и пещерах, может быть, прольют некоторый свет². Не лучше осведомлены мы и о том, каким образом 16 марта отделили тех, кому было суждено умереть на костре, от всех прочих. Возможно, Добрые Мужы и Жены содержались отдельно от других и сами сознавались инквизиторам, братьям

¹ См. прим. на с. 55.

² Известно, что такие поиски начались летом 1961 г. и что они будут возобновлены (прим. авт.).

Феррьеру и Дюранти, тщетно предлагавшим обращение в католическую веру. Там происходили самые печальные сцены разрыва семейных связей. Среди осужденных была Корба, жена Раймона де Перейя, одного из комендантов крепости. Она оставила своего мужа, двух замужних дочерей, сына и внуков и дожидалась смерти, только в последний момент, 14 марта, приняв *consolamentum*. Корба собиралась умереть вместе со своей матерью, Маркезией, и больной дочерью, также «облаченной». Эта героическая женщина отказалась от мира живых, избрав общество осужденных.

А потом Добрых Мужей и Жен, числом более двух сот, французские сержанты грубо приволокли на крутой склон, отделявший замок Монсегюр от поля, которое с тех пор называли Полем Сожженных. Раньше, по крайней мере в Лаворе, холокост бывал еще страшнее. Однако народная традиция и история согласны в том, что «костер Монсегюра» превосходит по значению все прочие, ибо никогда жертвы не поднимались на него с такой готовностью. Его не сооружали, как в Лаворе, Минерве или Ле-Кассе, в грубом опьянении победой. Две предшествующих недели перемирия превратили его в символ как для гонителей, так и для гонимых. Таким символом стал и замок Монсегюр, столь странный по архитектуре, что скорее казался святилищем, чем крепостью. В течение многих лет он возвышался над Югом подобно библейскому ковчегу, где в тиши горных вершин катарская церковь продолжала свое поклонение духу и истине. Теперь, когда достопочтенного епископа Бертрана Марти и все его духовенство, мужчин и женщин, предали огню, показалось, что, хотя духовное и вещественное сокровище церкви спасено,

суровое сияние, озарявшее сопротивление Юга, утасло с последними углями этого гигантского костра.

На этот раз я согласен с Пьером Бельперроном, который, рассказав о падении Монсегюра, пишет: «Взятие Монсегюра было не более чем полицейской операцией крупного масштаба. Она имела лишь местный отзвук, да и то преимущественно в среде еретиков, главным прибежищем и штаб-квартирой которых был Монсегюр. В этой крепости они были хозяевами, могли безопасно собираться, советоваться, хранить свои архивы и сокровища. Легенда по праву сделала из Монсегюра символ катарского сопротивления. Однако она оказалась неправа, делая из него также и символ лангедокского сопротивления. Если ересь часто и переплеталась с борьбой против французов, то символом последней может быть только Тулуза».

КОНЕЦ РАЙМОНА VII

И действительно, после взятия Монсегюра борьба продолжалась. Катары не остались совершенно без укрытия, так как владели почти неприступным замком Керибюс в Корбьерах, взятым только в 1255 г. Папа Иннокентий IV отбросил робкие попытки прощения, к которым он прибегал в начале своего понтификата, и инквизиция удвоила рвение. Раймон VII тратит последние годы жизни на подспудную борьбу против договора в Мо, подтвержденного соглашением в Лорри. Именно в лице этого тулузца Пьер Бельперрон по праву видел символ национального сопротивления. Но положение графа чрезвычайно сложно. Чтобы победить, ему надо было разъединить интересы французов и интересы церкви. Это было особенно сложно в правление Людовика Святого, который принуждал графа Тулузского самому становиться гонителем с риском оскорбить чувства своих подданных. Сын, как и отец, стал жертвой своего непостоянства; быть может, это было не столько чертой характера, сколько следствием ситуации. Раймон VI благоволил к катарам, но никогда не решался вступить в открытую борьбу против римской церкви и поддержать церковь национальную и народную.

Это было совершенно невозможно по трем причинам: с одной стороны, каким бы ни было влияние катаров, они, по-видимому, никогда не представляли большинство населения; с другой стороны, если бы это и было так, их доктрина непро-

тивления не годилась для национального сопротивления. Наконец, было просто невозможно выступить против римской церкви, в особенности в начале XIII века. Как мог преуспеть граф Тулузский там, где потерпели поражение могущественные германские императоры, где сломался Фридрих II? Тогда следовало принять другое решение — то, что приняли, например, арагонские короли: искренне стать на службу церкви, которая в этом случае не отказала бы графу Тулузскому в своем высочайшем покровительстве. Раймон VI, как мы видели, не решился принять чью-либо сторону и таким образом спровоцировал создание коалиции церкви и французской короны. Надо ли его порицать за подобные колебания и неспособность решиться ни на политику безрассудно рискованную, ни на политику, всем ненавистную? Не думаю. Но как бы их ни оценивать, колебания Раймона VI могли привести лишь к поражению, а колебания Раймона VII сделали его неотвратимым.

На самом деле Раймон VII никогда не испытывал глубокой симпатии к катарам. Он был добрым католиком и даже неоднократно пытался снискать милость церкви, преследуя Добрых Людей. Но и дать волю подобным чувствам он не мог, опасаясь вызвать недовольство своих подданных. С другой стороны, церковь никак не поощряла действия графа Тулузского, которые вели к ущербу французской короне. Раймон VII хорошо понял это, вынашивая планы женитьбы на четвертой дочери Раймона Беренгьера, графа Прованского. «Четыре дочери было у Раймона Беренгьера и все королевьи», — писал Данте в шестой песне «Рая»¹. Три

¹ Перевод М. Лозинского: «Рамондо Берингьер четыре царства дал дочерям» — не совсем точен.

старших были замужем: Маргарита — за Людовиком Святым, Элеонора — за Генрихом III Английским, а Санча — за Ричардом Корнуэльским, королем Римским¹. Четвертой была Беатриса, которой Раймон Беренгьер оставлял графство Прованское. Если бы Раймон VII женился на ней, то воссоединил бы Прованс и Лангедок, зажав королевские сенешальства Каркассон и Бокер между своими прованскими и лангедокскими владениями; по Провансу он стал бы вассалом императора, а если бы Беатриса подарила ему сына, то при благоприятных обстоятельствах смог бы оспорить и договор в Мо.

Граф Тулузский договорился об этом браке с графом Прованским. К несчастью, Раймон Беренгьер 19 августа 1245 г. умер, и пока послы Раймона VII старались при помощи церкви убрать канонические препятствия к браку, мать Беатрисы и ее опекуны Ромье де Вильнев и Альбер Тарасконский договорились о браке с родным братом французского короля Карлом Анжуйским². Пока Иннокентий IV тянул с разрешением на брак, Карл Анжуйский с войском прибыл отпраздновать свадьбу, состоявшуюся 21 января 1246 г. Церковь все больше и больше склонялась к политике тесного альянса с Капетингским домом, очень скоро сделавшего из Карла Анжуйского короля Обеих Сицилий. Трубадур Гильем де Монтаньяголь так выразил разочарование южан: «Единственное, что

¹ Ричард, герцог Корнуэльский (1209–1272) — сын Иоанна Безземельного, брат Генриха III. Участник крестового похода Людовика IX в 1240 г. В 1243 г. женился на дочери Раймона Беренгьера, в 1257 г. избран римским королем.

² Карл Анжуйский (ум. 1285) — король Сицилии и Неаполя с 1268 г., потерял Сицилию в 1282 г. (Сицилийская вечерня).

меня тревожит, — это вид Прованса, принявшего другое имя. Его преступление таково, что его назовут землей предательства, ибо сменил он благородного и храброго сеньора на дурного, тем самым потеряв свою честь».

Итак, вокруг Раймона VII и Тулузы все рушилось. В том же 1246 г., 22 августа, Транкавель, «именуемый виконтом Безье и Каркассона», отправился изъявить свою покорность епископу Каркассонскому и французскому сенешалю. Окончательное соглашение заключили 7 апреля 1247 г. в Безье. Бывший виконт получил от короля Франции пенсиян в 600 ливров, выделяемых сенешальством Бокер, и обязался принять крест. Мы стоим уже на пороге крестового похода Людовика Святого, и король отныне ничего, кроме Святой земли, не видит. Одновременно со своим сеньором покорился Оливье де Терм и обещал отправиться вместе с королем. Возможно, и мелкие сеньоры бывших транкавельских доменов последовали этому примеру. Таким образом, 1247 годом можно датировать не только перестройку Каркассона, о которой мы уже говорили, но и окончательную и бесповоротную аннексию Францией бывших транкавельских доменов.

Что же теперь оставалось делать Раймону VII? Он также когда-то обещал по договору в Мо отправиться в крестовый поход, и если до сих пор не сдержал своего обещания, то теперь такая возможность предоставлялась. В 1247 г. он отъехал ко двору Людовика Святого, где был прекрасно принят королем и его матерью. Он подтвердил свое обязательство последовать за королем, и взамен ему вернули титул герцога Нарбоннского и выде-

лили 30 тыс. ливров на расходы. Церковь со своей стороны брала его под свое покровительство в течение всего пребывания на Святой земле. Чувствовалось, что отныне наступают иные времена. Авторитет французского короля, готовившегося к освобождению Гроба Господня, был как никогда велик. Думается, искренне и даже с энтузиазмом собираются последовать южные сеньоры в землю, где некогда прославился Раймон де Сен-Жиль. Возможно, там они в новом военном товариществе даже позабудут претензии, питавшие их ненависть к французам. В частности, именно это произошло, как мы увидим, с Оливье де Термом, неровная карьера которого столь характерна для этих великих перемен на Юге.

Раймону VII оставалось недолго жить, и он умер до того, как исполнил свой обет. В ожидании он удваивает гонения на еретиков и соглашается со всеми канонами собора в Безье (1246 г.), выработавшего меры против них. Он предписывает своим подданным в память об убитых инквизиторах Авиньонэ присутствовать на проповедях доминиканцев и францисканцев, сообщает папе о приходе в его домены новых пастырей из Италии, венчая все приказом сжечь на своих глазах в Ажене восемьдесят катаров. 25 августа 1248 г. граф Тулузский в Эг-Морте¹ приветствует Людовика Святого, отъезжающего на Восток; на другой год он снова там, чтобы поприветствовать своего зятя и дочь, отбывающих следом. Сам он, кажется, не решается последовать за ними. 22 августа 1249 г. Раймон VII в Милло; здесь его и настигает болезнь, унесшая

¹ *Эг-Морт* — деревня близ Нима, где Людовик IX построил порт. Отсюда он отправлялся в седьмой и восьмой крестовые походы.

его в могилу в возрасте пятидесяти двух лет 27 сентября 1249 г. Он умер, исполненный самых христианских чувств. Единственное, чего он не добился, — это разрешения церкви захоронить в христианской земле останки Раймона VI, умершего отлученным. Сам Раймон VII попросил похоронить себя в аббатстве Фонтевро, подле своих родственников по материнской линии, Генриха II и Альеноры Аквитанской.

Набальзамированное тело Раймона VII медленно переправили по воде из Милло через Альби, Гайак и Рабастен в Тулузу. Оттуда по Гаронне его доставили в аббатство Паради в Ажене, откуда в следующем году, по хорошей погоде перевезли в Фонтевро. «Господу было угодно, — пишет Гийом де Пюилоран, — чтобы Раймон, прежде чем исчезнуть навеки из мира сего, проехал по всем своим равнинным краям, расположенным к западу, дабы оплакал последнего графа Тулузского по прямой линии весь народ его земли».

Немного ниже хронист, описав нам церемонию перенесения тела в Паради, добавляет: «Жалостно было слышать до и после этой церемонии причитания, видеть слезы народа, оплакивающего своего сеньора, умершего, не оставив прямого потомства. Так было угодно Господу нашему Иисусу Христу отомстить стране за ересь, коей она была заражена, лишив народ того, кто бы им управлял».

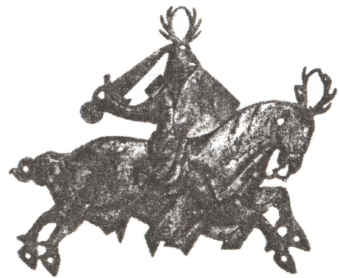
Патриотизм переплетался тогда с верностью династии. Раймона VII оплакивали не за то, что он был добрым государем, но за то, что он был последним в своем роду. Вместе с ним исчезала всякая надежда на то, что Тулуза останется столицей независимого и суверенного государства. Останки государя, медленно плывшие под похо-

ронный звон по рекам его страны мимо подавленного населения, символизировали великую несостоявшуюся судьбу. Но история никогда не останавливается и продолжается после самых пышных похорон. К Тулузскому графству, исчезающему в течении воды вместе с останками своего последнего графа, и французскому Лангедоку, которого еще нет, можно отнести знаменитые стихи Корнеля:

«Великая судьба начинается, великая судьба заканчивается...»

Глава V

ФРАНЦУЗСКИЙ ЛАНГЕДОК

ПРАВЛЕНИЕ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО И АЛЬФОНСА ДЕ ПУАТЬЕ (1249–1271)

После смерти последнего графа из дома Раймондинов Альфонс де Пуатье и Жанна Тулузская без малейших затруднений вступили во владение графством. Они были в крестовом походе с Людовиком Святым, но все взяла на себя Бланка Кастильская, регентша королевства. Хотя в Фенуйедских горах, на границе с арагонским Руссильоном, еще держался замок Керибюс, укрывавший нескольких катарских пастырей, можно считать, что после отречения Транкавеля и смерти Раймона VII французское господство над всем краем стало бесспорным.

Но почти все надо было начинать сначала, чтобы эта область, больше чуждая, нежели еретическая, действительно присоединилась к королевству. К примеру, было бы достаточно, чтобы у Альфонса Пуатье и Жанны Тулузской было потомство, и новый графский дом мог снова обрести опору в местном сепаратизме. Для французского единства было великой удачей, что этот брак остался бездетным. Конечно, сюзеренитет Франции над графством Тулузским никогда серьезно не оспаривался, и если бы двум последним Раймонам вздумалось подчиниться Арагону или Англии, это осталось бы лишь попыткой без особых последствий.

Следует, однако, отметить, что Франция в начале XIII в., как и Германия или Италия, — не более чем географическое понятие. Высшему суверену королевства, королю, повиновались лишь на севере Центрального массива. Замена Монфоров на Капетингов в бывших транкавельских фьефах, образование французских сенешальств в Бокере и Каркассоне, утвержденное договором 1229 г., были первым удачным и прочным приобретением королевского домена на Юге. Отныне эта область зависит от Парижа теснее, чем Шампань или Бургундия, которые расположены ближе. Автономии самого графства Тулузского или того, что от него оставалось, постоянно угрожает наличие французской администрации в Каркассоне. Людовик Святой, отправляясь в крестовый поход, совершает важный политический акт: аббатство Псалмоди он меняет на побережье, где позже возникнет Эг-Морт. Король хотел иметь на средиземноморском побережье французский порт. Таким образом королевский домен пыгается стать королевством от моря

до моря. Франция перестает быть географическим понятием, а становится политическим единством. Она еще не стала единым государством в современном смысле слова, но никто не сделал больше, чем Людовик Святой, чтобы ускорить это преобразование.

Он в высшей степени обладал чувством справедливости и находил, что это к тому же лучшая и самая плодотворная политика. Он поддерживал всеми силами инквизицию, понимая, что единство королевства — это прежде всего единство религиозное, но при этом испытывал отвращение к мести и считал, что сеньоры-файдиты, все преступление которых состоит в верности своим сюзеренам, несправедливо обобраны. Таким был, например, случай Оливье де Терма, история которого прекрасно иллюстрирует то, о чем я говорю.

Он родился в 1197 г. от Раймона де Терма и Эрмесинды де Курсавин. Раймон де Терм, прочно обосновавшийся в Корбьерах, владелец одного из самых сильных замков области, успешно противостоял в одиночку то арагонскому королю, своему южному соседу, то виконту Безье и Каркассона, своему соседу северному, прямым вассалом которого он был, то графу Тулузскому. Его владения были чем-то вроде независимого княжества между Тулузой, Каркассоном и Перпиньяном. Впрочем, он был очень склонен к ереси, и похоже, что к тому времени, когда Симон де Монфор в 1210 г. осадил его замок, там не отправляли католического культа более тридцати лет. Крепость оказала сильнейшее сопротивление, и в конечном счете Симон де Монфор сумел взять ее, только добившись капитуляции. Раймона де Терма заключили в одну каркассонскую башню, а что случилось с его сыном, которому тогда было тринадцать лет, — неизвест-

но. Но мы вновь встречаем его в 1227 г. Теперь ему уже тридцать и он поступил на службу к Раймону VII, доверившему ему охрану замка Ла-Бесед в Лораге. Этот изгнанник, подобно многим другим, рассчитывает только на войну, чтобы отвоевать потерянное наследство. Однако, оставив крепость Ла-Бесед, которую осадил сеньшаль Каркассона Юмбер де Боже, в 1228 г. Оливье де Терм примиряется с церковью.

Все говорит о том, что это примирение было глубоко искренним, так как поведение Оливье де Терма всю оставшуюся жизнь убедительно свидетельствовало о его набожности. Тем не менее он не отказывается от мысли возвратить потерянные домены, и его позиция хорошо демонстрирует, что религиозное примирение — это одно, а политическое — совсем другое. В 1240 г. Оливье де Терм в первых рядах примет участие в неудачной аванюре Транкавеля. В 1242 г., во время восстания Раймона VII, его снова отлучит от церкви архиепископ Нарбоннский, и очень похоже, что это последнее отлучение имело скорее политические причины, чем религиозные. Таким образом, Оливье де Терма можно считать выдающимся образцом местного патриота. Только в 1247 г. он окончательно подчинился вместе с Транкавелем.

Почти сразу же начинается крестовый поход, куда Оливье де Терм, у которого больше нет ничего на земле, сопровождает Людовика Святого. Сеньор, лишенный владений, примет участие во всех сражениях короля, покроет себя славой, как, например, в Сирии, под стенами Белинаса, который был Кесарией Филиппа, где спасет Жуанвиля¹ из очень

¹ Жуанвиль, Жан (1224–1317) — сеньшаль Шампани, участник похода 1248–1254 гг. Автор мемуаров.

затруднительного положения. Но лучше процитировать здесь сенешаля Шампани: «Когда монсеньор Жан де Валансьен услышал об опасности, в которой мы оказались, он явился к монсеньору Оливье де Терму и прочим военачальникам из его края и сказал им: “Сеньоры, именем короля прошу вас и приказываю, чтобы вы помогли мне освободить сенешаля”. Покуда он так волновался, монсеньор Гийом де Бомон подошел к нему и изрек: “Вы зря стараетесь, ибо сенешаль мертв”. А он (Оливье) ответил: “Мертв он или жив — об этом я сообщу королю”. Потом он тронулся в путь и пришел к нам, на гору, куда мы поднялись; и как только он появился у нас, так велел, чтобы я пришел с ним поговорить; и я так и поступил. Тогда Оливье де Терм сказал, что мы в великой опасности, ибо если мы будем спускаться или подниматься, то не сможем этого сделать без больших потерь, поскольку склон очень плохой и сарацины нас сомнут. “Но если вам угодно мне поверить, я освобожу вас без потерь”. Я ему ответил, чтобы он объяснил, чего он хочет, и я это сделаю. “Я вам скажу, — продолжал он, — как нам спастись. Мы отправимся отсюда вдоль этого склона, как если бы собирались двигаться к Дамаску; а сарацины, что находятся там, решат, что мы хотим на них напасть с тыла. А когда мы окажемся на этих равнинах, то прищпорим лошадей, и поскачем вокруг города, и перейдем ручей прежде, чем они смогут до нас добраться. И, однако же, мы нанесем им большой урон, так как подожжем сжатые хлеба, что посреди полей”. Мы поступили так, как он объяснил; и он велел взять тростник, из коего делают дудки, положить внутрь угли и

выдуть их на сжатые хлеба. И так Бог спас нас благодаря совету Оливье де Терма».

Влияние этого крестового похода и созданного им братства по оружию на искреннее примирение сеньоров-файдитов с властью трудно переоценить. Бесспорно, нет лучшего средства примирения, как смешать за морем тех, кто был врагами дома. Если задуматься об этом, станет понятным, что крестовый поход Людовика Святого, каким бы неудачным он ни был, тем не менее послужил его политике умиротворения на Юге. Король даже смог проявить признательность за оказанные услуги: в 1250 г. в Сен-Жан-д'Акре король вернул Оливье де Терму замок Агилар и всю область Термене, за исключением самого замка Терм. Двумя годами позднее, когда в Яффе возникла ссора между рыцарями-южанами, посланными Альфонсом де Пуатье, и госпитальерами¹, король послал их рассудить Оливье де Терма.

Но в 1254 г. все же пришлось вернуться, и почти тотчас же Оливье де Терм включается в одну из последних военных операций — осаду Керибюса в 1255 г. Предпринятая Пьером д'Отеем, сенешалем Каркассона, осада оказалась трудной. В марте 1256 г. комендант крепости Шабер де Барбера был захвачен благодаря Оливье де Терму и получил жизнь в обмен на сдачу крепости. Поведение Оливье де Терма в этих обстоятельствах весьма походит на измену. Но он настолько перешел на сторону короля, что, несомненно, счел: пусть лучше Арагон оспаривает у Франции естественную границу по Корбьерам. Благодаря этому рыцарю

¹ Госпитальеры — рыцарский монашеский орден Госпиталя св. Иоанна в Иерусалиме, учрежден в 1118 г.

судьба Лангедока соединилась с судьбой Франции, так как взятие Керибюса не только лишило катаров их последнего надежного убежища, но и подготовило Корбейский мир 1258 г. между Францией и Арагоном. Арагон отныне отказывается от всяких претензий на земли к северу от Корбьер, за исключением сеньории Монпелье; Франция поступает так же в отношении территорий к югу и отказывается от земель, принадлежащих ей по разделу в Вердене¹. Так что Оливье де Терма можно по праву рассматривать как одного из людей, способствовавших установлению южной границы королевства.

Но его история не закончена. Вот он вернулся знатным вельможей, другом короля Франции на земли, которыми некогда управляли его предки. Но времена сильно изменились. Это уже не эпоха борьбы за независимость против сюзерена. Сенешаль Каркассона держит под непрерывным контролем самые незначительные действия вассалов. Монархическая централизация при Людовике Святом сделала огромный шаг вперед. Оливье де Терм не может с этим смириться — он принадлежит к иной эпохе. Мы видим, что с 1257 г., когда он составляет завещание, он отдает один за другим свои замки и земли в уплату за долги, которые, видимо, были огромными. Он предпочитает жить как простой человек, чем носить пустые феодальные титулы. И он смертельно скучает. Единственное лекарство — это заморская земля, о которой он, как и сам король, хранит ностальгические воспоминания. В 1264 г. мы вновь встречаем его

¹ См. прим. на с. 15 и с. 26–27.

в Акре; в 1267 г. он совершает третье путешествие на Восток и в 1270 г. присоединяется к королю под стенами Туниса. Последний раз он поедет на Восток в 1273 г. с двадцатью пятью рыцарями и сотней арбалетчиков. Там в 1275 г. он и умрет.

Я так долго рассказывал об Оливье де Терме, потому что история этого крупного южного сеньора действительно показательна. Это одна из самых прекрасных побед Людовика Святого. Никто больше него не был предан французскому королю. Он оказался даже более преданным, чем сенешаль Шампани, который не сопровождал короля в последний крестовый поход. Возможно, бывший фидит единственный разделял с королем ностальгию по Святой земле, не дававшую Людовику Святому покоя в последние годы жизни. Многое можно было бы отдать, чтобы узнать, о чем говорили эти два человека, победитель и побежденный, на чужой земле. Хотя у них были разные языки, под конец, похоже, у них было одно сердце.

Но у Людовика Святого были во Франции государственные обязанности, которые он выполнял после возвращения из Святой земли и до отъезда в Тунис с неукоснительной тщательностью. В течение первых двадцати лет своего господства над бывшими транкавельскими доменами французы в целом очень плохо себя вели. Сенешали, бальи, мельчайшие чиновники третировали южное население с беззастенчивостью победителей. Отовсюду к королю шли горестные жалобы. Не считались ни с каким дарованным правом, изобретались предлоги, чтобы взимать огромные штрафы; королевские чиновники и судьи бесстыдно захватывали все, что желали. В 1247 г., прежде чем отправиться в крестовый поход, Людовик Святой в

первый раз послал для восстановления справедливости королевских следователей, и они поработали так хорошо, что по возвращении короля в 1254 г. Юг был уже глубоко преобразован. Людовик Святой тем не менее не считал исправление дел достаточным, и в 1254 г. он посылает в сенешальства Бокер и Каркассон новых следователей, проработавших до 1257 г. Их миссия закончилась Великим ордоннансом 1259 г., надолго установившим правила управления на Юге. Их характеризуют две черты: 1) забота о правосудии в отношении жестоко страдающего населения; 2) забота о повсеместном и самом строгом укреплении королевской власти. Ничто не сделало больше для интеграции Юга во Францию, чем твердое и мудрое правление Людовика Святого.

В доменах Альфонса де Пуатье, т. е. в графстве Тулузском, дела обстояли не столь хорошо. Альфонс был государем алчным, старавшимся извлечь наибольшую возможную выгоду из своих земель. Тем не менее в подражание своему брату он проявлял некоторую заботу о соблюдении законов, так что Тулузская провинция после смерти бездетных последнего графа и графини в 1271 г. была подготовлена к последовавшему вскоре присоединению.

ОТ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО ДО СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ (1271–1337)

Если Людовик Святой и выказывал себя справедливым и доброжелательным, то все же всей своей властью он поддерживал инквизицию, и розыск еретиков, живых или мертвых, продолжался все его правление и правление его наследника Филиппа III (1270–1285) активнее, чем когда-либо. Мы тем не менее наблюдаем в течение второй половины XIII в. усиление активности катаров. Главы катарской церкви укрылись по большей части в Ломбардии, но через посредство своих *нунциев* они были тесно связаны с оставшимися в стране верующими. Жан Гиро очень справедливо сравнивал состояние катаризма на Юге в эту эпоху с положением католицизма в революцию, когда большая часть епископов эмигрировала, что не помешало неприсягнувшим священникам на свой риск продолжать деятельность.

Мы видели, что, начиная с договора 1229 г., катары создали секретную организацию. С потерей Монсегюра эта сеть не исчезла, и многочисленные доказательства этого мы находим в протоколах инквизиции. Вот, например, история Амблара Вассалья из Арифата, в Ломберской области, восстановленная по его допросу 1274 г.: в 1259 году Вассаль первый раз доносит на себя инквизитору Кастра и обвиняет себя в том, что в своем доме в Пеше в прошлом году дважды принимал ерети-

ков. Но, надо думать, катары не рассердились на него за донос, поскольку семью годами позднее, в 1266 г., тот же самый Вассаль, находившийся при смерти, призвал пастырей, дабы получить *consolamentum*. Впрочем, ему не могли его дать, потому что Вассаль утратил разум. Выздоровев, он был тотчас же по приказу инквизитора Пьера де Гатина задержан и препровожден в Ломбер. Вскоре его выпустили в надежде, что он предаст некоторых еретиков. Но этого сделать он не мог — Добрые Люди ему не доверяли, надо признать, не без оснований. Чуть позже один файдит, Пьер де Румангу, вызвал Амблара в лес. Там он оказался среди файдитов, упрекавших его в намерении их предать. Затем Пьер де Румангу предложил ему сопровождать его в Ломбардию. Вассаль отказался, и поскольку позднее инквизитор упрекал его за это свидание, он отвечал, что получил от Пестилюса и Гийома Тиссейра, агентов инквизиции, разрешение свидетелься с еретиками, дабы их предать. На самом же деле он никого никогда не предал. Чтобы уйти от постоянного надзора (потому что обе партии явно не доверяли ему), Вассалью пришлось жить в изгнании до 1274 г., когда его наконец задержали и он поведал инквизитору все то, о чем мы только что рассказали.

Можно легко умножить примеры такого рода. Они доказывают, что катарская церковь сохраняла подпольную активность и инквизиции не удавалось ее пресечь. Жан Гиро, к примеру, восстановил по реестрам инквизиции впечатляющий список лиц, присутствовавших с 1269 по 1284 г. на собраниях Доброго Мужа Пажеса. А Гийом Пажес ведь был не один, и у нас есть имена многих Добрых Людей, не перестававших весь этот период

кружить по стране. Однако если катаризм остается, несмотря на активность инквизиторов, чрезвычайно живучим, то к концу XIII в. его природа немного меняется. Прежде всего, южные дворянские роды, доселе его основная опора, или исчезли, что случалось чаще всего, или искренне обратились в католичество, как мы видели на примере Оливье де Терма. Самым верным остается народ, и по мере движения вперед во времени мы замечаем, что социальный уровень катаров, а соответственно и их культурный уровень беспрестанно снижается.

Побежденный катаризм будет долго умирать, но борьба все еще яростна в эпоху, когда катары больше не могут рассчитывать на какую-либо мирскую помощь, потому что край полностью контролируется французским королем. Они возлагают свои последние надежды на дом де Фуа, сохранивший свою независимость, но совершенно невозможно предположить, что эти сеньоры действительно хотят спасти преследуемую церковь. Что более опасно для инквизиторов, так это враждебность, которую они все больше и больше встречают со стороны южных муниципалитетов, в частности, каркассонского. Консулы этого города, среди которых Гийом Пажес, пожаловались в 1280 г. Филиппу III на злоупотребления инквизиции. Их не стали слушать; но еще не раз население обратится к королевской власти и даже к папству, чтобы умерить рвение инквизиторов. Ведь инквизиция в конечном счете сама создала свое могущество. Опираясь на епископов вроде Бернара де Кастане, знаменитого епископа Альби, самой крепкой ее опоры, инквизиция смогла позволить себе нарушать самые твердые канонические правила. Ее могущество частично опиралось на реестры, где

фигурировали имена всех подозреваемых, и не было никого, кто бы чувствовал себя в безопасности от ее сыска.

Консулы Каркассона предприняли попытку уничтожить эти списки. Это случилось зимой 1284–1285 гг. Но инквизитор Жан Галанд раскрыл заговор — бесспорно, потому, что агент инквизиции, на которого рассчитывали заговорщики, выдал их. Этот агент, Жан Лагарригю, сам был бывшим катаром, и ничто лучше не показывает, до какой степени смешались обе партии. Ни инквизиторы, ни катары не могли полностью никому доверять. И действительно, мы встречаем во всех этих историях только двойных и малонадежных агентов. Если инквизиция под конец и взяла верх, то потому, что за ней все-таки стояла власть церкви и короля. Мы сейчас увидим это яснее, чем когда-либо, анализируя действия францисканского монаха Бернара Делисье при Филиппе Красивом (1285–1314).

Родившийся в Монпелье, вступивший в 1284 г. во францисканский орден, Бернар Делисье, видимо, обладал любознательным умом. В молодости он много путешествовал, в Милане был связан со знаменитым Раймундом Луллием (1235–1315), а в Монпелье с известным лекарем и алхимиком Арнольдом из Виллановы. С другой стороны, в эту эпоху существовал жестокий конфликт внутри францисканского ордена между спиритуалами¹,

¹ В конце XIII в. орден францисканцев пережил раскол. Так называемые *спиритуалы* («вдохновенные») призывали орден вновь отказаться от всякой собственности, в духе заветов Франциска Ассизского. Те, кто поддерживал сделанное в 1279 г. изменение орденского устава, разрешившее монахам владеть имуществом, назывались *конвентуалами*. Очень скоро спиритуалы начали уп-

желавшими вернуться к строгости первоначального устава и порой тешившими себя мечтами о тысячелетнем царствии Божиим, и большинством ордена. Бернар Делисье принадлежал к группе спиритуалов и много позже был осужден под этим названием. С другой стороны, если францисканцы часто, как мы видели по инквизиторским трудам, присоединялись к доминиканцам, то в этом случае они почти всегда смягчали строгости. Наконец, почти на всех уровнях между двумя нищенствующими орденами шло глухое соперничество.

Все это надо иметь в виду, если мы хотим понять необычайно острую борьбу, которую повел против инквизиции Бернар Делисье и которая чуть было не кончилась удачей при поддержке Филиппа Красивого. Этот загадочный государь до некоторой степени шел по стопам своего деда Людовика Святого. Он не меньше, чем тот, заботился о том, чтобы навязать всем королевскую волю и навести порядок в своем домене, хотя бы и за счет церкви. В экстремальных обстоятельствах он пренебрег рядом принципов и не побоялся противопоставить самому папе суверенитет короля. Столкновение с Бонифацием VIII назревало как раз в тот момент, когда Бернар Делисье восстал против инквизиции.

рекать в искажении учения Христа, не имевшего собственности и проповедовавшего святую бедность, и саму католическую церковь. Наиболее радикальные из них дошли до полного отрицания власти папы — это течение фратичелли, или «братцев». Их истребили в XIV в., а спиритуалы просуществовали до XV в. В 1517 г. папа Лев X официально утвердил разделение ордена на конвентуалов и обсервантов — наследников идей спиритуалов. Из их среды вышло еще одно движение — капуцинов (клубуков), образовавших отдельный орден в 1619 г.

Все началось довольно банально. В конце июня 1300 г. у ворот францисканского монастыря в Нарбонне объявляется доминиканский инквизитор Николь д'Абвиль, чтобы провести дознание по поводу некоего Кастеля Фабри, умершего на руках францисканцев и похороненного среди них. Бернар Делисье, который был чтецом в Нарбоннском монастыре, начинает защищать память своего друга Фабри. Но инквизитор отказывается его слушать. В это же время по провинции едут два королевских следователя, Жан де Пикиньи, видам Амьена, и Ришар Ленева, архидьякон Ожа в церкви Лизье. Они не испытывают никакой нежности к инквизиции, злоупотребления которой отмечают, и готовы выслушать Бернара Делисье, приехавшего из Нарбонна в Альби, где с помощью епископа Бернара де Кастане свирепствует инквизитор Фульк де Сен-Жорж. Впрочем, Бернар Делисье не одинок. Его поддерживает не только его орден — он лишь выражает с блестящим красноречием чувства населения. Это больше трибун, опирающийся на местные власти и народ, чем проповедник. В нем и в Жане де Пикиньи люди видят своих освободителей от ненавистного ига, потому что францисканец говорит от имени Бога и церкви, а видам Амьенский — от имени короля.

Прежде всего обращаются к королю. Бернар Делисье в сопровождении патрициев Альби и Каркассона едет во Францию. Консулы Каркассона и Альби всегда действуют заодно. Ничего лучше этого не показывает, какой было тогда относительная независимость городов и какими были их союзы. В конце 1301 г. Филипп Красивый принимает Бернара Делисье в замке Санлис и благожелательно выслушивает его разоблачения. Бернар

Делисье говорит, что ересь давно побеждена и инквизиторы сражаются с несуществующим призраком лишь для того, чтобы продолжать пользоваться своей неограниченной властью. 8 декабря 1301 г., приказав начальникам Фулька де Сен-Жоржа отозвать его, король пишет об этом же инквизиторе епископу Тулузскому: «В то время как его долг заключался в искоренении заблуждений и пороков, он употребил свою власть лишь на их поддержку; под прикрытием дозволенного подавления он осмелился на вещи целиком незаконные, под видом благочестия — на вещи кощунственные и бесчеловечные; наконец, под предлогом защиты католической веры он совершал ужасные и омерзительные дела».

В конце концов король решает, что отныне для задержания подозреваемого требуется согласие и епископа, и инквизитора, и последний ничего не может делать только своей властью, то есть арестовывать кого бы то ни было. В случае конфликта собирают комиссию из четырех членов: доминиканского приора и чтеца, хранителя и чтеца францисканцев. Последним поручено нечто вроде контроля.

Но доминиканцы повиновались королевскому приказу лишь 29 июня 1302 г., да и Гийом де Морьер, приор Альби, назначенный вместо Фулька де Сен-Жоржа, оказался не лучше своего предшественника, а Жоффрау д'Абли из Шартра, преемник Николя д'Абвиля, был еще хуже. То есть инквизиция уступила только для видимости, и королю не хватило твердости. Новая поездка Бернара Делисье в Париж будет не такой успешной, как первая. Однако францисканский монах не падает духом. Народ поддерживает его, и Кастр потрясли

серьезные волнения, когда один священник из Ла-Плате пожелал публично отлучить от церкви Жана де Пикиньи. Вскоре после своего возвращения из Парижа Бернар, проповедуя в Кастре, заявляет: «Все могущество инквизиторов зиждется на том, что никто не осмеливается с ними бороться. Надо осмелиться и не думать, что будет потом».

Рождество 1303 г. Филипп Красивый проводит в Тулузе со своей женой Жанной Наваррской, тремя сыновьями и Гийомом де Ногаре, этим выходцем с Юга, родившимся в Сен-Феликс-де-Караман, где некогда происходил катарский собор. Возможно, у Гийома де Ногаре среди родственников были Добрые Люди. Во всяком случае, 8 сентября 1303 г. в Ананьи он вполне отомстил за оскорбления лично Бонифацию VIII. При прохождении королевского кортежа толпа, подстрекаемая Бернаром Делисье, кричит: «Правосудия! Правосудия!» Бернар еще раз увидится с королем, снова будет обвинять инквизиторов в том, что они придумывают катаров в собственных целях. Ему возражают. Он напоминает, что признания они получают посредством пытки, и король 13 января 1304 г. издаст новый ордоннанс, подтверждающий ордоннанс от 8 декабря 1301 г. Здесь прибавлено, что темницы инквизиции построены, чтобы изолировать подозреваемых, а не мучить (*ad custodiam, non ad roenam*). В начале февраля король выехал через Каркассон в Безье. Его сопровождал Бернар Делисье, а принимал суверена в этом городе Эли Патрис, один из наиболее тесно связанных с Бернаром консулов Каркассона. Патрис попытался еще раз получить поддержку Филиппа Красивого против инквизиторов, но у французского короля

в этот момент были другие заботы, как сказал без обиняков Бернару Ногаре.

Тут мы видим, как завязывается странный заговор, впрочем, оставшийся без последствий, что доказывает только то, что население Юга не было еще основательно привязано к Франции и могло при некоторых обстоятельствах смотреть на сторону. Эли Патрис и его коллега Гийом де Сен-Мартен вступают в контакт с третьим сыном короля Майорки Хайме II¹ с предложением передать ему провинцию, если он обещает защищать ее от инквизиции. Впрочем, консулы Каркассона ничего не хотели делать без поддержки консулов Альби, отказавшихся участвовать в этой авантюре. Сам король Майорки, отрекшись от своего сына, даже сообщил о заговоре Филиппу Красивому, и Эли Патриса и его друзей предали пытке. Что же касается Бернара Делисье, глубоко замешанного в деле, то его задержали во францисканском монастыре в Париже, где он не раз останавливался, когда приезжал с посольством к королю. Но его судил новый папа Климент V² (1305–1314), и он прожил долгие годы полуузником при дворе этого понтифика под покровительством кардинала-епископа Тускула. Более того, он добился от папы отправки в Альбигуа трех легатов с целью посетить тюрьмы инквизиции. Политика Филиппа Красивого и Климента V, его креатуры, как видно, была очень противоречивой, и если позднее Бернар

¹ Майорка была отвоевана у арабов королем Яковом I Арагонским в 1229 г. В 1276–1344 гг. — самостоятельное королевство, где правила младшая ветвь Арагонского дома.

² Климент V (Бертран де Го) — папа римский в 1305–1314 гг. Перенес столицу папства в Авиньон, папское владение, формально независимое от Франции.

Делисье будет осужден церковным трибуналом, то по причинам, на первый взгляд, не относящимся к его борьбе против инквизиции.

Конечно, когда в 1318 г. Бернар Делисье был арестован папой Иоанном XXII¹, первой статьёй обвинения была борьба против инквизиции. Но францисканского монаха также обвиняли в заговоре с инфантом Майорки и даже в пленении папы Бенедикта XI², предшественника Климента. Вполне очевидно, что, если бы он не совершил величайшей неосторожности, вернувшись к авиньонскому двору в сопровождении 64 спиритуалов своего ордена, чтобы требовать наказания своих противников-конвентуалов, ему никогда бы не пришлось пострадать. Иоанн XXII и в самом деле действовал с крайней жесткостью против спиритуалов — до такой степени, что 7 мая 1319 г. четверых из них сожгли в Марселе. Участь Бернара Делисье была менее сурова. После пытки он был осужден в Каркассоне церковным трибуналом; приговор смягчили, и он должен был окончить жизнь в цепях на хлебе и воде в темницах инквизиции. Там, в застенках на берегах Ода, он и умер, когда именно — неизвестно.

Инквизиция полностью торжествовала, хотя некоторое время и трепетала перед Бернаром Делисье, Жаном де Пикиньи, послом французского короля, и поднявшимся от Каркассона до Альби населением. В Каркассоне в 1302 г. под давлением народа, во главе которого стояли Бернар Делисье и Эли Патрис, Жан де Пикиньи осмелился, невзирая на угрозы доминиканской охраны, открыть

¹ Иоанн XXII (Жан Дюзз) — папа римский в 1316–1334 гг.

² Бенедикт XI (Никколо Бокасини) — папа римский в 1303–1304 гг.

застенки инквизиции и перевести измученных узников в более мягкие условия тюрем в городских башнях. Подвиг тем более замечательный, что катары далеко не исчезли, как дерзко утверждал Бернар Делисье. Напротив, это время наивысшей активности одного из их последних пастырей Пьера Отье.

Он был уроженцем Акс-ле-Терм, что в глубине Сабарте, пиренейской долины, где укрылись со своими сокровищем четверо монсегюрских беглецов. Именно там находятся знаменитые пещеры Ломбрива, служившие убежищем последним катарам. Страна по большей части была верна катарской церкви. Пьер Отье сам принадлежал к еретической, по крайней мере с 1230 г., семье. Однако, если верить рассказу инквизиторов, они с братом обратились в иную веру при обстоятельствах, напоминающих знаменитый роман о Варлааме и Иосафате¹: «Пьер и Гильем Отье были писцами, умели читать, у них были семьи и имущество. Однажды Пьер листал книгу. Внезапно пришел его брат, которому он подарил манускрипт, говоря, чтобы тот поразмыслил над каким-то отрывком. Гильем, прочитав его, заявил, что оба они теряют душу, живя такой жизнью. И Пьер воскликнул: “Ну, брат, пойдем и постараемся спасти наши души”. Сказав это, они все оставили и пошли в Ломбардию, где из них сделали добрых христиан. Потом они возвратились в Акс». Это происходило во время Великого поста 1298–1299 гг.

¹ «Варлаам и Иосафат» — популярный средневековый индийский роман, через византийское посредство ставший известным всей Европе.

Отныне вместе со своим братом, а позднее с сыном Жаком Пьер Отье беспрестанно бродил по стране до Тулузы, повсюду проповедуя и утешая. Однажды в 1300 г. его предал монах Гийом Дежан, но он был спасен своим племянником Раймоном из Родеза, доминиканцем в Памье, а на самом деле «шпионом еретиков». Спустя некоторое время предатель Дежан был сброшен в горное ущелье. В 1307 г. Бернар Ги, автор знаменитой «*Practica inquisitionem*» (Практики инквизиции), будучи инквизитором в Тулузе, яростно преследует Пьера Отье. Преданный Пьером де Люзенаком, бессовестным адвокатом, Добрый Человек был арестован. Его осудили на Тулузском соборе каркассонские инквизиторы Бернар Ги и Жоффруа д'Абли. Поднимаясь на костер, Пьер Отье воскликнул: «Если бы мне позволили проповедовать, я бы обратил весь народ в свою веру».

Таков последний великий катарский пастырь, влияние которого будет ощущаться еще через несколько лет после его смерти, особенно в диоцезе Памье, который отличался смесью антиклерикализма и южного национализма. Однажды знаменитый Бернар Сессе, епископ Памье с 1295 по 1312 гг., тот самый Бернар Сессе, который спровоцировал ссору между Филиппом Красивым и Бонифацием VIII, спросил у рыцаря Бертрана де Те, какие люди внушают ему больше ненависти, клирики или французы. Бертран ответил, что клирики, потому что они предали страну французам. Другой заявил, что господство французов ему ужасно не нравится, «потому что священники и французы — одно и то же». Жаку Фурнье, будущему папе Бенедикту XII (1334–1342), наследовавшему Бернару Сессе на престоле в Памье, при-

шло в 1318 г. создать в своем диоцезе отделение каркассонской инквизиции. Якобы именно он велел замуравить последних катаров в пещерах Ломбрива.

Катары первой трети XIV в., как мы знаем по реестрам инквизиции, были людьми скромного происхождения и малого влияния. Едва ли встретятся среди них несколько мелких сеньоров и низших чиновников. Катарская церковь постепенно уходила в неизвестность и мрак. В качестве доказательства приведу лишь пример Гилье́ма Белиба́ста, «утешенного» Пьером Отье под конец его апостольства. Он бежит в Испанию, где ведет жизнь отверженного в горах Валенсии. Тем не менее туда доберется агент епископа Памье Арно Сикр, или Байль, внушивший ему доверие, поскольку принадлежит к старой катарской семье. Но, предавая Доброго Человека, Байль думает только о возвращении своего имущества, реквизируемого инквизицией. Он убеждает Белиба́ста вернуться во Францию. Едва несчастный пастырь ступает на землю графства Фуа, как он арестован. Осужденный архиепископом Нарбоннским, Белиба́ста 1321 г. был сожжен в Вильруже, близ Каркассона.

Отныне нет больше костров для катаров, так как инквизиция их теперь не находит. Их полное исчезновение тем не менее кажется странным, тем более что одновременно мы наблюдаем аналогичный феномен в Северной Италии, так долго служившей убежищем западным катарам. Несомненно, катарская церковь была уничтожена беспощадными преследованиями, террором инквизиции. Однако есть и другая причина: изменился дух времени. Катаризм не отвечал больше современным требованиям. Невзирая на все усилия инкви-

зиции, еретики продолжают изобиливать в XIV и XV вв., но они не исповедуют открыто те же ереси. По-прежнему и более, чем когда-либо, поносят пороки и злоупотребления церкви, папство, слишком озабоченное доходами, и это будет продолжаться беспрерывно вплоть до великого протестантского раскола. Христианский мир наводнят толпы флагеллантов¹, но больше никто не ссылается на манихейские доктрины. Они выполнили свое предназначение. Возможно, на Юге они еще оставались, теперь никак уже не связанные с признанием южан, их национальной самобытностью. Прежде всего катары навлекли несчастье на Юг. Они не только оказались неспособными его предотвратить, но еще и доктрина непротivления способствовала истощению сопротивления.

Именно потому, что надо покориться поражению, именно потому, что нет никакой надежды сбросить французское господство (мы видели, как плачевно закончилась попытка каркассонских консулов обрести поддержку у короля Майорки), именно потому, что южное общество в течение столетия было потрясено до основания, следовало приспособиться к новым временам, и катаризму здесь не было места. Когда Иннокентий III начал крестовый поход против альбигойцев, его цель заключалась в возвращении к христианству области, пытающейся от него отойти. Но результат в конечном счете оказался совершенно иным, его не предвидел даже этот великий папа. Кажется, он

¹ Флагелланты (бичующиеся) — религиозное христианское движение, правозгласившее самобичевание способом совершенствования. Основоположник — Петр Дамиани (1006–1072). Расцвета достигло в XIII в. Запрещено Констанцским собором 1417 г.

больше потрудился для единства французского, нежели единства христианского. Настоящим победителем стал король Франции. Конечно, он всегда поддерживал церковь, и окончательное исчезновение катаров было ее большим успехом. Но Филипп Красивый, торжествуя над Бонифацием VIII, перенос папский престол из Рима в Авиньон, ознаменовал внезапное рождение новой реальности — национального государства, сменившего государство феодальное.

Если религиозные проблемы и остаются важными, то отныне они не на первом плане. Юг, который, вероятно, никогда не был в своем большинстве катарским или вальденским, — теперь скорее часть национальной совокупности, чем религиозного единства. Договор в Корбее надолго зафиксировал его границы со стороны Арагона. Франция обретает контуры — уже не как западная часть бывшей каролингской империи, а как страна с более четко определенными границами, относительно централизованная, с твердым управлением. Именно в пределах этой страны постепенно стихнут раздоры и забудутся дурные воспоминания. Случайно ли, например, что Филипп V Длинный (1317–1322), второй сын Филиппа Красивого, автор Салического закона, этого воистину фундаментального закона королевства, которому предстоит определять его историю на протяжении стольких веков¹, также первым не носит титула графа Ту-

¹ Филипп V (1294–1322) — король с 1317 г. Второй сын Филиппа IV. Отстранил от наследования короны свою племянницу Жанну, королеву Наваррскую, дочь своего старшего брата Людовика X (1314–1317), опираясь на закон салических франков (VI в.). Глава LIX этого закона (об аллодах, т. е. земельных наделах) лишала женщин права наследования земельных владений.

лузского? Он правит в Тулузе, как в Париже — не как наследник Жанны Тулузской, а как французский король. За пятьдесят лет его предшественники, особенно Филипп III, возвели в регионе Тулузы и Альбиджуа множество крепостей, которые стали новыми городами, построенными в ущерб местным феодалам и повсюду заявляющими о реальной власти короля. Опуская титул графа Тулузского, отныне ненужный, Филипп Длинный провозглашает окончательное единство королевства за Центральным массивом. Теперь Франция может вынести испытания Столетней войны.

ОТ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ ДО ОРДОННАНСА ВИЛЛЕ-КОТТЕРЕ (1337–1535)

Связи между нашим Югом и английской Аквитанией начались с момента водворения Плантагенетов в Бордо. Мы видели, что матримониальные связи между графами Тулузскими и двумя домами, оспаривавшими Францию, были приблизительно равноценными с обеих сторон: Раймон VI являлся сыном капетингской принцессы, в то время как матерью Раймона VII была Жанна Английская, сестра Иоанна Безземельного и Ричарда Львиное Сердце. И разве последний граф Тулузский не пожелал покоиться в Фонтевро, этом Сен-Дени Плантагенетов? Но это происходило в эпоху, когда Франция была лишь феодальным размытым пятном. Тогда можно было лавировать между двумя возможными сюзеренами, и графы Тулузские играли на их соперничестве.

В XIII в. все сильно изменилось: сначала — благодаря великим победам Филиппа Августа, потом — твердой и справедливой политике Людовика Святого и, наконец, — значительному прогрессу монархических институтов при его преемниках. Франция постепенно становится государством и нацией, в то время как Англия Плантагенетов, со своей стороны, тоже консолидируется и укрепляет после множества смут свои институты. Парламент, созданный в 1298 г., традиционно рассматриваемый как образцовый, низложил в 1327 г.

Эдуарда II¹, впервые провозгласив свою супрематию над короной. А в следующем 1328 г. Филипп Валуа² взойдет на трон в силу Салического закона. Притязания Эдуарда III, несколькими годами позднее приведшие к войне, прозванной Столетней, какими бы ни были истинными мотивы его поведения, сталкивают два уже полностью сформировавшихся королевства и две почти сформировавшихся нации. Лояльность южных народов, непосредственных соседей английской Гиени, подвергается решающему испытанию.

В иные времена южане предпочли бы английское господство по тому простому соображению, что оно их ограждало от господства французского. В 1337 г. вопрос уже так не стоит. Смена династии спустя девять лет воспринята без осложнений, хотя сразу же отметили, что Валуа, по крайней мере первые из них, очень отличались от Капетингов. Последние управляли при помощи людей малоизвестных. Сенешали Бокера, Каркассона и Тулузы были мелкой или средней знатью, всей душой преданной королю. С Валуа же в Лангедоке, как начинают тогда его называть, появляется большое правительство, возглавляемое принцами, которых королю угодно наградить за службу или подкупить, чтобы предотвратить измену. Тем не менее все это не замедляет интеграционного движения.

¹ Эдуард II (1284–1327) — внук Генриха III. Был женат на Изабелле, дочери Филиппа IV Красивого. В 1327 г. свергнут с престола баронами под прямым руководством его жены. Королем был провозглашен его сын Эдуард III (1312–1377).

² Филипп VI (1293–1350) — король Франции с 1328 г. Сын графа Карла де Валуа, внук Филиппа III. Наследовал последнему королю прямой ветви Капетингов Карлу IV, сыну Филиппа IV.

В 1338 г. Ян, король Чехии¹, которому суждено погибнуть при Креси, назначен генерал-капитаном в Лангедок; Иоанн, герцог Нормандский, сын короля, будущий Иоанн Добрый², в 1344 г. становится генеральным наместником этой же провинции. На следующий год король Майорки продает французскому королю сеньорию Монпелье, завершая таким образом объединение Лангедока от Роны до Гаронны. Все происходит так, как если бы Францию, невзирая на легкомыслие или неумение принцев, неудержимо влекло центростремительное движение. Лангедок, понятно, стремился к единству. Его не останавливали худшие несчастья: страна разграблена Ги де Комменжем, наследником Лауры де Монфор, но тем не менее герцог Нормандский собирает в 1345 г. в Тулузе первые Генеральные штаты Лангедока и в ходе новой ассамблеи 1346 г. Тулузе, наконец, разрешено возвести стены — явное доказательство того, что ее верность отныне не вызывает сомнений. Лангедокская милиция начинает сражаться с англичанами в Гиени, и если в 1347 г. Гийом де Кардайяк, епископ Сен-Папуля, уроженец английского Керси, задержан за сношения с врагом, то это единичный случай: он никого не увлек из своего окружения. Наконец, после потери Кале некоторые из бюргеров этого города обоснуются в Каркассонском сенешальстве.

Правление Иоанна Доброго (1349–1364) является одним из самых мрачных периодов лангедокской

¹ Ян Люксембург (1296–1346) — король Чехии с 1310 г. Сын императора Генриха VII, отец императора Карла IV. Его сестра Бона — жена Иоанна II Доброго.

² Иоанн II Добрый (1319–1364) — король с 1350, сын Филиппа VI. В 1356 г. проиграл битву при Пуатье и попал в плен. Подписал мир в Бретиньи с Англией.

истории. С 1347 г. в провинции появились, истребляя население, Черная смерть¹ и Черный принц², сын Эдуарда III, обосновавшийся в Бордо и направивший в Тулузу опустошительные экспедиции. Ни в одной части Франции бедствия войны не были в эту эпоху столь велики, и XIV век для нее еще тяжелее предшествующего. В самом деле, когда в 1360 г. в Бретиньи был подписан мир³, Большие роты⁴ разграбили страну еще страшнее, чем английские отряды. Но верность Лангедока не поколебалась. Провинциальные штаты предписали траур в связи с разгромом при Пуатье в 1356 г., где погибло множество лангедокских сеньоров и попал в плен король. Три южных сенешальства одни уплатят половину выкупа за него, и именно злосчастный Иоанн Добрый 21 ноября 1361 г. присоединит графство Тулузское к короне.

Упомянутый Иоанн Добрый и даже его мудрый преемник Карл V (1364–1380) постоянно будут назначать наместниками в Лангедок «сиров лилии» — Иоанна, герцога Беррийского, или Людовика, герцога Анжуйского⁵. И тот и другой рассматривают провинцию как личное достояние, которым можно оплачивать свою политику или потребности в рос-

¹ Черная смерть (1347–1353) — эпидемия чумы, начавшаяся в Крыму и вскоре охватившая всю Европу. Погибло ок. 24 млн. человек.

² Эдуард, принц Уэльский (Черный принц) (1330–1376) — старший сын Эдуарда III, выдающийся полководец.

³ По миру в Бретиньи (1360) Англия получила все владения Генриха II, а за Иоанна был назначен выкуп в 3 млн. золотых экю.

⁴ Большие роты — отряды наемников, набранные Карлом V и Дюгекленом для усиления французской армии после поражения от англичан при Пуатье.

⁵ Братья Карла V — Иоанн, герцог Беррийский (1340–1416), и Людовик, герцог Анжуйский (1339–1385), родоначальник новой Анжуйской династии.

коши. Уже опустошенная английскими вторжениями, Большими ротами, от которых Дюгеклен всеми силами пытался ее избавить, провинция обескровлена управляющими ею принцами. Однако ее верность неизменна, и в 1369 г., когда война с англичанами только что возобновилась после разрыва заключенного в Бретињи мира, часть Керси, Руэрга и соседних земель сбрасывают английское иго, а Монтобан и многие другие крепости, уступившие Англии, открывают ворота перед французским королем. Совершенно ясно, что отныне Лангедок — часть Франции, хотя он сохраняет свой язык и собственные обычаи, особенно римское право, сохранившееся до революции.

Злоупотребления герцога Анжуйского дошли до того, что в Ниме и Монпелье разразились восстания. Тогда король снял своего брата с поста губернатора и заменил его Дюгекленом¹. Но последний 13 июля 1380 г. умер близ Шатонейф-де-Рандон, в Жеводане. Король назначил на его место Гастона Феба, графа де Фуа², который сочувствовал провинции и правление которого могло бы залечить все раны, нанесенные его предшественниками. К несчастью, 16 сентября 1380 г. Карл V последовал за своим верным коннетаблем в могилу. После этого более, чем когда-либо, усилилась власть «сиров лилии». Став регентами при племяннике, Карле VI³ (1380–1422), дядья короля восемь лет ведут «правильную вырубку» королевства.

¹ Дюгеклен, Бертран (1314–1380) — крупнейший полководец, коннетабль Франции.

² Гастон Феб, граф де Фуа (1331–1391).

³ Карл VI (1386–1422) — король с 1380, страдал шизофренией.

Лангедок достается Иоанну, герцогу Беррийскому. Но Гастон Феб, поддержанный населением провинции, отказывается уступить пост губернатора. Между обоими принцами начинается война. Это, собственно, не национальная война, как в предшествующем столетии, а борьба против возможности ужасных злоупотреблений. Хотя в битве при Ревеле Гастон Феб оказался победителем, в конечном счете он уступает провинцию герцогу Беррийскому, который в 1382 г. немедленно налагает на нее тяжелейшие налоги.

Ответом было восстание тюшенов¹, южная Жакерия, сходная по характеру с великим крестьянским движением, залившим кровью на Севере королевство Иоанна Доброго. В диоцезах Нима и Магелона происходят массовые выступления крестьян, их в большей или меньшей степени поддерживает даже бюргерство некоторых городов, и, таким образом, мы наблюдаем на Юге явление, аналогичное тем, которые в тот же период залили кровью Фландрию и Англию Ричарда II². Конечно, народ восстает не впервые; но восстания конца XIV в. охватывают столь большие территории и широкие слои населения, что занимают особое

¹ Тюшены («лесные люди») — французские крестьяне, восставшие в 1382 г. на Юге. К ним присоединились ремесленники многих городов Юга, а также несколько дворян, ставших военными предводителями. Восстание, вылившееся в настоящую крестьянскую войну, было вызвано резким повышением налогов, а также грабежами наемных отрядов. Тюшены боролись с королевскими чиновниками, с феодалами, городской верхушкой и с англичанами. В 1384 г. восстание было жестоко подавлено, но отдельные очаги существовали до 1390 г.

² Ричард II (1367–1400) — король Англии в 1377–1399 гг. Сын Черного принца, свергнут с престола своим родственником Генрихом IV Ланкастером.

место в нашей истории. Если бы восставшие координировали свои усилия и взяли верх, могла бы измениться вся история Западной Европы. Но герцог Беррийский одолел тюшенов и воспользовался этим, чтобы наложить на провинцию огромные штрафы. Со своей стороны, англичане заняли ряд крепостей в Альбижуа, и более сорока тысяч человек эмигрировало в Арагон. В это же время Ричард II подавил восстание Уота Тайлера¹, а Филипп Смелый, герцог Бургундский², разбил фламандцев при Роозбеке (1382)³. Такое совпадение во времени следует отметить: оно показывает, что Юг Франции еще раз был вовлечен в широкое международное движение. Только на этот раз речь шла не о религиозных или национальных требо-

¹ Уот Тайлер (Кровельщик) в 1381 г. возглавил восстание в Кенте и Суссексе. Восставшие захватили несколько монастырей и замков и дошли до Лондона, ворота которого им открыла городская беднота. Во время переговоров с лорд-мэром 20 ноября 1381 г. Тайлер был убит, а вскоре был схвачен и казнен и второй вождь восстания — Джек Стро (Соломинка). Восстание было жестоко подавлено. Оно было одним из проявлений еретического движения лоллардов, требовавшего реформы церкви, в том числе богослужения на родном языке. Восстание было одной из причин, по которым знать, вначале поддерживавшая лоллардов, стала относиться к ним с подозрением, а в 1399 г. начались преследования лоллардов.

² Филипп Смелый (1342–1404) — герцог Бургундии с 1360, сын Иоанна II.

³ При Роозбеке (Вестрозебеке), деревне близ Куртре, 27 ноября 1382 г. произошло генеральное сражение между французским войском под командованием Карла VI и коннетабля де Кюиссона (а не Филиппа Смелого) и фламандским ополчением, которым руководил Филипп Артевельде. Этим боем завершилась война фламандских городов с графом Людовиком Мальским, начатая в 1378 г. Вследствие поражения фламандцев и гибели Артевельде города вынуждены были пойти на соглашение с Людовиком, а в 1384 г. заключили мир с его наследником и зятем Филиппом Бургундским, и Фландрия вошла в состав Бургундского герцогства.

ваниях, а о требованиях социальных, удовлетворенных лишь через много столетий.

Когда с 1388 по 1392 гг. Карл VI взял лично на себя управление королевством, могло показаться, что наступили лучшие времена правления его отца. Он отобрал провинцию у герцога Беррийского и в 1389–1390 гг. отправился туда сам исправлять несправедливости. Если верить Фруассару¹, молодой король якобы был очарован приветливостью своих лангедокских подданных, каковым он дал в губернаторы мудрого маршала Сансерра². Но этот губернатор-исправитель правил недолго, и в 1401 г. провинция вернулась в руки герцога Беррийского, управлявшему ею почти постоянно до самой смерти (1416 г.). Дом Вессет так заканчивает надгробное слово ему: «Лангедок мог только радоваться, избавившись от его тирании».

Несчастья Франции не закончились, а с ними и несчастья Лангедока, судьба которого отныне неотделима от судеб французской нации. Герцог Бургундский попытался перетянуть провинцию на свою сторону, но напрасно. Ее еще раз разграбили в результате войны домов Фуа и Арманьяков³; но по договору в Труа в 1420 г. она окончательно отходит буржскому королю⁴, заявившему о ней,

¹ *Фруассар Жан* (1333–1400) — французский хронист.

² *Сансерр, Луи* (ум. в 1402 г.) — маршал Франции с 1369 г., коннетабль с 1397 г., участник всех сражений Дюгеклена с англичанами. В 1372–1375 гг. участвовал в освобождении Пуату и Сентонжа, в 1380 г. вместе с Клиссоном занял Гиень, в 1390 г. освободил Перигор.

³ *Арманьяки* — партия Людовика Орлеанского, брата Карла VI, соперничавшего с герцогом Бургундским в борьбе за влияние на сумасшедшего Карла VI. Названа по имени графа Арманьяка, сторонника Людовика.

⁴ *Буржский король* — Карл VII (1403–1460). Сын Карла VI. Под дав-

что это «самый цельный член», сохранившийся в его королевстве. Лангедок немало помог в отвоевании королевства, и для 1443 года дом Вессет смог уже описать институты провинции, которые почти не изменятся до самого конца Старого режима, хотя все большая централизация управления постепенно лишит Штаты Лангедока и муниципалитеты их реальной автономии. Тем не менее Лангедок до конца останется провинцией с сословным представительством, т. е. областью, хозяевами которой оставались ее представители, не имевшие права лишь повышать налоги и во всяком случае решать вопросы их раскладки.

Взятие Бордо в 1453 г. полностью освобождает Лангедок от английского соседства, приносившего ему столько страданий. Жак Кёр¹, посланный королем на Юг для восстановления тулузского парламента, расширяет свои коммерческие дела в направлении Востока, развивает одно время активность в Латте, бывшем порту Монпелье, устраивает в Монпелье красильню, интенсифицирует соляные разработки на побережье, словом, расширяет связанные с приморским положением возможности провинции, развитию которых долго мешало соперничество между графом Тулузским, виконтом Каркассона и Безье и арагонским королем. Людовик XI² уничтожает дом Арманьяков, на время завоевывает Руссильон (возвращенный Арагону

лением англичан был лишен права наследования, но в войне возвратил престол.

¹ Жак Кёр (ум. 1456) — парижский мясник, разбогател на торговле с Востоком. Ссужал деньгами будущего Карла VII, при нем стал королевским казначеем (1440–1451). Был обвинен знатью в государственной измене и изгнан, имущество конфисковано.

² Людовик XI (1423–1485) — сын Карла VII, король с 1483.

Карлом VIII)¹ и, отдав своему брату Карлу² в апанажи области к западу от Гаронны, окончательно фиксирует границы провинции с этой стороны.

Конечно, на этой картине много темных теней, начиная с упадка языка, лишь в малой степени приостановленного созданием в Тулузе в 1324 г. «Цвета развлечений»³, первым лауреатом премии которого стал Арнауд Видаль из Кастельнодари⁴. Век трубадуров миновал, так же как и век катаров. Памятники этой эпохи, из которых наиболее знаменит собор Сент-Сесиль в Альби, строившийся с 1277 по 1480 гг., больше не имеют сугубо местного колорита, но особо ярко отражают положение Лангедока XIV–XV вв., тесно и окончательно связанного с Францией, но еще не совсем слившегося с нею.

¹ Карл VIII (1470–1498) — сын Людовика, король с 1485.

² Карл Французский (1446–1472) — брат Людовика; оппозиционная знать противопоставляла его королю. Был герцогом Беррийским, Нормандским, Аквитанским.

³ «Цвет развлечений» — объединение семи трубадуров, поначалу называвшееся Коллежем веселой учености. Первое собрание состоялось в ноябре 1323 г. Учредил свою премию — Золотую фиалку, ежегодно присуждавшуюся лучшему поэту. В 1694 г. преобразован в Академию цвета развлечений, существующую до сих пор.

⁴ Автор поэмы, восхвалявшей Деву Марию.

ПОСЛЕДНИЕ СТОЛЕТИЯ МОНАРХИИ

Характеры и судьбы сменяющих друг друга королей различны, но медленное усиление централизации управления происходит почти без перерывов. И, бесспорно, важнее Итальянских войн был ордоннанс 1535 г. из Вилле-Коттере, изданный при Франциске I¹. Он предусматривал, в частности, чтобы впредь юридические документы, до сих пор издаваемые на латинском языке, писались на французском по всему королевству. Таким образом, употребление французского языка становилось обязательным для всех местных администраций. До тех пор на Юге документы издавались на языке «ок». Но в годы, последовавшие за изданием ордоннанса Вилле-Коттере, почти все управленческие книги на Юге очень быстро начинают заполнять по-французски. В результате старый и славный местный язык перестает быть письменным, а французский становится обычным языком не только знати, бывающей при блестящем дворе последних Валуа, но и чиновной буржуазии. С этого времени лангедокский язык становится лишь разговорным и быстро распадается на местные диалекты. И по сей день он остается народным языком, то есть в основном языком тех, кто не умеет ни читать, ни писать; мало-мальски культурный человек пишет и говорит по-французски.

¹ Франциск I (1494–1547) — первый король из Ангулемской ветви Валуа с 1515 г.

Здесь можно было бы и остановиться, отметив, что ордоннанс Вилле-Коттере ставит окончательную точку в южном сепаратизме. Отныне Лангедок — часть Франции, с тем же статусом, что и Нормандия или Бургундия. Однако он сохраняет некоторые своеобразные черты, не замедлившие проявиться во время великого кризиса религиозных войн. Почти с самого начала Реформация в форме кальвинизма находит между Роной и Гаронной, приблизительно в тех местах, где некогда процветали учения катаров и вальденсов, многочисленных приверженцев. Первая мысль, приходящая на ум: мы присутствуем при воскрешении средневековых ересей после двух столетий забвения. Многие протестанты сами думали так, и поэтому, например, один из их пасторов, красноречивый Наполеон Пейра, в прошлом веке стал защитником альбигойцев. Следует, однако, присмотреться поближе. Тогда мы заметим, что области распространения протестантизма не в точности совпадают с теми, где когда-то проявилось наибольшее влияние катаров. Ним, к примеру, в средние века всегда был католическим городом. В целом можно сказать это же и об области Севенн. А ведь там протестантизм сразу же имел наибольший успех.

Правда, все происходило немного иначе в некоторых частях Альбижиа. К примеру, мы видим, что в Рокекурбе, в Кастрé, совсем рядом с холмом Сент-Жюлиан, где недавно были открыты несомненные следы существования катарского культа, к моменту прихода Реформации была еще жива какая-то память о нем. Г-жа Пулен, руководившая раскопками холма, пишет: «Два первых пастора реформатской церкви, назначенные в Рокекурб,

столкнулись внутри собственной церкви с тем, что некое ядро верующих возражает против возведения храма. Было ли это связано с желанием “поклоняться в духе и правде” или с привязанностью к другому святилищу?»¹

возможно катарское происхождение подобного сопротивления, ибо никакого другого святилища, кроме Сент-Жюлиан, здесь быть не может. Эта вероятность еще больше увеличивается, если мы заметим, что прозвище одного из этих первых протестантов было Катарель, а один из его предков в завещании 1538 г. отказал имущество своей дочери Эсклармонде. Это женское имя, известное только по дому Фуа XII–XIII вв., не было в ходу и также свидетельствует о сохранении неких традиций.

Впрочем, странным было бы как раз их отсутствие, и в наши дни поиски в фольклоре провинции следов верований, почти стертых временем, имеют определенный успех. Итак, за редким исключением, прямой связи между последними катарами и первыми протестантами нет. Однако несомненно и то, что долгая деятельность инквизиции развила на Юге стойкий антиклерикализм, который еще не раз проявится в течение грядущих столетий. Подобное состояние духа, бесспорно, благоприятствовало первым проповедникам Реформации, но очень опосредованно. Действительно, если память о катарах частично и сохранилась, то не в образованных классах, а к Реформации прежде всего присоединились они или, по крайней

¹ Poulain Elisabeth. Les sanctuaires successifs de Sainte-Juliane et le village de Saint-Martin-des-Buis. Albi: Impr. coopérative du Sud-Ouest. 1956.

мере, часть их. В плане географическом во времена Лиги¹ мы видим, что Лангедок буквально разрезан пополам: восточная часть провинции вокруг Нима — протестантская, в то время как западная, с Тулузой и Каркассоном, — лигистская. Картина, почти обратная той, что мы наблюдали во времена крестового похода против альбигойцев.

Политические соображения сыграли здесь такую же роль, как и собственно религиозные тенденции. У двух враждующих Лангедоков есть общая черта: они надеются на восстановление муниципальных свобод, постепенно урезанных прогрессом монархической централизации. Но в то же время с протестантской стороны власть старается вернуть городской патрициат, опирающийся на мелкое дворянство, а со стороны католической тон задает простонародье, находящееся под влиянием монахов-лигистов. В политическом плане, как и в религиозном, мы наблюдаем борьбу с полной переменной фронтов: Тулуза, бывшая столица ереси, — теперь самый строго-ортодоксальный город, который стремится опереться на Испанию Филиппа II², как некогда принимал в своих стенах Педро II Арагонского. То же мы видим еще раз, и в совершенно ином контексте: религиозный сепаратизм и сепаратизм провинциальный не совпадают и на сей раз даже противостоят друг другу. Оба Жуайеза, герцог и его брат капуцин, тот брат Анж, который «брал, бросал, снова брал то кирасу, то

¹ Лига католическая в 1576 г. была создана герцогом Гизом для борьбы с королем Генрихом III под видом защиты католицизма. Запрещена, возобновлена в 1585 г. Создана в 1609 г. на землях Священной Римской империи.

² Филипп II Габсбург (1527–1598) — король Испании с 1576 г.

власяницу», подчинились лишь в 1596 г. по договору в Фолембре¹, почти накануне Нантского эдикта 1598 г.²

Истинный характер этого великого акта Генриха IV³ часто недооценивали. В ту эпоху никто не представлял, что две различных конфессии могут мирно сосуществовать внутри одного и того же государства. Став католиком, но не имея возможности уничтожить протестантскую Францию и не желая этого, Генрих IV решил создать путем Нантского эдикта внутри католической монархии настоящую протестантскую республику, признающую власть короля, но в остальном самостоятельную, со своими ассамблеями и крепостями. В Кастре была «палата эдикта», т. е. суд, состоящий наполовину из католиков, а наполовину из про-

¹ *Герцог Жуайез и капуцин брат Анж* — в 1596 г. одно и то же лицо. Это Анри де Жуайез (1567–1608). В молодости граф де Бушаж, в 1587 г. постригся в монахи после смерти жены, Катрин де Лавалетт, и принял имя «отец Анж». В 1592 г. покинул монастырь (после смерти его брата Анна в 1587 г. титул *герцога де Жуайез* перешел к нему) и встал во главе отрядов Католической лиги в Лангедоке. Примирившись с Генрихом IV, был назначен губернатором Лангедока. В 1600 г. вернулся в монастырь. Из его братьев в это время был жив еще один — Франсуа де Жуайез (1562–1608), с 1582 г. кардинал и архиепископ Нарбоннский, позже протектор Франции в римской курии, архиепископ Тулузский, архиепископ Руанский и папский легат во Франции; может быть, под вторым братом надо понимать его. По *договору в Фолембре* в январе 1596 г. герцог Майеннский, вождь Католической лиги, подчинился Генриху IV.

² *Нантский эдикт* от 13 апреля 1598 г. был издан королем Генрихом IV после его перехода в католичество и коронации в Париже. Он гарантировал гугенотам свободу вероисповедания и богослужения (кроме как в Париже), равные с католиками права на замещение государственных должностей, право иметь свои крепости, самим набирать войска и собирать налоги. Последнее было особо важно для Юга.

³ *Генрих IV Бурбон* (1553–1610) — король Наварры с 1572 г., король Франции с 1594 г.

тестантов. Она обязана была разбирать все споры, возникающие между католиками и протестантами. Крепостями последних были, в частности, Ним и Монтобан; они могли рассчитывать на активную поддержку местных феодалов и некоторых муниципалитетов, таких, как муниципалитет Монпелье, города, где некогда собиралось столько соборов и приверженность которого к католицизму ни разу не поколебалась во времена катаров.

Отныне католики — надежные союзники монархии Бурбонов. Это протестанты предпримут слабые попытки добиться если не самостоятельности, то, во всяком случае, автономии во время смут в малолетство Людовика XIII¹. Это Анри де Роган², зять Сюлли³, властвует в Нижнем Лангедоке, опираясь на Севенны. Король должен прибыть лично, чтобы начать осаду Монпелье, но город добьется права сохранить свою крепостную стену и консулов. Война возобновилась при Ришелье⁴, когда великий кардинал осаждал Ла-Рошель. Роган еще раз поднял Нижний Лангедок и Севенны. В конечном итоге он отстоял веротерпимость, признанную алесским «эдиктом милости» (27 июня 1629 г.)⁵, но вместе с тем Лангедок потерял свои

¹ Людовик XIII (1601–1643) — король Франции с 1610.

² Анри де Роган (1579–1638) — герцог, гугенот, полководец. После смерти Генриха IV — глава гугенотской партии. Участник Тридцатилетней войны.

³ Сюлли, Максимилиан де Бетюн (1560–1641), герцог де — протестант, финансист, первый министр Генриха IV, с 1634 — маршал Франции. Автор книги о правлении Генриха IV и мемуаров.

⁴ Ришелье, Арман дю Плесси (1585–1642) — кардинал, первый министр в 1624–1642 гг.

⁵ Алесский эдикт милости был издан королем Людовиком XIII после взятия Ла-Рошели королевскими войсками под командованием кардинала Ришелье. Он ликвидировал все политические права и свободы гугенотов, но оставлял им свободу вероис-

последние политические свободы. Штаты продолжали существовать, и Лангедок так и останется до конца Старого режима провинцией с сословным представительством; но на деле Штаты — не более чем декоративный орган, а облагаемый налогом доход, как и раскладку налогов, определяют королевские чиновники. Отчасти именно это вызвало последний мятеж в Лангедоке, мятеж его собственного губернатора Анри де Монморанси в 1632 г.¹ У этого эпизода два аспекта: с одной стороны — интриги Гастона Орлеанского, брата короля, мало интересовавшие провинцию; с другой — недовольство некоторых лангедокских епископов и сеньоров, надеявшихся отвоевать свои былые привилегии. Монморанси был побежден и израненным попал в плен под стенами Кастельнодари; осужденный на смерть, он был несколько недель спустя обезглавлен в Тулузе. Юг сохранил трогательные воспоминания об этом вельможе, последнем в своем знаменитом роду; однако его поражение и смерть лишь отчасти связаны с историей Лангедока. Ришелье воспользовался этим безрассудным мятежом, чтобы снести последние феодальные крепости и распределить конфискованное имущество между семьями, показавшими лояльность, и таким образом еще раз преобразовал южную знать, как это сделал четыремя столетиями ранее Симон де Монфор. Отныне Лангедок так

поведания. Введенное Нантским эдиктом равенство католицизма и протестантизма было уничтожено.

¹ Монморанси, Анри (1595–1632), герцог де — адмирал с 1612 г., губернатор Лангедока. Примкнув к Гастону Орлеанскому, выступил против кардинала Ришелье и поднял восстание на Юге.

хорошо держали в руках, что в смутах Фронды¹ он не примет никакого участия.

При Кольбере² Лангедок становится одной из главных опытных площадок великого министра. Именно в это время Рике сооружает Южный канал³, а Монпелье украшают памятники, составляющие часть его славы. Старая суконная промышленность, с давних пор существовавшая на южном склоне Центрального массива, получает новый импульс. Об интендантстве Ламуаньона де Бавиля⁴, управлявшего провинцией с 1685 по 1718 г., можно много сказать и хорошего и плохого. Он придает Лангедоку облик, оставшийся почти неизменным вплоть до конца Старого режима, развивает здесь сельское хозяйство, которое, несомненно, никогда так не процветало, как в XVIII в. Но он же с особой жестокостью выполнял эдикт Фонтенбло, отменивший Нантский. Это привело в 1702 г. к восстанию камизаров⁵ в Севеннах,

¹ Фронда (1648–1653) — широкое движение, включавшее буржуазию, духовенство и знать, направленное на ограничение королевской власти. Началось после смерти Людовика XIII и было вызвано злоупотреблениями регентства.

² Кольбер Жан-Батист (1619–1683) — сын купца, финансист, генеральный контролер финансов, фактический руководитель французской политики в 1655–1683 г.

³ Южный канал, он же Лангедокский или канал Двух морей, — судоходный канал, соединяющий Бордо с портом Сет на Средиземном море. Рике, Пьер-Поль де (1604–1680) — французский инженер, уроженец Безье. В 1660 г. представил проект создания Южного канала, то есть соединения Атлантического океана посредством системы рек и каналов со Средиземным морем; работы начались лишь через несколько лет. Умер за полгода до торжественного открытия навигации в 1681 г.

⁴ Ламуаньон де Бавиль, Никола, маркиз (1648–1724) — интендант Монпелье, был назначен в 1685 г. для «обращения» гугенотов и прославился как яростный их гонитель. В 1718 г. ушел в отставку.

⁵ Камизары (от фр. *camisa* — рубашка) — участники восстания

движимых еще и глубокой нуждой. По многим своим свойствам феномен странный, и, возможно, между этой вспышкой и пылом, некогда воодушевлявшим катарских Добрых Людей, можно найти некоторую отдаленную аналогию.

Однако оставим сопоставления, скорее поверхностные, нежели точные. Процветающий Лангедок XVII–XVIII вв. окончательно вошел во французское единство, но утратил часть собственного духа. Милая поэзия какого-нибудь Гудули (1580–1649) не воскрешает гения трубадуров, и, возможно, лишь бенедиктинцы из Сен-Мора, дом Девик и дом Вессет, опубликовав в XVIII в. свою научную «Историю Лангедока»¹, возвратили жизнь стершимся воспоминаниям. Теперь Лангедок — такая же провинция, как и другие. Впрочем, его очертания с его столицей Тулузой к концу Старого режима очень своеобразны: в то время как вдоль Роны он доходит до Виваре, то в остальном не соответствует территориям трех бывших сенешальств Тулузы, Каркассона и Бокера. Здепнее дворянство по большей части происходит не из этой провинции и все больше и больше сливается с фамилиями из других областей Франции. Буржуазия с каждым днем офранцузивается, и только народ остается верен старому языку, которому «Цвет развлечений»

крестьян и городской бедноты, вызванного окончательной ликвидацией свободы вероисповедания, запретом кальвинизма и резким усилением налогового гнета в Лангедоке. В 1704 г. вождь восставших Кавалье, уже одержав ряд побед над королевскими войсками, перешел на сторону короля. После этого отозванная с фронта армия маршала Вилара смогла подавить восстание. Но последние очаги были подавлены лишь к 1715 г.

¹ *Vic, dom Claude de et Vaissète, dom Joseph. Histoire générale du Languedoc. Paris: J. Vincent. 1730–1745. 5 vol.*

очень в малой мере способен вернуть былую славу. Протестантов в Лангедоке явно значительно больше, чем в других местах. Их проповеди, несмотря на репрессии, будут звучать до конца Старого режима. Но и это уже не особенность провинции и имеет мало отношения к ее исконным традициям. В 1789 г. Лангедок созрел для слияния с национальным единством.

ЛАНГЕДОК В СОСТАВЕ ФРАНЦИИ

Здесь не место рассказывать о Революции в Лангедоке. Она не приобрела там специфического характера, хотя детальное исследование, несомненно, показало бы множество особых черт. Как и в других местах, разделение на сторонников и противников здесь первоначально происходило на квазирелигиозной основе. Протестанты были, конечно, за, как и те, кого после буллы «Unigenitus» 1713 г. называли «апеллянтами», то есть янсенисты¹. Не забудем, что при Людовике XIV² знаменитый Павийон был епископом Алетским³, т. е. служил в диоцезе Разес, бывшем некогда одним из катарских диоцезов. Исследователи долго искали связь между протестантизмом и катаризмом, уделяя несколько меньше внимания вопросу: не наложил ли суровый янсенизм в некоторых душах на почти стершиеся следы какой-то иной доктрины? И потом, разумеется, роль играли сторонники Просвещения, гораздо более многочисленные, чем думают, причем в самых различных кругах. Помню, что в библиотеке бывших епископов Сен-

¹ *Янсенисты* — названное по имени Корнелиса Янсения (1585–1638) реформационное движение в католической церкви. Пользовались особенным влиянием в XVII–XVIII вв.

² *Людовик XIV* (1638–1715) — король с 1643.

³ *Павийон*, Никола (1597–1677) — французский прелат, ученик св. Винченца де Поля. В 1639 г. получил от кардинала Ришелье Алетскую епархию (*Алет* — маленькое поселение на испанской границе). Поддерживал связи с янсенистами; имел конфликты как с папой, так и с галиканской церковью, поддерживаемой Людовиком XIV.

Папуля в Лораге я нашел экземпляр «Энциклопедии».

Если Лангедок чем-то и отличался, то скорее крайностью занятых одной и другой стороной позиций. Когда приносили клятву в Зале для игры в мяч 20 июня 1789 г., только депутат от Кастельнодари Мартен Дош единственный не присоединился к своим коллегам и согласился подписать знаменитый протокол только с пометкой после своего имени: «против»¹. Конечно, это крайний и совершенно единичный случай. Но он не менее, а может быть, и более показателен, чем принято считать. Нигде на протяжении всего последующего столетия противостояние республиканцев и роялистов не было столь сильным, столь резко выраженным, чем в Лангедоке. Там оно приняло особый характер: в большинстве случаев роялистски настроен народ, в то время как буржуа — если не всегда республиканцы, то по крайней мере либералы, как тогда говорили. Известно, что Тулуза и Ним стали в 1815 г. свидетелями ужаснейших сцен белого террора.

Но это, равно как и некоторые отдельные восстания, несущественно. Деление Франции на департаменты уничтожает даже воспоминание о бывших провинциях. Праздник Федерации 14 июля 1790 г. заменяет старое право завоевания и наследования на новое право, основанное на воле народа². Конечно, французский народ в этот день

¹ Мартен Дош, Жозеф (1741–1801) — депутат Генеральных штатов от третьего сословия Кастельнодари. Во времена Террора был заключен в тюрьму в Тулузе.

² Строго говоря, деление Франции на департаменты взамен прежних провинций следует датировать 9 декабря 1789 г., когда Национальное собрание приняло соответствующий декрет.

только утвердил давно сложившееся, особенно в Лангедоке, положение. И тем не менее, если Франция — старейшая страна, то французская нация в ее нынешнем понимании родилась именно в этот день. Не менее значительно и утверждение Гражданского кодекса в 1804 г., установившего наконец единство законодательства и уничтожившего бывшее разделение между провинциями обычного права и права римского. Именно Камбасерес из Монпелье¹, бывший советник при счетной палате и податном суде этого города, представлял в комиссии по выработке этого кодекса точку зрения римского права. То есть он был одним из главных авторов этого синтетического произведения, отразившего различные стороны юридического духа тогдашней Франции.

Однако один из новейших историков Лангедока, П. Гашон, сильно преувеличивает, когда пишет: «Начиная с 1790 г., собственно говоря, истории Лангедока нет»². Разумеется, официально провинции Лангедок нет. Но, быть может, именно поэтому люди бывшей провинции ощущают себя теснее связанными друг с другом, чем раньше, и такое

Праздник Федерации может рассматриваться разве что как торжественная демонстрация единства Франции: федераты (представители местных отрядов Национальной гвардии) шли уже под знаменами департаментов.

¹ Камбасерес, Жан-Жак Режи де (1753–1824) — уроженец Монпелье, политический деятель времен Революции и Империи. Член Конвента от департамента Эро, входил в состав законодательного комитета. Второй консул при Консульстве, председатель сената и архиканцлер при Империи (должности сугубо декоративного характера). Действительно важную роль сыграл в разработке Гражданского кодекса, основные принципы которого представил Конвенту в 1793 г.

² Gachon Paul. Histoire de Languedoc. Paris: Boivin. 1921. (Vieilles Provinces de France.).

пробуждение чувства единства мы наблюдаем в пятидесятые годы следующего века. Романтизм ввел в моду средние века, и каждый искал в этих темных и далеких столетиях почти стершиеся титулы, полузабытые воспоминания. В это время Мистраль и Руманиль основали близ Авиньона движение фелибров¹, Жансемин, аженский поэт², умерший лишь в 1864 г., продолжает вне этого движения издавать свои «Папильотки», Наполеон Пейра публикует «Историю альбигойцев», успех которой огромен. Я знал один антиклерикальный масонский дом начала нашего века, библиотека которого, если можно ее так назвать, состояла из одних работ Наполеона Пейра.

Впрочем, все это разделено и противостоит одно другому, как и сам по себе Лангедок. Жансемин бойкотировал зарождающееся движение фелибров; последнее под влиянием Руманиля, а позже Морраса³ быстро сориентировалось на крайне правый

¹ Движение *фелибров*, или *фелибриж*, организовано в 1854 г. поэтами Фредериком *Мистралем* (1830–1914) и Жозефом *Руманилем* (1818–1891), чтобы объединить провансальских поэтов во имя возрождения провансальской литературы и утверждения единого литературного языка. В политическом плане тяготело к монархизму и католицизму. Фелибры сделали немало, но внедрить единый провансальский язык им так и не удалось. В начале XX века общество прекратило существование.

² *Жансемин*, Жаки (1798–1864; настоящее имя — Жан Боз) — провансальский поэт старшего поколения, писавший на гасконском наречии. Отказался примкнуть к движению фелибров.

³ *Моррас*, Шарль (1868–1952) — французский публицист, критик и поэт крайне правых, монархических и расистских убеждений. В начале XX в. организовал монархическую группу «Аксьон франсез», а позже — газету того же названия, ведущую в годы первой мировой войны яростную националистическую пропаганду. Официальный идеолог правительства Виши в период гитлеровской оккупации, в 1945 г. осужден как коллаборационист.

традиционализм, позиция же Пейра была диаметрально противоположна. Можно сказать, что лангедокцы под конец XIX в. искали в своем прошлом оправдания современных конфликтов. Но, бесспорно, здесь следует различать собственно Лангедок и Прованс. Фелибриж — движение в основном провансальское. Конечно, лангедокцы в нем участвовали. Они даже старались, особенно Проспер Эстье и Антонен Пербоск¹, восстановить язык точнее и чище, чем Мистраль, колоссальный труд которого, впрочем, тоже достоин уважения. Сами они сторонились всякой политики и думали лишь о возвращении достоинства прославленному диалекту. Их цель заключалась в том, чтобы побудить культурную буржуазию вернуться к языку «ок». На деле же он остался, с одной стороны, народным языком со своими диалектами, а с другой — языком изысканным, несколько книжным, произведения на котором заслуживают более широкой аудитории. До сих пор идет борьба за изучение местного языка в начальных школах. Но это требует от Франции такой степени децентрализации, к которой, похоже, наша страна еще не готова.

В плане политическом уже почти сто лет большинство живых сил Лангедока группируется вокруг «Депеш де Тулуз»². Радикализм принимает здесь более резко выраженный антиклерикальный характер, чем где-либо. Конечно, это не случайность, что Эмиль Комб³, принявший в качестве

¹ Эстье, Проспер (1860–1939) и Пербоск, Антонен (1861–1944) — окситанские поэты.

² «Депеш де Тулуз» — газета, основанная в Тулузе в 1870 г. Главный орган партии радикалов — самой левой партии тогдашней Франции.

³ Комб, Эмиль (1835–1921) — один из лидеров французских ради-

председателя Совета министров особо жесткий закон о конгрегациях, был уроженцем Рокекурба. Он не был протестантом. Но на его католицизм с детства сильно влияли янсенизм и галликанство. Этот цельный, суровый и фанатичный человек, вызывавший яростную ненависть одних и страстную привязанность других, часто напоминает мне Добрых Людей прежних времен, худых и аскетичных, которые, пренебрегая кострами инквизиции, брели некогда парами по Лангедоку и которых тайком принимали с пламенным восторгом друзья.

Что сказать о Жоресе¹, тоже уроженце Кастра, несравненное красноречие которого поднимало толпы и собрания вплоть до 1914 г.? Трудно представить более разительный контраст, чем у него с Эмилем Комбом, а тем не менее Жорес был его другом, опорой в политике, «министром слова», как тогда говорили. Жорес был человеком щедрой, широкой души, исполненным жизненных сил, Комб отличался сдержанностью, замкнутостью, направленностью к одной цели — не дехристианизации Франции, а скорее насаждения христианства «духовного и истинного», к которому всегда стремилась часть лангедокского населения, что выразилось также в альбигойстве и Реформации. И если бы мы услышали пламенные проповеди Бернара Делисье, пошатнувшие на миг застенки инквизиции, то, возможно, уловили бы в них что-то

калов, премьер-министр Франции с 1902 по 1905 гг. Убеденный антиклерикал; его кабинет запретил религиозным конгрегациям преподавать в школах и распустил часть конгрегаций.

¹ Жорес, Жан (1859–1914) — видный лидер французских социалистов, блестящий оратор, один из самых популярных политиков своего времени. Яростный противник милитаризма, на пороге первой мировой войны был убит шовинистом.

из будущих интонаций Жореса. Рожденные в такой близости друг от друга, эти два лангедокца, Жорес и Комб, ярко отражают контрасты провинции; но они же показывают, что эти контрасты не непримиримы и что между приветливым и очень терпимым духом народа, открытого всем духовным веяниям, и непреклонной суровостью катарских пастырей некогда могла возникнуть столь же прочная связь.

Строгий читатель, несомненно, увидит в предшествующих строках плод разыгравшегося воображения, не очень приличествующий строгому историку. Однако именно параллели такого рода выявляют сохранение некоего духа на протяжении столетий. Лангедок отныне — часть Франции, но следует спросить, какое именно место он занимает в стране, взятой в целом. С 1871 по 1914 г. он, по крайней мере в политическом плане, играл в нашей стране решающую роль. Баррес, чувствовавший себя больше лотарингцем, чем овернцем¹, неоднократно сожалел, что потеря Эльзаса и Лотарингии нарушила равновесие во Франции и придала Югу слишком большой вес. И действительно, место Лангедока было тогда значительнее, чем когда-либо. Однако стоит ли на это сетовать, если учесть, что Третья республика² привела французскую армию к победе, а некоторые из наиболее прославленных полководцев этой армии — рус-

¹ Баррес, Морис (1862–1923) — французский писатель, уроженец Лотарингии, отошедшей после франко-прусской войны 1871 г. к Германии. Стоял на позициях национализма и индивидуализма.

² Третья республика во Франции существовала с 1871 г. (после отречения Наполеона III) по 1940 г. (захват страны гитлеровцами).

сильонец Жоффр¹, Фош из Тарба² — были если не лангедокцами, то, по крайней мере, чистыми южанами.

Я полагаю, было бы бессмысленно искать в наши дни в водах великой национальной реки лангедокские струи с их особым вкусом, и не потому, что они там неуловимы. Но горнило Парижа оказывает теперь на единство страны слишком сильное воздействие, чтобы в его пламени сохранился провинциальный сепаратизм. То, что начали короли, то, чему Революция придала неотвратимость, сегодня заканчивает Париж. Разнообразные французские провинции сливаются здесь и сами получают из этого центрального очага импульс и жизнь. Значит ли это, что отныне следует их считать мертвыми, интересными только своей историей? Не думаю. Провинции существуют, с их равнинами и горами, их небом и особенным климатом, и лангедокский акцент — один из тех, что утрачивается медленнее всего.

Когда мы обращаемся к прошедшим векам, особенно к трагическому XIII веку, и думаем о народности, за столь малый срок осознавшей самое себя и умершей, народности, которая при других обстоятельствах сумела бы познать более счастливую судьбу, то не знаем, должно ли сожаление

¹ *Жоффр*, Жозеф-Жак-Сезар (1852–1931) — военачальник, участник франко-прусской войны и колониальных войн, первый главнокомандующий французской армией в первой мировой войне. Выиграл в 1914 г. битву на Марне, но в дальнейшем вел войну неудачно и в 1916 г. был отстранен.

² *Фош*, Фердинанд (1851–1924) — французский военачальник, за период первой мировой войны поднялся от командира корпуса до главнокомандующего союзными войсками (в 1918 г.). Принимал капитуляцию Германии в Версале.

брать верх над удовлетворением. Но это лишь первый миг, первое движение. В самом деле, если присмотреться ближе и хладнокровнее, мы отдадим себе отчет, что не стоит оплакивать вещи не просто мертвые, но и никогда реально не существовавшие. Нет занятия более бесполезного и ложного, чем попытки переписать историю. Можно бесконечно сожалеть о том, что могло бы быть, о бесконечных нереализованных возможностях, но подобные мечтания ни к чему не ведут, тем более что они полностью произвольны.

Лангедокцы и французы ощутили себя однажды чуждыми друг другу, даже врагами, яростными врагами. Тулузская заутреня не менее беспощадна, чем знаменитая Сицилийская вечерня, и долго еще победители-французы будут вести себя в Лангедоке как в стране завоеванной и враждебной. Потом мало-помалу постоянные контакты привели к пониманию и дружбе. Бесчисленные французы Севера, переселившись в Лангедок, стали совершенными лангедокцами. Завоеванная провинция завоевала победителей. Именно Гийом де Ногаре, легист, сформировавшийся на Юге, внедрил некоторые из основных принципов французского государства, а тулузец Кюжа¹ в XVI в. в конечном счете стал преподавать право в Париже, чего так и не смог сделать в Тулузе.

С конца XIII в. между Севером и Югом Франции начинается продолжительный обмен людьми и идеями. Этими нескончаемыми потоками форми-

¹ Кюжа, Жак (1522–1590) — французский юрист, ввел преподавание римского права как учебной дисциплины. С 1547 г. читал в Тулузе курс по институциям Юстиниана, но, не получив кафедры в Тулузском университете, был вынужден уехать.

руется и консолидируется нация. Если между людьми, которые все в равной мере называются французами, еще существуют различия по характеру и темпераменту, то то отныне они — наше общее богатство. Дух трубадуров и даже дух катаров являются сегодня составляющими французского духа, равно как и реформа Кальвина, картезианство, янсенизм и якобинство. Все французы в равной мере могут обращаться к ним, потому что это их общая сокровищница. И если нас еще жжет пламя множества костров и возмущает обилие невинно пролитой крови, то это должно побуждать трудиться над тем, чтобы насилие когда-то перестало разрешать великие исторические реалии.

Но разве можно начинать с того, чем следует закончить? Это потребовало бы иных размышлений, обращенных уже не в прошлое, а в будущее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот так создавалась Франция, которую по праву считают одной из самых единых и сплоченных стран в мире и уж, во всяком случае, одной из самых старых, значительная часть границ которой, в том числе и по Пиренеям, кажется, обозначены самой природой. Железом и огнем. В столкновении, которое носило не столько религиозный, сколько национальный характер.

По крайней мере еще две возможности могли реализоваться на юге Центрального массива, между Ронной и Гаронной, то есть между землями, находящимися в ленной зависимости от Англии, и землями Империи. Не будь крестового похода, графы Тулузские поглотили бы домен Транкавель, оттеснив Каталонско-Арагонское королевство на ту сторону Корбьер, и между Мармандом и Каркассоном образовалось бы государство Раймондинов со столицей в Тулузе, выходящее на Средиземное море от Леката до Роны с Нарбонном в центре побережья. Это была постоянная цель политики графов Тулузских. Крестовый поход, прочно внедрив в Каркассон на место Транкавелей французов, покончил с этим проектом, и обстоятельства никогда больше не позволят Раймону VII, даже ставшему на время победителем, к нему вернуться.

Но поражение графа Тулузского временно развязывает руки Педро II Арагонскому. Он давал церкви достаточные гарантии, чтобы в случае его

победы при Мюре она поручила бы ему восстанавливать католичество в Окситании. Филипп Август, которому в этот момент серьезно угрожала могущественная коалиция, этому воспротивиться бы не смог. И тогда бы в ленную зависимость от Каталонии попали все земли от устья Эбро до Альп, так как граф Прованский был близким родственником арагонского короля. Между Францией и современной Испанией образовалось бы сильное, сплоченное государство с мощным единством языка и традиций. Изменилась бы вся история Западной Европы.

Причины, по которым этого не произошло, в книге указаны, и, мне кажется, вряд ли стоит их повторять. Однако есть одна, к которой необходимо вернуться, поскольку ее часто переоценивали и плохо понимали. Я озаглавил эту работу «Альбигойская драма» и не мог поступить иначе, предпочтя термин «альбигойцы» более точному во многих отношениях термину «катары». И не только потому, что преследовались и вальденсы, но прежде всего потому, что никогда — ни в то время, ни после — не говорили о крестовом походе против катаров, но только о походе против альбигойцев; потому, что это слово относится не только к области Альби, роль которой в нашей истории далеко не главная. Альбигуа — так называлась вся территория под властью Транкавелей, от Альби до Безье, Каркассона и Лиму. В широком смысле это был весь регион, названный позже Лангедоком, но которому очень трудно дать название в XIII в. Его настоящей столицей был не Альби, а Тулуза, город беспокойный и бурлящий, героическое сопротивление которого после первых поражений чуть было не изменило его судьбу.

Представьте, что Филипп Август был побежден при Бувине в 1214 г. — и победа при Мюре в предшествующем году была бы начисто сведена на нет. История пошла бы другим путем, и Франция надолго познала бы ту же раздробленность, что и Испания. Возможно, однажды оба королевства, Парижское и Тулузское, объединились бы, как это сделали Кастилия и Арагон. Но это произошло бы в совершенно иной атмосфере, и ее бесполезно пытаться воссоздать, потому что не пишут историю о том, чего не было. Но в любом случае можно сказать, что поражение при Мюре, устранив Арагон, развязало бы руки графам Тулузским, если бы их не сдерживало большее могущество французских королей. Вопреки видимости, окситанская независимость погибла не при Мюре, а гораздо в большей степени при Бувине и Ла-Рош-о-Муане. В самом деле, эти две победы отнюдь не случайны. Они свидетельствуют, особенно битва при Бувине, о мощи и сплоченности северных французов, которые уже можно определять как национальные. Из двух наций, стремящихся почти одновременно образоваться к северу и к югу от Луары, северная оказалась сильнее и в дальнейшем взяла верх.

Итак, в этом сугубо национальном конфликте не следует преувеличивать, как это часто делают, значение религиозного фактора. Он лишь случайность, в решающий момент определившая ход вещей. Если катаризм и в самом деле представляет огромный интерес для истории идей и заслуживает ввиду этого самого пристального изучения, то ничто не доказывает, что он когда-либо действительно преобладал в Окситании. Например, примечательно, что о нем нигде не говорится в «Песни

об альбигойском крестовом походе», настаивающей, напротив, на национальном характере разгоревшейся борьбы. Вот слова анонимного автора, вложенные в уста защитников Тулузы в 1218 г.: «Нами руководит Иисус Христос, и мы должны воздать Ему хвалу и за зло, и за добро, ниспосылаемые им, и принять их смиренно, ибо Он может нас поддержать на том правом основании, что мы хотим жить и умереть в Его вере. Ибо мы верим в Бога, предостерегающего нас от заблуждений, сотворившего небо и землю и заставившего ее плодоносить и цвести, создавшего солнце и луну для освещения мира, и мужчину и женщину, и вдохнувшего жизнь в душу, и вошедшего в чрево Девы Марии для выполнения Закона, и в Того, кто претерпел пытку плоти Своей, дабы спасти грешников, и отдал Свою бесценную кровь, дабы озарить тьму, и явился принести Себя в жертву Отцу Своему и Духу Святому. Благодаря принятию и осуществлению святого крещения, благодаря любви и повиновению святой церкви мы вправе завоевать любовь Иисуса Христа. Сеньора папу, который должен был бы позаботиться о нас, и церковных прелатов, осуждающих нас на смерть, да просветит Господь, и явит свою волю, и рассудительность, и прозорливость, дабы знали они, что существует справедливость, и да велит Он им раскаяться, ибо они обрекают нас на погибель и уничтожение иноземцами, гасящими свет, почему мы и хотим избавиться от их господства. Если бы Богу и Тулузе было угодно, сии люди пали бы в могилу Достоинства и Происхождения. Пусть Господь, правящий миром и никогда не лгущий, побивший гордыню и изгнавший ангелов, даст нам власть и силу поддержать нашего сеньора,

ибо он мудр и рассудителен и ему подобает очень любить церковь и владеть землей» (пер. Э. Мартена-Шабо).

Этот текст примечателен во многих отношениях. Пропагандистские намерения в нем очевидны, и я не недооцениваю их. Анонимный поэт желает, конечно, доказать, что религия — только предлог, прикрывающий менее обоснованные амбиции. Именно поэтому он старается изображать тулузцев в самом ортодоксальном духе. Каждое слово в нем выверено, чтобы показать, что защитники города — не катары. Кто слишком тщится доказать... Конечно, все было не так просто, и у церкви еще вполне были основания сомневаться в ортодоксальности населения Юга. Но, в конце концов, если считать Анонима пропагандистом, то его пропаганда была бы немислима, не считай огромное большинство южан, каковы бы ни были их религиозные убеждения, что борьба отныне обретает прежде всего национальное значение. Почему церковь в этих условиях упорно поддерживала северных баронов, а значит, и Капетингскую династию? Бесспорно, она была слишком связана решениями четвертого Латеранского собора, чтобы повернуть назад. А все потому, что новые епископы Юга, ярким представителем которых является Фульк, епископ Тулузский, были в тесном союзе с захватчиками. На Лаворском соборе они ускоряют разрыв с Арагоном, а позже оказывают давление на Иннокентия III и Латеранский собор. Они не чувствовали бы себя уверенно на своих местах, если бы сеньоры Юга, и прежде всего его государи, не были полностью лишены владений. Их больше волнует политическая сторона дела, чем религиозная. Итак, конфликт носит главным образом политический характер, и

именно это недостаточно замечало большинство историков, заблуждавшихся насчет его истинной природы, происхождения и непосредственных последствий.

Правда, Иннокентий III, призывая к крестовому походу, прежде всего заботился о христианском единстве, оказавшемся, по его представлению, под угрозой. Не менее верно и то, что первым следствием договора в Мо в 1229 г. было учреждение инквизиции, а в последующие годы борьба против инквизиции и борьба против иноземного господства более или менее переплелись. И все же несомненно, что примирение между новым графом Тулузским Раймоном VII и церковью было возможно. Именно последняя упорно отказывалась от этого и в лице кардинала Ромена де Сент-Анжа вместо того, чтобы попытаться вернуть Юг под власть законного сеньора, добровольно предпочла служить капетингской политике. Это было, конечно, надежнее, но небезопасно в будущем, как скоро показал конфликт между Бонифацием VIII и Филиппом Красивым.

Таким образом, политические мотивы и мотивы религиозные тесно переплелись на протяжении всей этой истории. Они переплетаются, но полностью никогда не смешиваются. Последней надеждой Юга с 1217 по 1229 гг. было их разъединение, примирение с церковью при продолжении борьбы с французами. Отчаявшись в ней победить, когда дальнейшее сопротивление стало бесполезным, Раймон VII согласился в 1228 г. на кабальный мир. Нельзя было бесконечно противостоять сразу и церкви, и французскому королю. Граф Тулузский предпочел бы лучше помириться с Римом, чем с Парижем, что хорошо показывает преобладание

политических интересов. Но выбора у него не было: примирение с церковью неизбежно вело к подчинению Франции. Именно нерушимая солидарность папы с королем и уничтожила независимость Юга.

Конец этой истории был предreshен: оставшиеся двадцать лет своей жизни Раймон VII часто протестовал против злоупотреблений инквизиции, но никогда всерьез не оспаривал легитимность ее действий. Под конец жизни он даже довольно низко объединился с ней. Но до конца он всеми средствами, порой даже при более или менее сдержанной поддержке церкви, пытался обойти политические статьи договора в Мо. Уже перед смертью Раймона VII ловкая и великодушная политика Людовика Святого подготовила примирение между двумя враждебными Франциями, хотя пройдет почти столетие, пока оно станет всеобщим и окончательным. Бернар Делисье, заявивший слишком необдуманно, что в первые годы XIV в. больше нет катаров, был не совсем неправ. Религиозное единство установилось до того, как стихли политические страсти. В конечном счете только Столетняя война с ее все более усиливающимся национальным характером положит им конец. Но задолго до этого, когда Филипп III ввязался в неудачную войну против арагонского короля, вассалы Лангедока с воодушевлением последовали за ним против бывших союзников Раймона VI и Транкавеля.

Все это ныне не больше чем воспоминание, смешанное с легендами. Любопытно, что катаризм обрел некоторых адептов, хотя никто не ставит больше под вопрос национальное единство. Ненависть против злоупотреблений церкви пережила

гнев, вызванный когда-то грубой аннексией. Это лишь видимая странность. Национальные страсти в наши дни гораздо сильнее, нежели религиозные убеждения. Каждый может свободно выбирать веру, но не родину. Нетерпимость сменила если не природу, то объект приложения, и мы сегодня видим, как одна и та же религия подымает друг против друга людей, по-разному понимающих ее.

Поэтому мне показалось бесполезным показать истинный характер этой старой трагедии, часто видоизменяемой современными страстями. Конечно, если бы в XIII в. право народов располагать самими собой было установлено и применялось, лангедокцы не были бы сегодня французами. Еще меньше они были бы испанцами, несмотря на всю вероятность этого. Они бы создали национальное государство с собственным языком и культурой, которое бы внесло оригинальный вклад в общее наследие европейской цивилизации. Стоит ли сожалеть, что исторические силы, ни одна из которых не была самодостаточной, но соединение которых было неизбежным, не оказались расставлены иначе? Я искренне не верю в это. Но именно потому, что французское единство кажется сейчас превыше всяких мыслимых перемен, я думаю, неплохо сказать правду, как я ее понимаю, об этой старинной и печальной истории.

Южное общество было скорее терпимым, нежели еретическим. Это и оказалось причиной его гибели, когда оказались противопоставлены друг другу две самых великих силы века. Мир, бесспорно, потерял в его лице некоторые легкие краски, способные расцвести только в атмосфере нежности, но Франция достигла взвешенного разнообразия, составляющего силу и блеск ее гения. Правда, не

в обиду будь сказано Симоне Вейль, в истории в конечном счете прав победитель: ее роль состоит не в изображении того, что могло бы быть, а в объяснении того, что есть. А есть Франция, сыновьями которой мы все являемся. Но по прошествии семи столетий мы можем заявить, что дело побежденных было достойным, и столько мучеников и героев не зря пожертвовали ради него жизнью. Несомненно, катары заблуждались, но они вдохновлялись самыми благородными идеалами. Что же до некогда неукротимых тулузцев, то они сознавали, что защищают ценности, без которых не стоило жить. Они только не знали, что эти ценности были теми же, что и ценности наилучших из их противников. Понять это их заставил Людовик Святой, а сегодня потомки обретают их в общефранцузском достоянии.

Почти все великие человеческие конфликты походят на трагедиях недоразумений. Так неизбежно ли замечать это лишь после битвы? Но, быть может, это закон нашей природы — всякое рождение должно быть кровавым, идет ли речь о рождении нации или мира? В этом случае выше-названные уроки истории никогда не будут услышаны и, самое большее, смогут служить тому очищению страстей, которое Аристотель считал целью античной трагедии. В этом, возможно, заключена скрытая и глубокая необходимость, оправдывающая нас в том, что мы обращаем внимание наших современников на ход минувших событий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ

- 313 — Миланский эдикт
314–335 — понтификат св. Сильвестра I
325 — Никейский собор
561 — раздел Галлии между сыновьями Хлодвига
732 — победа Карла Мартелла над арабами при Пуатье
800 — провозглашение Карла Великого императором
843 — Верденский раздел
852 — Раймон I, граф Тулузский
983–1002 — правление Отгона III
987 — избрание Гуго Капета
999–1003 — понтификат Сильвестра II
1002 — казнь «манихеев» в Орлеане
1071–1127 — правление Гильома IX де Пуатье, первого трубадура
1073–1085 — понтификат св. Григория VII
1071 — победа сельджуков над Византией при Манцикерте
1088 — приход к власти Раймона IV де Сен-Жиля
1095–1099 — первый крестовый поход
1146 — св. Бернар проповедует на Юге
1147–1149 — второй крестовый поход
1159 — Людовик VII помогает Тулузе
1165 — Ломберский собор в Альбижуа
1167 — катарский собор в Сен-Феликс-де-Караман
1178 — по просьбе Раймона V Александр III посылает в Тулузу легатов
1180 — восшествие на престол Филиппа-Августа
1180–1181 — первый крестовый поход против Лавора, руководимый кардиналом Альбанским
1194 — приход к власти Раймона VI
1196 — приход к власти Педро II Арагонского
1197 — рождение будущего Раймона VII и Оливье де Терма
1198 — избрание Иннокентия III
1204–1205 — четвертый крестовый поход
1205 — Фульк Марсельский — епископ Тулузский
1206 — начало миссионерской деятельности св. Доминика на землях языка «ок»
15 января 1208 — убийство Пьера де Кастельно
Июнь 1209 — унижение Раймона VI в Сен-Жиле
22 июля 1209 — избиение в Безье

- 15 августа 1209 — взятие Каркассона
 20 августа 1209 — Симон де Монфор — виконт Безье и Каркассона
 10 ноября 1209 — смерть Раймона-Роже Транкавельского
 Июль 1210 — взятие Минерва и Кабаре
 Осень 1210 — взятие Терма
 17 апреля 1211 — отлучение от церкви Раймона VI
 Май 1211 — взятие Лавора
 Июнь 1211 — взятие Кассе. Нападение на Тулузу Симона де Монфора
 Сентябрь 1211 — осада и битва при Кастельнодари
 1212 — взятие Пенн д'Ажене, Марманда и Муассака
 16 июля 1212 — победа Педро II над Альмохадами при Лас-Навас-де-Толоса
 1 декабря 1212 — Ассизы Памье
 Январь-август 1213 — Лаворский собор
 12 сентября 1213 — битва при Мюре
 1214 — битва при Бувине и Ла-Рош-о-Муане. Рождение Людовика Святого
 1215 — первая экспедиция Людовика Французского на Юг. Основание доминиканского монастыря в Тулузе. 1 июня — Великая хартия вольностей в Англии. Ноябрь — открытие четвертого Латеранского собора. 14 декабря Раймон VI лишен владений в пользу Симона де Монфора
 10 апреля 1216 — Филипп-Август получает от Симона де Монфора оммаж за графство Тулузское
 Май 1216 — Раймоны в Провансе
 16 июля 1216 — смерть Иннокентия III. Избрание Гонория III
 24 августа 1216 — капитуляция Бокера
 19 октября 1216 — смерть Иоанна Безземельного
 13 сентября 1217 — вступление Раймона VI в Тулузу. Тулузская заутрени
 25 июня 1218 — смерть Симона де Монфора
 Конец июля 1218 — Амори де Монфор снимает осаду Тулузы
 Май-июнь 1219 — второй поход принца Людовика на Юг. Избиение в Марманде
 1 августа 1219 — принц Людовик снимает осаду Тулузы
 1220 — избрание императором Фридриха II
 Август 1222 — смерть Раймона VI
 14 июля 1223 — смерть Филиппа Августа
 15 января 1224 — Амори де Монфор покидает Юг
 Февраль 1224 — Амори де Монфор уступает свои права французскому королю
 1225 — кардинал Ромен де Сент-Анж — легат во Франции. Катарский собор в Пьессе
 28 января 1226 — Раймон VII отлучен Буржским собором

- 30 января 1226 — Людовик VIII, король Франции, принимает крест
- Июнь-сентябрь 1226 — осада Авиньона французским королем
- 3 ноября 1226 — смерть Людовика VIII
- 19 марта 1227 — избрание Григория IX
- Лето 1227 — Юмбер де Боже, сенешаль Каркассона, начинает систематически грабить тулузские пригороды
- 1228 — примирение Оливье де Терма с церковью
- 10 декабря 1228 — соглашение в Базьеже между Раймоном VII и аббатом Грансельва
- 1229 — договор в Мо
- Апрель 1229 — унижение Раймона VII в Париже. Ордоннанс *Sapientes*
- 1230 — Раймон VII разводится с Санчей Арагонской
- 20 апреля 1233 — циркуляр Григория IX доминиканским при-
орам
- 1235 — восстание в Тулузе против инквизиции
- 1237 — смерть Гилабера де Кастра, катарского епископа в Тулузе. Бертран Марти — его преемник в Монсегюре
- 1240 — восстание Транкавеля
- 1241 — смерть Григория IX
- 1242 — избрание Иннокентия IV. Избиение в Авиньонé и вос-
стание Раймона VII
- 20 и 22 июля 1242 — сражения при Тайбуре и Сенте
- 30 октября 1242 — мир в Лорри
- Май 1243 — Гуго дез Арси, сенешаль Каркассона, начинает
осаду Монсегюра
- 28 февраля 1244 — сдача Монсегюра
- 16 марта 1244 — костер в Монсегюре
- 19 августа 1245 — смерть Раймона Беренгьера, графа Прован-
ского
- 21 января 1246 — женитьба Карла Анжуйского на Беатрисе Про-
ванской
- 1247 — подчинение Транкавеля и Оливье де Терма. Восстанов-
ление бурга Каркассона, являющегося ныне городом.
Раймон VII велит сжечь в Ажене 80 катаров
- 1248 — Людовик Святой отплывает из Эг-Морта
- 27 сентября 1249 — смерть Раймона VII в Милло
- 1250 — Людовик Святой возвращает часть имущества Оливье
де Терму
- 1254 — возвращение Людовика Святого из крестового похода
- 1255 — Пьер д'Отей, сенешаль Каркассона, начинает осаду Ке-
рибюса
- Март 1256 — сдача Керибюса
- 1258 — Корбейский мир между королем Франции и королем
Арагона

- 1259 — Великий административный ордоннанс Людовика Святого
- 1270 — смерть Людовика Святого. Восшествие на престол Филиппа III
- 1271 — смерть Альфонса де Пуатье и Жанны Тулузской
- 1277 — начало строительства Сент-Сесиль в Альби
- 1280 — консулы Каркассона жалуются Филиппу III на злоупотребления инквизиции
- 1282 — Сицилийская вечерня
- 1283 — война Филиппа III против Арагона
- 1284 — Бернар Делисье становится францисканцем
- 1284–1285 — консулы Каркассона пытаются завладеть реестрами инквизиции
- 1285 — восшествие на престол Филиппа IV Красивого
- 1298 — обращение Пьера Отье
- 1300 — начало конфликта Бернара Делисье с инквизицией
- 8 декабря 1301 — ордоннанс Филиппа Красивого против злоупотреблений инквизиции
- Август 1302 — Бернар Делисье освобождает узников из тюрем инквизиции в Каркассоне
- 1303 — инцидент в Ананьи
- 1303–1304 — Филипп Красивый на Юге
- 13 января 1304 — новый ордоннанс, подтверждающий ордоннанс от 8 декабря 1301
- 1304 — консулы Каркассона ищут поддержки инфанта Майорки
- 1305–1314 — понтификат Климента V
- 1311 — казнь Пьера Отье в Тулузе
- 1317 — восшествие на престол Филиппа V Длинного. Применение Салического закона. Жак Фурнье (будущий Бенедикт XII) учреждает инквизицию в Памье
- 1318 — арест Бернара Делисье, его процесс и осуждение
- 1321 — казнь Белибаста в Вильерже близ Каркассона
- 1324 — учреждение «Цвета развлечений» в Тулузе
- 1328 — восшествие на престол Филиппа VI Валуа
- 1337 — начало Столетней войны
- 1345 — Филипп VI покупает у короля Майорки сеньорию Монпелье. Первые Генеральные штаты Лангедока
- 1346 — битва при Креси. Тулузе позволено отстроить стены
- 1347 — чума в Лангедоке
- 1349 — смерть Филиппа VI
- 1356 — битва при Пуатье. Грабежи Черного принца
- 1360 — мир в Бретиньи
- 21 ноября 1361 — окончательное присоединение графства Тулузского к короне
- 1364 — смерть Иоанна II Доброго. Грабежи Больших рот

- 1369 — возобновление Столетней войны
1380 — Гастон Феб, граф Фуа — правитель Лангедока. Смерть Карла V
1382 — Иоанн, герцог Беррийский — правитель Лангедока. Восстание тышеннов. Победа Филиппа Бургундского при Роозбеке над фламандским ополчением
1389–1390 — поездка Карла VI в Лангедок
1415 — битва при Азенкуре
1420 — договор в Труа
1422 — смерть Карла VI
1453 — взятие Бордо. Конец Столетней войны
1461 — смерть Карла VII
1469 — окончательное установление западных границ Лангедока
1480 — освящение Сент-Сесиль в Альби
1481 — аннексия Прованса
1483 — смерть Людовика XI
1535 — ордоннанс Вилле-Коттере
1580 — рождение Гудули
1589 — восшествие на престол Генриха IV
1596 — герцог Жуайез уступает Лангедок королю
1598 — Нантский эдикт
1629 — алесский «эдикт милости»
1632 — мятеж Монморанси
1639 — Павийон становится епископом Алетским
1677 — смерть Павийона
1680 — ввод в действие Южного канала
1685–1719 — Ламуаньон де Бавиль — интендант Лангедока
1702 — восстание камизаров в Севеннах
1713 — булла *Unigenitus*
1789 — разделение Франции на департаменты
14 июля 1790 — праздник Федерации
1804 — утверждение Гражданского кодекса
1815 — белый террор в Тулузе и Ниме
1835 — рождение Эмиля Комба в Рокекурбе близ Кастра
1854 — основание фелибрижа
1859 — публикация «Мирейо», поэмы Ф. Мистралья. Рождение Жана Жореса в Кастре
1864 — смерть Жансемина, аженского поэта
1870 — основание «Депеш де Тулуз»
1902–1905 — правительство Эмиля Комба
1949 — основание «Ученых записок о катарах»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Полная библиография по данной теме огромна. Здесь я ограничусь указанием работ, которые мне пригодились больше всего и могут помочь заинтересованному читателю пополнить свои знания¹.

Источники:

La Chanson de la croisade albigeoise. Editée et traduite du provençal par Eugène Martin-Chabot. 3 vol. Paris. 1961. (Classiques de l'histoire de France au Moyen Age.)

Pierre des Vaux de Cernay. Histoire albigeoise. Nouvelle traduction de Pascal Guébin et Henri Maisonneuve. Paris: Vrin. 1951.

Guillaume de Puylaurens. Historia negotii Francorum adversus Albigensis. Ed. par P. C. F. Daunou. Paris. 1833. (Recueil des Historiens des Gaules et de la France. T. XIX.) [Французский перевод: *Guillaume de Puylaurens*. Chronique sur la guerre des Albigeois. Trad. en français par Ch. Lagarde. Paris. 1864.]

L'inquisiteur Geoffroy d'Ablys et les cathares du comté de Foix (1308–1309). Ed. A. Palès-Gobillard. Paris. 1984.

Le livre secret des cathares. *Interrogatio Ioannis*, apocryphe d'origine bogomile. Ed. Edina Bozoky. Paris: Beauchesne. 1980.

Un Traité cathare inédit du début du XIIIe siècle, d'après de *Liber contra Manicheos de Durand de Huesca*. Par Christine Thouzellier. Louvain. 1961. (Bibliothèque de la Revue d'histoire ecclésiastique.)

Un traité néo-manichéen du XIIIe siècle. *Le Liber de duobus principiis*. Suivi à un fragment de rituel cathare. Publié par A. Dondaine. Roma. 1939. (Institutum Historicum FF.) [Французский перевод: *Livre des deux principes*. Introduction, texte critique, traduction, notes et index de Christine Thouzellier etc. Paris: Cerf. 1973.]

Bernard Gui. Manuel de l'Inquisiteur. Ed. et trad. par G. Mollat. Paris. 1926. 2 vol.

Le Registre d'inquisition de Jacques Fournier, évêque de Pamiers (1318–1325). Ed. Jean Duvernoy. Paris — La Haye. 1977. 3 vol.

Rainier Sacconi. Summa de Catharis et Pauperibus de Lugduno. Publié par A. Dondaine. Paris. 1939. (Не перечислить все, чем обязано изучение катаров доминиканцу Антуану Дондену, открывшему, в частности, трактат «De duobus principiis» Жана де Люжио.)

¹ Мы добавили сюда ряд книг, не указанных автором или вышедших позже (прим. ред.).

Работы каноника Дуэ содержат множество неизданных текстов, представляющих большой интерес для изучения повседневной практики инквизиции:

Douais Célestin. Les Albigeois, leur origines, action de l'Eglise au XIIIe siècle. Paris: Didier. 1879.

Douais Célestin. Soumission de la vicomté de Carcassonne par Simon de Montfort, et la croisade contre Raymond VI comte de Toulouse. Paris: A. Picard. 1884.

Douais Célestin. Les Hérétiques du comté de Toulouse dans la première moitié du XIIIe siècle d'après l'enquête de 1245. Paris: A. Picard. 1891.

Douais Célestin. Documents pour servir à l'histoire de l'Inquisition dans le Languedoc au XIIIe et au XIVe siècles. Paris. 1900. 2 vol.

Douais, Célestin. L'Inquisition, ses origines, sa procédure. Paris: Plon-Nourrit. 1906.

Необходимо также пролистать коллекцию Доа (Doat) в рукописях Национальной библиотеки.

Ecritures cathares. La Cène secrète. Le Livre des deux principes. Traité cathare. Le Rituel occitan. Le Rituel en latin. Textes précathares et cathares présentés, traduits et commentés avec une introduction sur les origines et l'esprit du catharisme par René Nelli. Paris. 1968. (Здесь все, что осталось от катарских текстов.)

Rituel cathare. Ed. Christine Thouzellier. Paris. 1977. (Sources chrétiennes, 236.)

Современные труды:

Courrent P. Montségur, son rôle pendant la croisade des Albigeois. Carcassonne: Gabelle. 1932.

Rahn Otto. Kreuzzug gegen Gral. Freiburg: Urban. 1933.

Guiraud Jean. Histoire de la Inquisition au Moyen Age. Vol. I-II. Paris: Picard. 1935-1938.

Carrière Marcel. La Crosada contra los Albigeses. Toulouse. 1938.

Jeanjean J.-F. La Croisade contre les Albigeois à Carcassonne. Carcassonne: Bonafoux. 1941.

Belperron Pierre. La Croisade contre les Albigeois et l'union du Languedoc à la France. Paris: Plon. 1943.

Laffont J. Autour du mystère de Montségur: Montségur et Graal. Cannes. 1945.

Roché Déodat. Le catharisme. Toulouse. 1947.

Breillat Pierre. Recherches albigeoises. Albi: Ed. du Languedoc. 1948.

Girou Jean. Les Emmurés de Carcassonne ou la vie de Bernard Délicieux. Aix-la-Provence: Nouvelles Editions de la Revue «Le Feu». 1948.

Laffont J. Le Neuvième prieur du Thoronet: Foulque, évêque de Toulouse. Cannes. 1948.

Niel Fernand. Le Pog de Montségur. Toulouse: Ed. I. E. O. 1949.

Lumière du Graal. Etudes et textes présentés sous la direction de R. Nelli. Paris. 1951.

Roché Déodat. Etudes manichéens et cathares. Arques. 1952.

Girou Jean. Simon de Montfort, du catharisme à la conquête. Paris. 1953.

Spiritualité de l'hérésie: le Catharisme, etc. Ed. par R. Nelli. Paris. 1953. (Nouvelle recherche.)

Lequenne Fernand. Le drame cathare ou l'hérésie nécessaire. Paris. 1954.

Laffont J. Albigeois du pays de Foix. Cannes. 1955.

Niel Fernand. Albigeois et cathares. Paris: Presses Universitaires de France. 1955. (Que sais-je?)

Coincy-Saint-Palais Simone. Esclarmonde de Foix, princesse cathare. Toulouse. 1956.

Berne-Lagarde Pierre de. Bibliographie du catharisme languedocien. Toulouse. 1957. (Textes et Documents, 1.)

Roché Déodat. L'Eglise romaine et les cathares albigeois. 1957.

Oldenbourg Zoé. Le Bûcher de Montségur. Paris: Gallimard. 1959.

Borst Arno. Die Katharer. Stuttgart: Hiersemann. 1953. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica.)

Maisonneuve Henri. Etudes sur les origines de l'Inquisition. Paris: Vrin. 1960.

Ventura Jordi. Pere el Catolic i Simo de Monfori. Barcelone: Editorial Aedos. 1960.

Nelli René. Le Phénomène cathare. Perspectives philosophiques, morales et iconographiques. Paris. 1964. (Nouvelle recherche.)

Les Cathares. [R. Nelli, F. Niel, J. Duvernoy, D. Roché.] Paris. 1965.

Thouzellier Christine. Catharisme et vaudéisme en Languedoc à la fin du XIIe et au début du XIIIe siècle. Politique pontificale, controverses. Paris. 1966. (Publ. de la Faculté des Lettres et Sciences humaines de Paris. Série «Recherches».)

Niel Fernand. Montségur: temple et forteresse des Cathares d'Occitanie. Grenoble: Impr. Allier. 1967.

Cathares en Languedoc. Toulouse: Privat. 1968.

Nelli René. La nature maligne dans le dualisme cathare du XIIIe siècle. De l'inégalité des deux principes. Carcassonne: Edition de la Revue «Folklore». 1969.

Nelli René. La vie quotidienne des Cathares du Languedoc au XIIIe siècle. Paris: Hachette. 1969.

Thouzellier Christine. Hérésie et hérétiques: Vaudois, Cathares, Patarins, Albigeois. Rome. 1969.

Nelli René. La poésie occitane des origines à nos jours. Paris: Seghers. 1972.

Nelli René. Les Cathares, ou L'éternel combat. Paris: Grasset. 1972. (Histoire des personnages mystérieux & des sociétés secrètes.)

Griffe Elie. Le Languedoc cathare au temps de la croisade (1209–1229). Paris. 1973.

Niel Fernand. Les cathares de Montségur. Paris: Seghers. 1973. (Memoire vive.)

Топенчаров Владимир. Две жарави — един пламък. Бугри & катари. [Защо първата общоевропейска народна вълна против феодализма бе наречена българска ерес.] Есе. София: Наука и изкуство. 1974.

Griffe Elie. Le Languedoc cathare et l'inquisition (1229–1329). Paris. 1980.

Sede Gérard de. Le Secret des Cathares. Paris: J'ai lu. 1980. (Aventure mystérieuse.) [Русский перевод: *Сед Жерар де*. Тайна катаров./ Пер. Е. Морозовой. М.: КРОН-ПРЕСС. 1998.]

Bernard Gui et son temps. Toulouse. 1981. (Cahiers de Fanjeau, 16.)

Effacement du catharisme? (XIIIe–XIVe siècles). Toulouse. 1985. (Cahiers de Fanjeau, 20).

Duvernoy Jean. Inquisition à Pamiers: cathares, juifs, lépreux... devant leurs juges. Toulouse: Privat. 1986. (Bibliothèque historique.)

Niel Fernand. Terres cathares. Paris: SFL. 1987.

Brenon Anne. Le vrai visage du catharisme. Portet-sur-Garonne: Loubatières. 1988.

Niel Fernand. Quéribus: la dernière forteresse cathare. Paris: Laffont. 1988. (Les Enigmes de l'univers.)

Duvernoy Jean. Cathares, vaudois et béguines: dissidents du pays d'Oc. Toulouse: Privat. 1994. (Domaine cathare.)

Nelli René. Dictionnaire du catharisme et des hérésies méridionales. Toulouse: Privat. 1994.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббасиды 42
Абвиль, Николя д' 235, 236
Абли, Жоффруа д' 236, 241
Августин, Аврелий, св. 79
Аверроэс (Ибн Рушд) 42
Авиценна (Ибн Сина) 42
Адальберон Реймский 59
Александр III, папа 109, 287
Алиса де Монфор (ур. Монморанси) 139, 158, 161
Альбер Тарасконский 215
Альенора Аквитанская 34, 218
Альфар, Раймон д' 201–203
Альфонс де Пуатье 221, 222, 226, 229, 290
Альмохады 37, 142
Амиса, графиня Лестер 135
Амори де Монфор 165, 166, 288
Аноним, автор «Песни о крестовом походе против альбигойцев» 45, 159, 161, 163, 182, 280
Аристотель 42, 284
Арнауд Видаль 255
Арнаут Даниэль 48, 49
Арно, Гийом 186, 187, 194, 195, 201, 202
Арно, Пьер 202
Арно-Амальрик 130–132, 137, 144, 148, 155, 186
Арнольд из Виллановы 233
Байль (Сикр), Арно 242
Баккалариа, Бертран де ла 207
Балдуин Иерусалимский 139
Барбера, Шабер де 226
Баррес, Морис 272
Беатриса Прованская 215, 289
Белибаста, Гильем 242, 290
Бельперрон, Пьер 11, 13, 14, 175, 212, 213
Бенедикт Аньанский, св. 29
Бенедикт XI 239
Бенедикт XII 241, 290
Бернар, клирик 202
Бернар Ги 96, 241
Бернар де Кастане 232, 235
Бернар Клервоский, св. 50, 61, 80, 108, 287
Бернар Сессе, еп. Памье 241
Бертрада де Монфор 136
Бертран де Борн 26
Бертран Марти 107, 195, 208, 211, 289
Бланка Кастильская 166, 168, 170, 184, 221
Бланка де Лорак 111, 140
Бомон, Гийом де 225
Бомон, Жан де 199
Бонифаций VIII 75, 176, 234, 237, 241, 244, 281
Борст, Арно 19, 90
Бурбоны 261
Валансьен, Жан де 225
Валентин, гностик 79
Валуа, род 247, 256
Вальдо, Пьер 74
Вассаль, Амблар 230, 231
Вейль, Симона 121, 284
Вентура, Жорди 14, 15
Вессет, дом Жозеф 253, 254, 264

Вильгельм Завоеватель 138, 139
Вольфрам фон Эшенбах 69
Галанд, Жан 233
Ганнибал 23
Гастон Беарнский 144
Гастон Орлеанский 262
Гастон Феб, гр. де Фуа 250, 251, 291
Гатин, Пьер де 231
Гашон, Поль 268
Генрих Лозаннский 73
Генрих II Плантагенет, кор. Англии 34, 35, 218
Генрих III, кор. Англии 157, 196, 200, 205, 215
Генрих IV, кор. Франции 260, 291
Герен, Эли, абб. Грансельва 170
Ги де Монфор 158
Гийом Кат 164
Гийом де Пюилоран 169, 171, 218
Гийом де Тюдель 135
Гилабер де Кастр 107, 195, 290
Гильем де Монтаньяголь 215
Гильом IX Аквитанский 26, 34, 46, 287
Гиро, Жан 16, 78, 106, 193, 230, 231
Гирода де Лавор 111, 140
Голарен, Раймон 203
Гонорий III 157, 166, 176, 186, 288
Готфрид Бульонский 56
Готье Неимуций 66
Григорий VII 30, 61, 62, 125, 151, 287
Григорий IX 176, 185, 186, 194, 201, 289
Гуго дез Арси 205, 206, 289

Гуго Капет 76, 287
Гуго Сен-Викторский 61, 118
Гудули 264, 291

Данте Алигьери 48, 49, 50, 52, 75, 215
Девик, дом Клод 264
Дежан, Гийом 241
Делисье, Бернар 233–240, 271, 282, 290
Джауфре Рюдель 47
Диего, епископ 119
Доминик Гусман, св. 110, 117, 119, 120, 123, 186, 287
Донден, Антуан 17, 292
Доресс, Жан 17
Дуэ, Селестен 293
Дюгеклен, Бетран 250
Дюран, еп. Альби 207
Дюранти, инквизитор 211

Жан де Люжио 85
Жанна Английская 34, 246
Жанна Наваррская 237
Жанна Тулузская 173, 221, 222, 245, 290
Жансемин, Жаки 269, 291
Жорес, Жан-Леон 12, 271, 272, 291
Жофрр, Жозеф-Жак-Сезар 273
Жуайез, Анри де 259, 291
Жуанвиль, Жан де 225

Имад, еп. Падерборнский 57
Иннокентий III 38, 62, 91, 111, 117, 118, 124, 126, 127, 134, 143, 149–151, 157, 163, 176, 186, 201, 243, 280, 281, 287, 288
Иннокентий IV 201, 213, 215, 289

- Иоанн Безземельный 34, 37, 128, 146, 157, 165, 200, 246, 288
 Иоанн Беррийский 249, 251, 293
 Иоанн II Добрый 248, 249, 251, 291
 Иоанн XXII, папа 239

 Кальвин, Жан 52, 275
 Камбасерес, Жан-Жак Режи де 268
 Капетинги 33, 35, 58, 59, 60, 135–137, 173, 176, 196, 215, 222, 247, 280
 Карбон, Раймон 202
 Кардайяк, Гийом де 248,
 Карл Анжуйский 215, 289
 Карл I Великий 28, 287
 Карл II Лысый 28, 32
 Карл Мартелл 287
 Карл V Мудрый 249, 250, 291
 Карл VI Безумный 250, 253, 291
 Карл VIII 255
 Карл Французский 255
 Каролинги 28, 59
 Катарель 258
 Кёр, Жак 254
 Климент V 238, 239, 290
 Кольбер, Жан-Батист 263
 Комб, Жюстен-Луи-Эмиль 12, 270–272, 291
 Комменж, Ги, гр. де 248
 Комменж, Роже, гр. де 159
 Константин Великий 92
 Констанция Французская 35, 108
 Корнель, Пьер 219
 Костиран, Раймон 202
 Кретъен де Труа 45, 57, 68
 Кюжа, Жак 274

 Ла Марш, Гуго X де Лузиньян, гр. де 196, 199, 205
 Лагарригю, Жан 233
 Ламуаньон де Бавиль, Никола де 263, 291
 Лаура де Монфор 248
 Леви, семья 172
 Ленева, Ришар 235
 Луллий, Раймунд 233
 Людовик, герц. Анжуйский 249, 250
 Людовик I Благочестивый 28, 29
 Людовик VII 35, 287
 Людовик VIII 147, 148, 165–167, 288, 289
 Людовик IX Святой 168, 176, 177, 184, 197, 199, 205, 208, 213, 215–217, 221–224, 226–230, 234, 246, 282, 284, 288–290
 Людовик XI 254, 293
 Людовик XIII 261
 Людовик XIV 266
 Люзенак, Пьер де 241
 Лютер, Мартин 52

 Мабилля 111
 Магр, Морис 12
 Мани 80
 Маргарита де Ла Марш 119
 Маргарита Прованская 215
 Маркезия де Лантар 211
 Маркион 79
 Мартен Дош, Жозеф 267
 Мартен-Шабо, Эжен 280
 Мезоннёв, Анри 16
 Меровинги 28
 Милон, папский легат 130
 Мирпуа, Пьер-Роже де 202, 207, 210
 Мистраль, Фредерик 269, 270, 291

Мишле, Жюль 11
Монморанси, Анри, герц. де
262, 291
Монфор л'Амори 136
Морьер, Гийом де 236
Монфоры 136, 137, 222
Моррас, Шарль 269

Нелли, Рене 16
Никита, епископ 90, 91
Ногаре, Гийом де 150, 237,
238, 274

Овидий Назон, Публий 43
Оливье де Терм 198, 216, 217,
223–228, 232, 287, 289

Омейяды 42
Ольденбург, Зоя 14, 150
Ор, Гарсиас д' 202
Орм, Гийом де 198
Оттон III 41, 287
Отье, Гильем 240
Отье, Жак 241
Отье, Пьер 240, 241, 242, 290

Павийон, Никола, еп. Алетс-
кий 266, 291
Пажес, Гийом 231, 232
Патрис, Эли 237–239
Педро II Арагонский 14, 15,
37, 112, 133, 137, 143, 145,
146, 259, 276, 288
Пейра, Наполеон 11–14, 257,
269, 270
Пейре Карденаль 50
Пербоск, Антонен 270
Перейя, Корба де 211
Перейя, Раймон де 202, 211
Пестилюс, агент инквизиции
231
Петр из Во-де-Сернея 102,
138, 145, 161
Петр Ноласко, св. 67

Петр Пустынный 66
Петрарка, Франческо 49
Пикиньи, Жан де 235, 237,
239
Плантагенеты 34, 35, 36, 58,
59, 135, 136, 137, 246
Платон 42, 80
Пулен, Элизабет 257
Пьер Амьель, еп. Нарбоннс-
кий 199
Пьер д'Отей 226, 291
Пьер де Кастельно 111, 118,
120, 126, 128, 201, 289
Пьер-Роже Транкавельский
15
Пюэш, Эме 17

Раймон I Тулузский 32, 287
Раймон IV Тулузский, гр.
Сен-Жиль 32, 34, 39, 50,
55, 66, 130, 217, 287
Раймон V Тулузский 34, 35,
66, 108, 109, 127, 287
Раймон VI Тулузский 34, 38–
40, 48, 87, 108, 111–113, 120,
123, 127–131, 138, 141, 146,
148–154, 156, 157, 159, 165,
201, 213, 218, 222, 246, 282,
287, 288
Раймон VII Тулузский 34, 152–
154, 156, 165–167, 169–175,
182–184, 184, 187, 193, 194,
197, 199, 201, 204, 205, 208,
213–218, 221, 222, 224, 246,
276, 281, 282, 287, 288, 289,
Раймон IV Беренгьер 39, 214,
215, 289
Раймон де Терм 223
Раймон дю Фога 109, 199
Раймон из Родеза 241
Раймон-Роже Транкавельский
111, 112, 128, 130, 133, 134,
141, 165, 197, 288

Раймон-Роже де Фуа 112, 138, 150, 159
Раймондины 32–37, 59, 198, 221, 276
Рембо, Артур 85
Ричард Корнуэльский 215
Ричард I Львиное Сердце, кор. Англии 34, 246
Ричард II, кор. Англии 251, 252
Ришелье, Жак-Арман дю Плесси, герц. де 261, 262
Робер Гискар 139, 164
Робер Мовуазен 139
Робер Презренный 189
Роберт II Благочестивый 76
Роган, Анри, герц. де 261
Рокфор, Бернар де 202
Ромен де Сент-Анж, кардинал 166, 168, 171, 175, 281, 288
Ромье де Вильнев 215
Роше, Деодат 16
Румангу, Пьер де 231
Руманиль, Жозеф 269

Савонарола, Джироламо 52
Саккони, Ренье 103, 105, 106, 189
Сансерр, Луи де 253
Санча Арагонская 199, 289
Санча Прованская 215
Селла, Пьер 186
Сен-Жорж, Фульк де 235, 236
Сен-Мартен, Гийом де 238
Сен-Тибери, Этьен де 202
Сильвестр I 75, 287
Сильвестр II (Герберт Ориийский) 41, 59, 287
Симон де Монфор 13, 15, 117, 134–146, 148, 149, 151–158, 161–165, 168, 174, 175, 197, 223, 262, 288

Сугерий 59
Сюлли, Максимилиан де Бетюн, герц. де 261

Таншельм Фландрский 73
Те, Бертран де 241
Тибо IV Шампанский 167, 170, 171
Тиссейр, Гийом 231
Транкавели 15, 34, 35, 36, 130, 198, 276, 277
Транкавель, виконт, сын Раймона-Роже 165, 197–199, 204, 216, 221, 224, 282, 289

Угуччоне Пизанский 118
Уот Тайлер 252

Фабри, Кастель 235
Фауст Милевский 79
Феррьер, инквизитор 211
Филипп I, кор. Франции 136
Филипп II, кор. Испании 259
Филипп II Август, кор. Франции 37, 58, 111, 118, 128, 129, 146, 166, 168, 246, 277, 278, 287, 288
Филипп III, кор. Франции 230, 232, 245, 282, 290
Филипп IV Красивый, кор. Франции 21, 176, 233–235, 237, 238, 241, 244, 281, 290
Филипп V Длинный, кор. Франции 244, 245, 290
Филипп VI Валуа, кор. Франции 247, 290
Филипп Смелый, герц. Бургундский 252, 291
Фолькет (Фульк) Марсельский 50, 137, 138, 141, 155, 169, 171, 280, 287
Фош, Фердинанд 273
Франциск Ассизский, св. 74

Франциск I 256
Фридрих II Гогенштауфен
157, 158, 196, 205, 214, 288
Фруассар, Жан 253
Фуа, род 144, 148, 195, 232,
253, 258
Фульгальд 32
Фульк из Нейи 66
Фульк IV Мрачный, гр. Ан-
жуйский 136

Хайме II 238
Хлодвиг 287

Целестин III 117

Черный принц 249, 290

Шпенглер, Освальд 91
Штейнер, Рудольф 18

Эдуард II 247
Эдуард III 247, 249
Элеонора Прованская 215
Эмбер де Сала 207
Эмери де Монреаль 111, 140
Эон Летуальский 73
Эрмесинда де Курсавин 223
Эсклармонда де Фуа 12, 110,
195
Эстье, Проспер 270

Юмбер де Боже 168, 224, 289

Ян Люксембург, кор. Чехии
248

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авиньон 37, 110, 154, 157, 167,
244, 269, 289
Авиньоне 187, 195, 200-205,
207, 208, 217
Австразия 28
Агд 36
Агилар 226
Ажен 25, 217, 289
Ажене 32, 172, 173, 218
Азенкур 291
Аквитания, Аквитанское гер-
цогство 28, 29, 35, 157, 246
Акра 228
Акс-ле-Терм 240
Альби 30, 192, 218, 235, 238,
239, 255, 277, 290, 291
Альбжуа 25, 33, 172, 173, 238,
245, 252, 257, 277, 287
Альпы 36, 277
Ананьи 75, 151, 237, 290
Англия 37, 51, 139, 142, 146,
222, 246, 250, 251, 276, 288
Ансерюн 23
Антверпен 29
Антиохия 56
Аньян 29
Арагон, Арагонское королев-
ство 36, 37, 60, 146, 154,
197, 222, 226, 227, 244, 252,
254, 276, 278, 280, 290
Арифат 230
Арльское виконтство 36
Атлантика 26
Базакль 159
Базьеж 170, 289
Барселона 14, 15, 29, 157
Барселонское графство 26
Безье 23, 24, 60, 130-133, 137,
138, 151, 152, 165, 216, 217,
237, 277, 287
Белинас 224
Бельперш 174
Бигор 25, 158
Бискайский залив 60
Блая 205
Бокер 153, 154, 158, 161, 172,
193, 196, 197, 215, 216, 222,
229, 247, 264, 288
Болгария 20, 79, 107
Болонья 118
Борделе 25, 27
Бордо 59, 186, 205, 246, 249,
254, 291
Брам 205
Бретиньи 249, 250, 290
Бувин 58, 128, 146, 278, 288
Бульбон 145
Бургундия 28, 68, 222, 257
Бурж 167, 186
Валенсия 242
Везле 57, 80
Веле 35
Верден 28, 227
Вертю 77
Верфей 80
Вестфалия 57
Виваре 35, 264
Византийская империя 107,
125, 287
Вильруж 242, 290

Вильфранш-де-Лораге 187,
201
Во-де-Серней 138
Гажа-ла-Сельв 187
Гайак 218
Галлия 24, 177, 287
Гаронна, р. 22–25, 36, 57, 81,
141, 159, 218, 248, 255, 257,
276
Гасконь 24, 36
Гастингс 138
Германия 51, 58, 60, 69, 110,
222
Готская марка 24
Грансельв 29, 170, 174

Дамаск 225
Дания 123
Дельфы 24
Дром, р. 36
Дюранс, р. 36, 167

Европа 27, 28, 39, 40, 52, 53,
60, 64, 68, 176, 195, 252, 277
Египет 17, 126

Жеводан 35, 250

Задар 136, 137

Иерусалим 125
Иль-де-Франс 33, 135
Индия 42, 100
Испания 24, 25, 28, 42, 51, 58,
242, 259, 277, 278
Италия 51, 58, 60, 76, 107, 196,
217, 222, 242

Кабарде 110, 138
Кабаре 138, 140, 288
Кагор 25, 34, 172
Кале 248

Кандей 174
Каркассон 25, 30, 33, 35, 131,
133, 134, 137, 165, 168, 172,
183, 193, 194, 195, 196, 197,
198, 199, 215, 216, 222, 223,
229, 233, 235, 237, 238, 239,
242, 247, 248, 259, 264, 276,
277, 288, 289
Каркассонское виконтство 60,
137, 152
Кастельнодари 110, 141, 153,
187, 201, 255, 262, 267, 288
Кастель-Саразен 25
Кастилия 205, 278
Кастр 230, 236, 237, 260, 271,
291
Кастре 257
Каталония 36, 157, 277
Кейяве 53
Керибюс 213, 221, 226, 227,
289
Керси 24, 25, 172, 173, 248, 250
Клерво 174
Клюни 29, 57
Комменж 25, 202
Компостелла 51, 125
Конк 51, 53, 54, 57
Константинополь 20, 79, 90
Конта-Венессен 32
Корбей 244
Корбьеры, горы 23, 25, 138,
213, 223, 226, 227, 276
Креси 248, 290
Кусеран 25

Ла-Бесед 187, 224
Лавор 110, 130, 140, 141, 144,
182, 211, 288
Лаграс 29–30
Лакон 25
Ла-Манш 27, 58
Лан 29

- Лангедок 16, 20, 21, 172, 198, 215, 219, 220, 227, 247–251, 253–255, 257, 259, 261–272, 274, 277, 282, 290–291
- Ла-Плате 237
- Ла-Рош-о-Муан 46, 278, 288
- Ла-Рошель 261
- Лас-Навас-де-Толоса 143, 145, 288
- Ле-Кассе 140, 141, 182, 211, 288
- Лекат 276
- Лектур 53
- Лизье 235
- Лимож 187
- Лиму 36, 183, 277
- Лимузен 26, 27
- Лион 132
- Ломбардия 196, 230, 231, 240
- Ломбер 231
- Ломбрива, пещеры 240, 242
- Лораге 25, 33, 67, 110, 120, 140, 187, 205, 224, 267
- Лорак 110, 187
- Лорри 205, 213, 289
- Луара, р. 29, 58, 61, 189, 278
- Люнель 31
- Маас 28, 29
- Магелон 30, 251
- Майорка 238, 239, 243, 248, 290
- Манцикерт 125, 287
- Марманд 25, 34, 37, 142, 165, 276, 289
- Мас-Сент-Пюэль 67
- Мельгей (Моглио), графство 36
- Милан 77, 233
- Милло 217, 218, 289
- Минерв 130, 138, 139, 182, 211, 288
- Мирпуа 110
- Мо 170–172, 174–176, 178, 182, 184, 185, 187, 193, 194, 197–199, 213, 215, 216, 281, 282, 289
- Монвимер (Монт-Эме) 77
- Монпелье 26, 35, 36, 42, 110, 140, 148, 227, 233, 248, 250, 254, 261, 263, 268, 290
- Монреаль 110, 164, 199
- Монсегюр 107, 191, 195, 196, 201–213, 230, 290, 291
- Монтань-Нуар 25
- Монтобан 25, 149, 250, 261
- Муассак 25, 52, 54, 57, 142, 288
- Мюре 14, 145, 146, 153, 159, 277, 278, 288
- Нарбонн 23, 24, 29, 42, 43, 67, 110, 120, 139, 186, 198, 235, 276
- Нарбоннское виконтство 35
- Невер 77
- Нейстрия 28
- Ним 24, 250, 251, 257, 259, 261, 267, 291
- Нимское виконтство 36
- Нин 53
- Ниссан 23
- Ницца 15
- Новемпопулания 24
- Нормандия 58, 60, 135, 257
- Обеих Сицилий королевство 139, 142, 215
- Овернь 68
- Од, р. 25, 199
- Ож 235
- Окситания 13, 26, 107, 109, 158, 167, 170, 183, 277, 278
- Орлеан 33, 76, 287
- Осм 119
- От-Брюйер 136, 164
- Ош 24, 29, 186
- Падерборн 57

Палестина 139
Памье 142, 156, 164, 241, 288, 290
Париж 15, 29, 33, 57, 58, 171, 222, 236–238, 245, 273, 274, 281, 289
Парижский бассейн 25
Пенн д'Ажене 142, 205, 288
Перигор 48
Перпиньян 223
Персия 42
Пеш 230
Пиренеи 15, 28, 37, 78, 177, 276
Пиренеи Арьежские 23, 30
Прованс 5, 26, 27, 36, 39, 60, 138, 155, 186, 215, 216, 270, 280, 291
Прованский маркизат 32, 149, 150, 152, 172
Прованское графство 215
Пруй 201
Псалмоди 222
Пуату 26, 58
Пуатье 26, 59, 249, 290
Пьесс 183, 288

Рабастен 218
Разес 36, 183, 266
Ревель 251
Реймс 59
Рейн, р. 57, 77, 81
Ренвиль 187
Риберак 48
Рим 43, 52, 112, 125, 138, 139, 244, 281
Римская империя 127
Родез 241
Рокекурб 257, 271, 294
Рона, р. 22, 23, 26, 29, 36, 57, 58, 154, 157, 158, 161, 167, 248, 257, 264, 276
Романия 26

Роозбек 252, 291
Руссильон 27, 36, 158, 198, 221, 254
Руэрг 25, 33, 51, 172, 173, 250

Сабарте 207, 240
Саверден 205
Санлис 235
Сантьяго-де-Компостелла 51
Святая земля 50, 55, 136, 174, 216, 217, 228
Священная Римская империя 152, 172
Северные горы 257, 261, 263, 291
Северное море 27, 64
Сена, р. 57, 58
Сен-Дени 59, 136, 246
Сен-Жан-д'Акр 226
Сен-Жиль 36, 131, 175, 287
Сен-Мартен-ла-Ланд 141, 187
Сен-Мор 264
Сен-Папуль 30, 248, 266–267
Сен-Пон-де-Томьер 30
Сент 205, 289
Сент-Жюлиан холм 257, 258
Сен-Феликс, проход 25
Сен-Феликс-де-Караман 90, 91, 107, 182, 187, 203, 237, 287
Септимания 24
Сербия 107
Сессак 110, 138
Сирия 224
Сито 29, 130, 174
Сицилия 64
Сона, р. 29, 58
Сорез 201
Средиземное море 23, 42, 60, 276
Страна Басков 24
Суассон 33

Тайбур 205, 289
Тарб 273
Тарн, р. 25, 33, 35, 172
Терм 138, 140, 226, 288
Термене 226
Торонет 138, 155
Труа 253
Тулуза 15, 24–26, 29, 33–35, 37,
42, 43, 52, 54, 56, 57, 77,
109, 110, 112, 141, 142, 146,
148, 149, 154–157, 159–161,
165, 167, 168, 173, 174, 183,
186, 192, 194, 196, 212, 216,
218, 223, 237, 241, 245, 247–
249, 255, 259, 262, 264, 267,
274, 276, 277, 279, 287–291
Тулузское графство 26, 58, 80,
128, 152, 168, 193, 219, 222,
229, 249, 288, 290
Тулузское епископство 33,
137, 172, 173
Тунис 228
Тускул 238

Фанжо 110, 120, 145, 187
Фенуйе, Фенуйедские горы
158, 221

Фландрия 58, 60, 251
Флоренция 52, 77
Фолембре 260
Фонтевро 136, 218, 246
Фонфруад 29, 67, 120
Фуа 25, 242

Центральный массив 23, 35,
37, 38, 58, 128, 137, 147, 222,
245, 263, 276

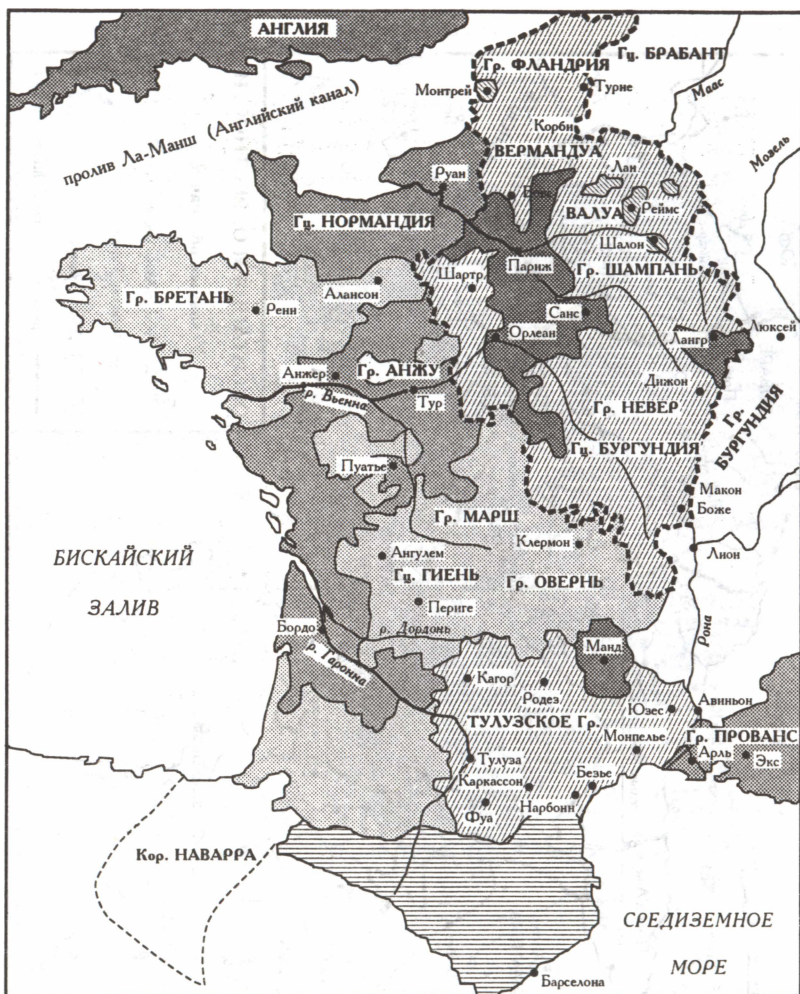
Чехия 247

Шампань, Шампанское граф-
ство 58, 60, 77, 171, 222
Шартр 236
Шато-Нарбонне 158, 161, 174
Шатонёф-де-Рандон 250
Швейцария 110

Эбро, р. 15, 29, 277
Эг-Морт 217, 222, 289

Южный канал 263, 291

Яффа 226

Франция в начале правления Филиппа-Августа (1180 г.)

	Домен короля Франции		Фьефы, непосредственно зависящие от французской короны
	Домен короля Англии		Фьефы, непосредственно зависящие от короля Англии
	Домен короля Арагона		Фьефы, непосредственно зависящие от короля Арагона
- Гц. Герцогство
Гр. Графство

ЦЕНТР ОКСИТАНИИ

Границы владений

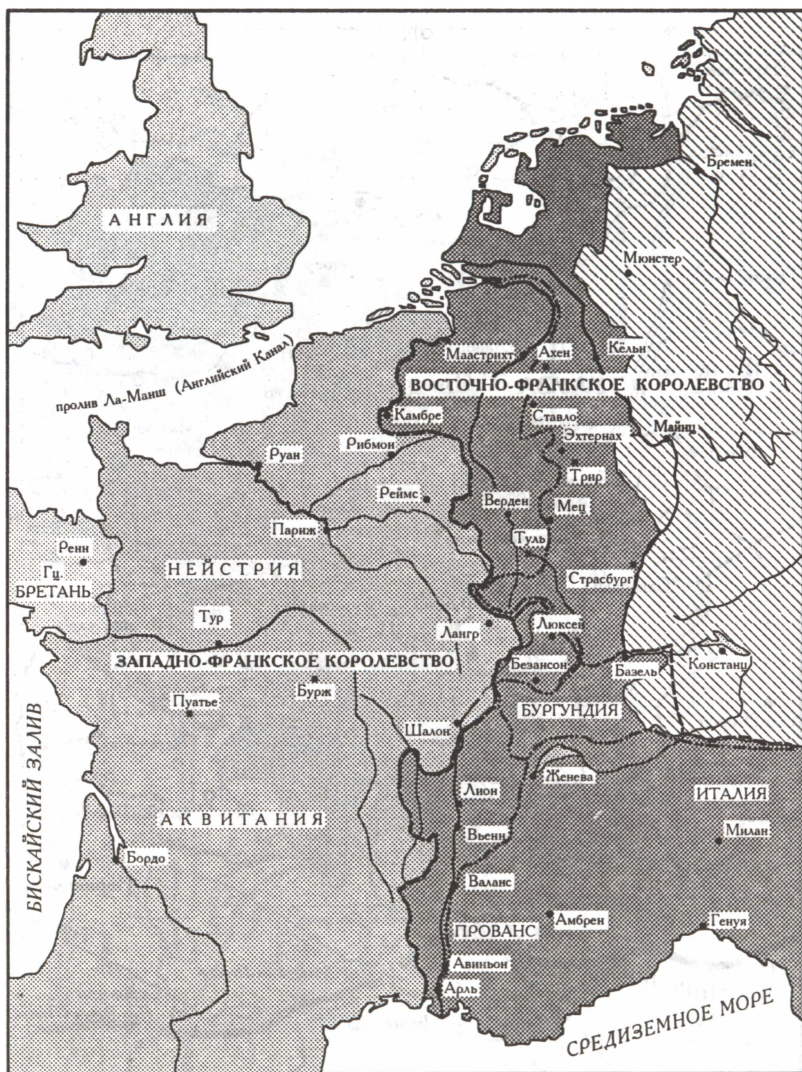

Домен Транкавелей

ТУЛУЗА — центр графства Тулузского

Монсегюр — Важнейшие населенные пункты, Замки, Аббатства

Юссон — прочие населенные пункты

РАЗДЕЛЫ КАРОЛИНГСКОЙ ИМПЕРИИ после заключения Верденского договора (843 г.)

	Королевство Карла Лысого		Границы Мерсенского договора (870 г.)
	Королевство Лотаря		Раздел Лотарингии между Карлом Лысым, Людовиком Немещким и Людовиком II
	Королевство Людовика Немещкого		Границы договора в Рибмоне (880 г.)

ЕВРОПА

В
1000 году

Священная Римская империя

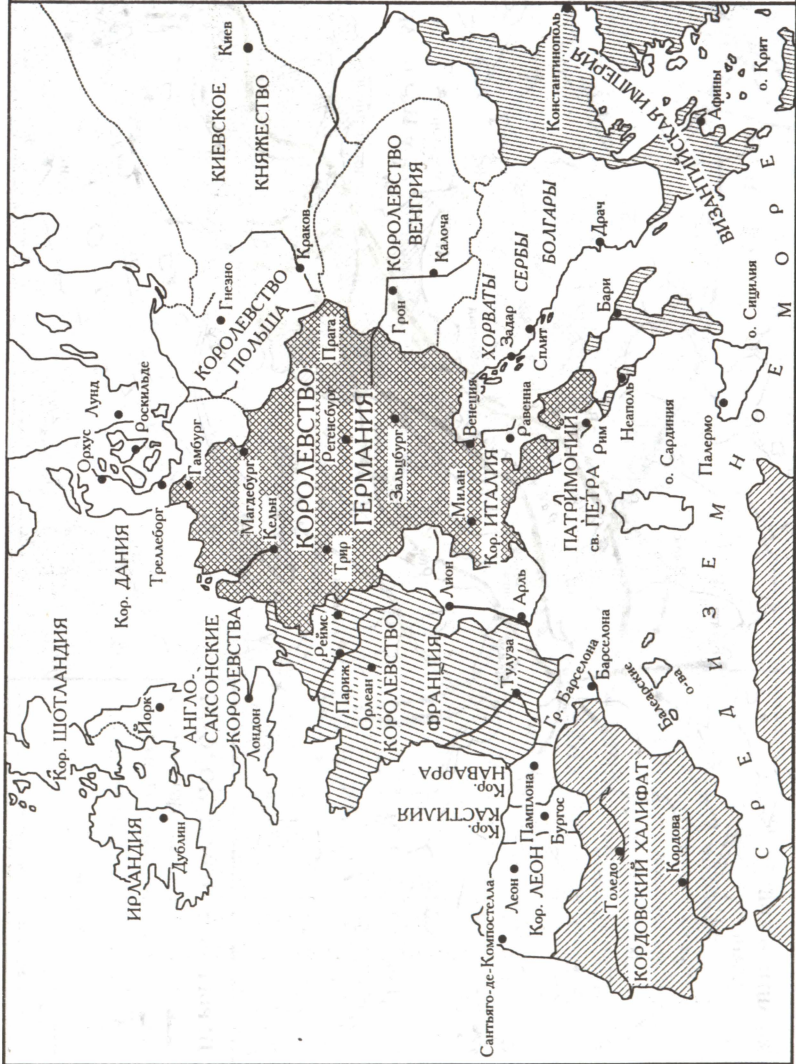
Византийская империя

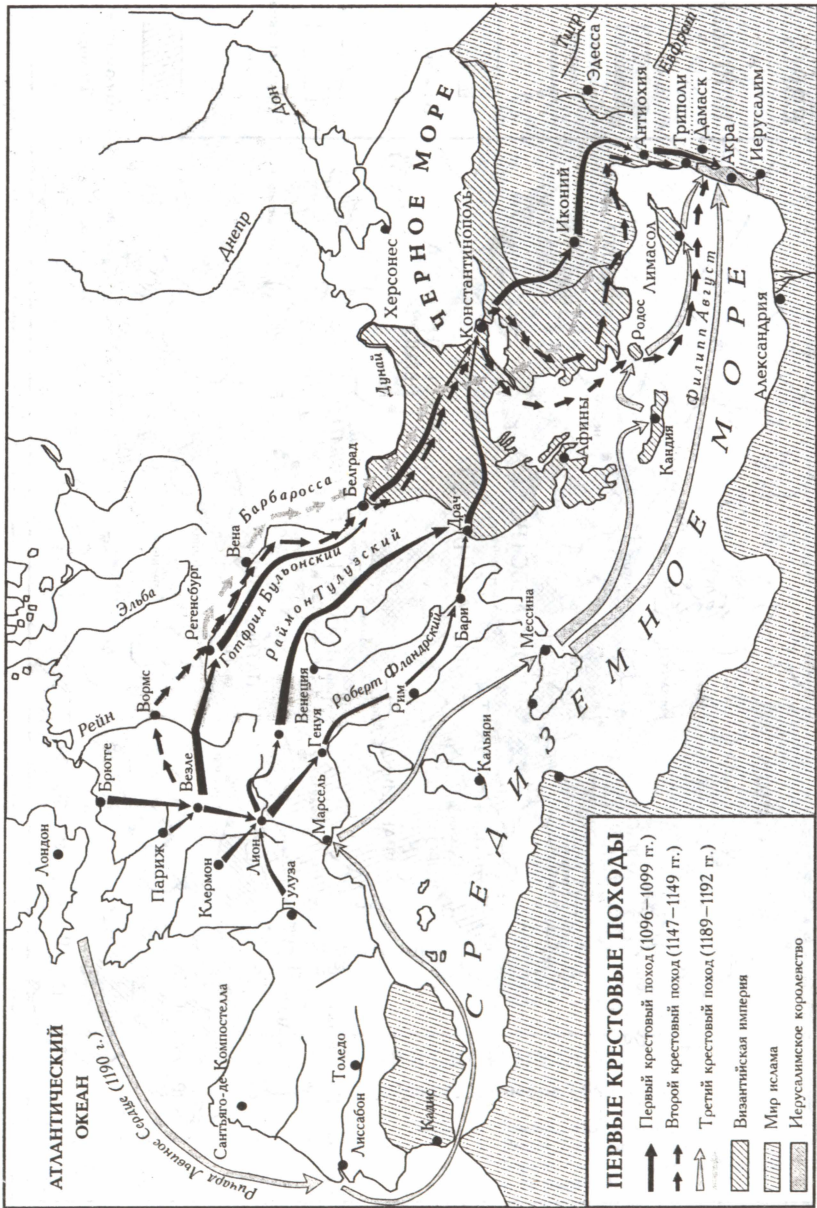

Мусульманский мир

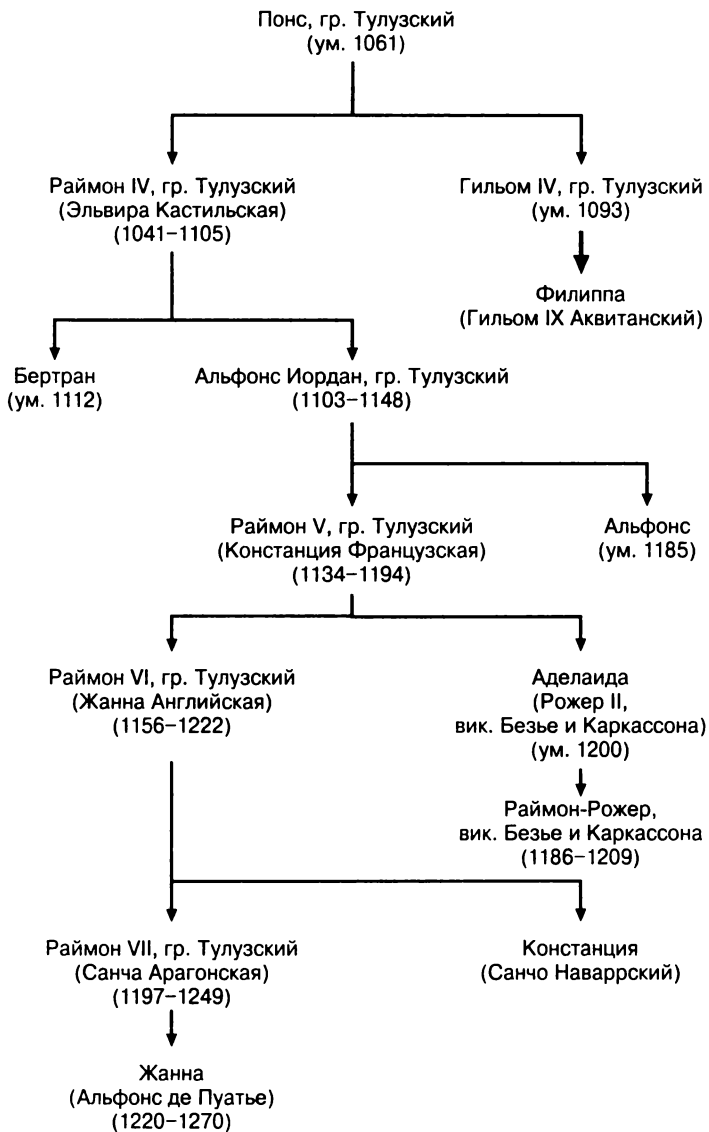
Королевство Франция

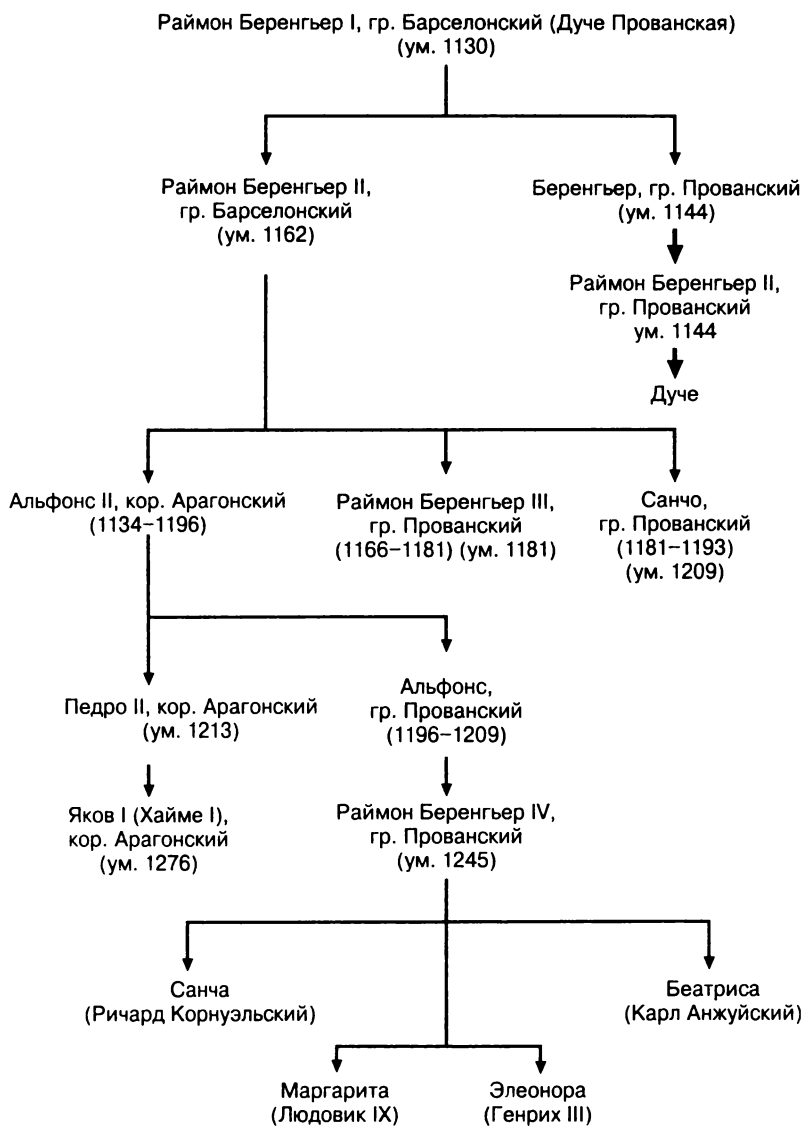

Земли Французского королевства

Граф. Аженуа	Вексен	Граф. Пентьевр
Граф. Алансон	Виваре	Граф. Перигор
Альбизуа	Граф. Водемон	Граф. Перш
Сеньория Альбре	Герц. Гиень	Пикардия
Викон. Амьен	Викон. Дакс	Граф. Понтё
Граф. Ангулем	Диуа	Граф. Пуату
Граф. Анжу	Дофине	Сеньория Рец
Граф. Арманьяк	Дюнуа	Викон. Роган
Граф. Артуа	Жеводан	Граф. Родез
Граф. Астарак	Иль-де-Франс	Граф. Руссильон
Граф. Базаде	Сеньория Каркассон	Граф. Руэрг
Бассиньи	Керси	Граф. Сансерр
Викон. Безье	Граф. Комменж	Граф. Сен-Поль
Граф. Блуа	Граф. Конфлан	Сентонж
Граф. Бульонь	Сеньория Куртене	Сеньория Тальмон
Викон. Беарн	Лангедок	Викон. Тарта
Граф. Бигорр	Викон. Леон	Граф. Тоннерр
Викон. Блайя	Викон. Лимож	Викон. Туар
Сеньория Божоле	Граф. Лионне	Граф. Тулуза
Сеньория Бокер	Викон. Ломань	Граф. Турень
Герц. Бретань	Лотарингия	Викон. Тюренн
Бресс	Сеньория Лузиньян	Викон. Турсан
Граф. Бри	Викон. Марсан	Граф. Фландрия
Герц. Бурбон	Граф. Марш	Граф. Форе
Герц. Бургундия	Граф. Мен	Граф. Фуа
Граф. Бургундия	Граф. Могио	Граф. Шалон
Викон. Бурж	Сеньория Монтегю	Граф. Шампань
Капталат Бюш	Граф. Мортен	Граф. Шартр
Граф. Валентинуа	Викон. Мюра	Сеньория Шатору
Граф. Валуа	Граф. Невер	Граф. Э
Граф. Вандом	Герц. Нормандия	Эльзас
Граф. Веле	Граф. Овернь	Граф. Эно
Граф. Венессен	Викон. Онис	Викон. Юзес
Граф. Вентадорн	Граф. Осер	
Граф. Вермандуа	Граф. Пардиак	

Тулузский дом

Барселонский дом

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	5
Введение	11

Глава I Между Роной и Гаронной

Между Роной и Гаронной	23
Тулузское государство	32
Веселая ученость	41
Романское искусство Юга	50
Франция Северная и Франция Южная	57
Христианский мир и народы	64

Глава II Катары

Антиклерикальность и катаризм	73
Доктрина катаров	78
Антицерковь	89
Мораль катаров	94
Consolamentum (Утешение)	99
Могущество катаров	107

Глава III Завоевание

Часть первая

Крестовый поход и победы Симона де Монфора . . .	117
Иннокентий III, святой Доминик и крестовый поход (1198–1208.)	117
Крестовый поход (1209)	130
Симон де Монфор	135
Педро Арагонский	143
Латеранский собор (1215)	148

Часть вторая	
Реванш Юга	153
Бокер	153
Тулуза	155

Часть третья	
Французское завоевание (1226–1229)	166
Крестовый поход Людовика VIII (1226)	166
Договор в Мо (1229)	170

**Глава IV
Инквизиция**

Крестовый поход и папство	181
Инквизиция	185
Сопrotивление	193
Предприятие Транкавеля	197
Авиньонé и Монсегур	201
Конец Раймона VII	213

**Глава V
Французский Лангедок**

Правление Людовика Святого и Альфонса де Пуатье (1249–1271)	221
От Людовика Святого до Столетней войны (1271–1337)	230
От Столетней войны до ордоннанса Вилле-Коттере (1337–1535)	246
Последние столетия монархии	256
Лангедок в составе Франции	266
Заключение	276
Приложения	
Хронология	287
Список литературы	292
Именной указатель	296
Указатель географических названий	302
Карты	306
Генеалогические схемы	316

Жак Мадоль

АЛЬБИГОЙСКАЯ ДРАМА
И
СУДЬБЫ ФРАНЦИИ

Главный редактор *Чубарь В. В.*
Редактор серии *Еременко С. Е.*
Редактор *Некрасов М. Ю.*
Художественный редактор *Лосев П. П.*
Оригинал-макет *Арефьев С. В.*
Ответственный выпускающий *Кирсанов Д. О.*
Корректор *Стефанович И. И.*

ООО Издательская группа «Евразия»
Лицензия на издательскую деятельность
серии ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.
191194 Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 65, пом. 7Н
тел. 245-91-20

Подписано в печать 24.01.2000 г. Объем 10 печ. л.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Бук-Антиква».
Тираж 4000 экз. Печать офсетная.
Заказ № 161.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПК «Лениздат» (типография им. Володарского)
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

На страницах данной книги мы представляем отечественному читателю не только обстоятельства и события альбигойского крестового похода, одного из интереснейших событий средневековой истории Франции, но и включающее перевод первоисточников описание доктринальных оснований альбигойской ереси и ее места в истории европейского христианства.

ISBN 5-8071-0037-9

9 785807 100375